

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Любимая, так будем же
верны друг другу!..
(Мэтью Арнольд, «Берег Дувра»¹)*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

– Настал час расплаты, друзья. Пора восстановить справедливость.

Повсюду в комнате валялись оружие и мусор: пустые упаковки из-под пиццы, ярко-красные пятна давно засохшего соуса, затвердевший сыр, похожий на обожжённую и покрывшуюся коркой плоть. Пустые банки и бутылки из-под пива стояли на столе, источая густой запах дрожжей. Жильцы видели всё сквозь туман сигаретного дыма, словно у них была катаракта. Свет от двух торшеров с изодранными абажурами падал на грубые лица мужчин: у одних – измождённые, у других – полные и рыхлые.

Кончики сигарет светились, словно глаза в ночных джунглях, затем тускнели в облаках дыма, и в уже полных пепельницах продолжали расти горки пепла.

– Месть за Уэйко²...

Пачки журналов с названиями вроде *Христианин-патриот*, *Белая гордость*, *Американ Таймс* и квази-шекспировское *Вооружиться против бедствий* лежали на двух небольших столиках.

– Месть за Руби Ридж³...

В комнате стоял небольшой книжный шкаф с парой дюжин потрёпанных томов, среди которых были *Дневники Тёрнера*, *Майн Кампф* и множество книг об оружии и боеприпасах. На одной полке стояла коллекция пособий по изготовлению бомб и совершению убийств, а также серии книг под названием *Как убивать* и *Джеймс Бонд для бедных*.

– Месть за Тима Маквея⁴...

На заднем плане играла музыка – достаточно громко, чтобы отделить слова от непрерывного ритма западного кантри:

¹ Здесь и далее – в переводе Вланеса.

² Осада принадлежавшего членам религиозной секты «Ветвь Давидова» ранчо «Маунт Кармел» в 14 км от города Уэйко, штат Техас, силами ФБР и Национальной гвардии США, длившаяся с 28 февраля по 19 апреля 1993 года.

³ Местность в северном Айдахо, где в 1992 году произошёл инцидент с применением огнестрельного оружия, который вместе с инцидентом в Уэйко стал одной из причин развития т.н. «движения ополчения США».

⁴ Тимоти Джеймс Маквей – организатор самого крупного (до событий 11 сентября 2001 года) террористического акта в истории Америки – взрыва в Оклахома-сити 19 апреля 1995 года, унёсшего жизни 168 человек, среди которых было 19 детей младше шести лет.

*Жиды убегут, и чёрные с ними –
Мы отвоюем для себя Америку.
Да, мы заставим эту чернь бежать,
Если каждый американец достанет ствол...*

– И начнём мы с сенатора Роберта Кинга.

Но что бросалось в глаза в этой задымлённой, тёплой комнате, так это оружие. То, как бережно его хранили и как с ним обращались, резко контрастировало с беспорядком в помещении. Что-то хранилось в пирамидах, поблёскивая тёмным металлом, что-то висело на стене с каждой стороны огромного американского флага. Вокруг каждой винтовки был нарисован белый контур, словно указание для их пользователей, куда их вешать; призрак оружия, который тихо шепчет, когда само его материальное воплощение громко говорило вслух.

– С этого сукиного сына, либерала, женатого на еврейке, любителя негров и ненавидящего патриотов...

Некоторые виды оружия были легальны, но на многие, способные вести автоматический огонь, разрешения не было – в том числе несколько автоматов Калашникова, два финских Jati-Matic, пара Ингрэмов, старая, но рабочая «Линда» Уилкинсона, KG-9 и два пистолета-пулемёта МК Arms 70. Все они были начищены и смазаны, и магазины с патронами лежали на маленьких полках либо висели на крючках рядом с оружием, для которого они предназначались.

Но это было лишь то, что можно быстро использовать в случае нападения; всё остальное в гораздо большем количестве хранилось в арсенале.

– И мы сделаем это, как только он приедет в Хоби.

Вёрджил Уизерс, известный своим товарищам – «Сыновьям свободной Америки» – под кличкой Рип, откинулся на стуле и улыбнулся. Его зубы блеснули между тонких губ. В остальном же лицо его было далеко не тонким. Оно было мешковатым и морщинистым, перечёркнутым ненавистью и разжиревшим от говядины, сыра и углеводов. Но Рип поддерживал форму и был скорее не толстым, а коренастым.

– Кинг едет сюда? – слова вырвались изо рта Джуниора Фили на ковёр сигаретного дыма.

Джуниора любой назвал бы толстяком, но это не так, поскольку рост его был 203 см, и большую часть его веса – 145 килограммов – составляли

чистые мышцы. «Сыновья свободной Америки» избрали Джуниора Фили казначеем потому, что считали, что никто не осмелится украсть у него деньги, а он слишком туп для того, чтобы украсть их самому.

– Чёрт, да, Кинг едет, – сказал Рип. – Чип вскрыл их сайт в Интернете...

– Не вскрыл, а взломал, и взламывать ничего не нужно было, – сказал Чип Портер, взмахнув бутылкой пива в знак протеста. – Я, блин, просто *нашёл* его.

– Как скажешь. Короче, мы знаем, что он будет в городе, знаем, когда и где. Зачитай им маршрут, Чип.

Чип прочёл с распечатки:

– Во вторник, тридцатого апреля, в девять утра он прибудет в Хоби, где встретится с мэром города. В десять он посетит пострадавшие от наводнения районы...

– Этот ублюдок раздаёт деньги из выплаченных нами налогов этим речным крысам, чтобы они могли отстроиться, – сказал Санни Армитедж, – и теперь он приезжает сюда, чтобы получить своё, набрать больше грёбанных голосов на грёбанных президентских выборах.

– Санни, твой дядя собирается отстроить свой дом на эти деньги, – напомнил ему Эйс Людвиг.

– Ну, прежде всего, мой дядя был дебилем, купив там дом. Этот грёбанный сенатор – ещё один дебил, потому что дал ему деньги за его тупость. И мой дядя – трижды дебил, потому что взял эти деньги и строит дом на том же месте, где через год или два снова всё затопит.

– Аминь, – сказал Джуниор Фили. – Чего ты Кинга защищаешь, Эйс?

– Я не защищаю его, он чёртов предатель, и я бы вышиб ему мозги так же быстро, как убил бы Рено, Биллари или Тедди Кеннеди. Я просто констатировал *факт* – дядя Санни получил деньги от этого мудака с его долбаным законопроектом.

– Ну *ладно*, – сказал Рип. – А теперь заткнитесь и дайте Чипу прочитать это. Продолжай.

– Итак, сенатор пару часов будет фотографироваться, потом пообедает в закусочной Барни. Пожимает руки, встречается с простыми людьми.

– Мы могли бы попросить Барни отравить этого мудака, – предложил Эйс Людвиг, и все рассмеялись.

– После этого он беседует с членами торговой палаты в половине второго, отвечает на вопросы и прочую хрень до половины четвёртого, после чего посещает мелких бизнесменов в районе.

– Готов поспорить, – сказал Санни Армитедж, – что он не зайдёт в оружейный магазин Питерса. Чёрт, мы могли бы попросить Джимми Питерса дать ему бесплатно наклейку на бампер с надписью «Смерть Кингу».

Они снова рассмеялись, в том числе и Чип, продолжавший читать, улыбаясь.

– Ладно, эти визиты ещё не подтверждены – мы не знаем, когда и какие магазины или офисы он посетит, но известно последнее место, куда он заедет перед вылетом в девять. Оно ближе всего к аэропорту, на окраине Хоби.

– Хочешь, чтобы мы угадали? – сказал Санни Армитедж, заполняя паузу.

– Детский сад, – ответил Чип. – Центр по уходу за детьми «Дружба» – так это называется.

– Чип всё разузнал, – сказал Рип Уизерс. – Открыт полгода назад, управляется двумя женщинами, ещё одна помогает. Это наша лучшая возможность. В остальных местах вроде магазинов оргтехники или электроники дохрена охранных систем, или офисы в зданиях, где с охраной ещё сложнее. А здесь нет ничего.

– Почему? – спросил Уилл Стендиш.

– Потому что у них красть нечего, – ответил Рип. – Возможно, парочка видеомагнитофонов, один или два компьютера, чтобы дети могли поиграть. Что ещё – игрушки, да? И что лучше всего – это в пригороде, вокруг в основном дома, и практически никакого уличного движения после десяти вечера. Да, братья, это идеальное место, чтобы взорвать ублюдка.

Эми Карлайл повесила трубку и осмотрелась. Она была потрясена новостями. Чтобы сконцентрироваться, Эми представила, как эта комната выглядела несколько часов назад и как она выглядела бы пару часов спустя – полная весёлых и счастливых детей, которых Эми просто хотела сделать веселее и счастливее.

Правда, каждый из пятидесяти трёх детей, за которыми она вместе с Нэнси и Джуди присматривала шесть дней в неделю, мог и не отличаться гениальным уровнем интеллекта, но они имели определённые положительные качества – все, начиная с годовалых малышей, только начинавших говорить, и заканчивая учениками младших классов, оставленных перед занятиями или проводящих несколько часов после школы, пока родители не заберут их, возвращаясь с работы домой. Каждый из них мог предложить что-то своё, и каждый был особенным.

Эми знала имена каждого из них, знала, что они любят и что им не нравится и самое важное – она знала, что заставит их улыбаться. Когда лица

детей начинали светиться (у младших – при виде ярко раскрашенной машинки или шумной игрушки, старших же радовали наборы для рисования или любимая книга, которую собиралась прочитать Эми), она знала, что делает нечто большее, чем просто зарабатывает деньги.

Она никогда не хотела быть обычной нянькой; ей хотелось организовать настоящий центр обучения, где дети могли бы не просто проводить время. Они получали бы полезные навыки и представление о мире, учились бы общаться с людьми и находить друзей. Уходя, дети знали бы больше, чем они знали, придя утром. Она несла за них ответственность и чувствовала, что каждый из них стал её ребёнком.

Они были так дороги ей потому, что Эми не могла иметь своих детей. Когда ей было двадцать семь, они с Риком решили, что пора завести ребёнка (а может, и не одного), и она прекратила принимать таблетки. Но после года попыток обследование у гинеколога показало, что дело было именно в ней, а не в Рике. Они думали об усыновлении, но список ожидания был слишком длинным, а они не хотели становиться родителями в тридцать пять, а то и в сорок лет.

Именно тогда в голову Эми пришла идея создать центр по уходу за детьми: у неё был диплом, и она год преподавала в школе после того, как они с Риком закончили колледж. Но хоть она и любила работать с детьми, она была разочарована неспособностью системы справляться с проблемами, которые она видела. Если у ребёнка были трудности со слухом, речью, зрением или обучением, то на составление тестов уходило месяцы, а когда диагноз был поставлен, ещё больше времени уходило на специальную программу, составленную для ученика.

Были и другие причины для беспокойства. У Эми было несколько учеников, которые явно стали жертвами насилия, но по сравнению с бюрократией, связанной с подобными подозрениями, задержки с тестированием выглядели пустяками. Дети страдали, и она практически ничего не могла сделать. И хоть она и пыталась не падать духом, ей это не удавалось, и постепенно Эми впадала в депрессию. Эта депрессия, а также внешкольное время, которое она посвящала планированию занятий и подготовке к ним, едва не довели её до нервного срыва, и к концу года она уволилась, к большому облегчению Рика.

Благодаря некоторым связям Рика в архитектурной фирме, где он работал, она заняла административную должность в компании, занимавшейся школьным инвентарём. Там Эми узнала, как управлять малым бизнесом с самого начала, и проработала семь лет. Всё это время она думала

об основании детского сада, но лишь узнав о своём бесплодии, она стала относиться к этому серьёзнее.

Она посещала тренинги, но деньги придать не спешили. Она несколько лет копила зарплату, думая, что это позволит ей стать домохозяйкой после рождения ребёнка. Через год после того, как выяснилось, что этого никогда не случится, она смогла выплатить задаток за брошенный спортивный клуб, находившийся в полумиле от их дома. Банковская ссуда обеспечила всё остальное, и ещё оставалось достаточно денег, чтобы превратить бывший спортзал в детский сад.

Ещё полгода ушло на то, чтобы сделать ремонт и получить необходимые документы, но в конце концов Центр по уходу за детьми «Дружба» был открыт. Он работал уже полгода и был очень успешен по всем пунктам (за исключением финансового). Но Эми делала всё, что могла, а последние новости, возможно, улучшили бы ситуацию.

– Последнего малыша забрали?

Эми обернулась и увидела Нэнси Фоулер, стоявшую в дверном проёме.

– Да, только что забрали Меган.

– А ты до сих пор стоишь здесь?

– По телефону разговаривала. – Эми улыбнулась, изо всех сил пытаясь не выдать секрет, желая немного пошутить сначала. – Нэнси, я тут подумала... Знаешь, что было бы здорово? Если бы мы появились на телевидении – на каком-нибудь местном канале, или даже на национальном. Это помогло бы нам попасть в нужные списки, не находишь?

– Ага. По-твоему, мы должны одолжить сотню тысяч долларов и купить пару минут эфирного времени на ЭйБиСи?

– Все четыре канала, включая Фокс, – сказала Эми, глядя в потолок, будто продумывая стратегию. – Новости в 6:30 отлично подойдут, как мне кажется... Родители вернутся с работы, посмотрят перед ужином или после него... и всё внимание на Хоби, в шесть и одиннадцать часов; вещание на весь штат, особенно в Городах-Близнецах⁵...

– Эми, чёрт возьми – прости за это слово в этих священных стенах – о чём ты говоришь?

Эми улыбнулась.

– Телефонный звонок. Знаешь сенаторов, которые чистят пёрышки перед президентскими выборами?

– Кинг? Сенатор Кинг?

– Именно он. Приезжает сюда, чтобы осмотреть повреждения от наводнения, *а также* чтобы посетить мелких бизнесменов – возможно,

⁵ Города-Близнецы – название, данное городам Сент-Пол и Миннеаполис.

чтобы получить поддержку для законопроекта «Бизнес 2000», за который скоро будут голосовать... И угадай, кто один из этих предпринимателей?

– О нет... Ты шутишь?

– Один из его пресс-секретарей только что спросил меня, не возражаю ли я – представляешь, не *возражаю* ли я – если они заедут сюда и снимут кое-какой материал!

– О Боже мой, *когда*?

Эми не была разочарована реакцией Нэнси. Она разве что не прыгала.

– Через четыре дня. В следующий вторник. Это будет около восьми вечера, они заедут к нам по пути в аэропорт. Новак, пресс-секретарь, был предельно честен и сказал, что им нужно несколько снимков сенатора Кинга с детьми *и* предпринимателями, и «Дружба» – идеальное сочетание.

Нэнси нахмурилась:

– Восемь вечера? Но всех детей заберут к семи.

– А может, и нет, – сказала Эми. – Если мы дадим родителям полтора часа, чтобы поужинать наедине или...

Эми повела бровями.

– Ну, сделать ещё что-нибудь, чего при детишках не сделаешь.

– А, старый добрый подкуп уединением?

– Ты меня поняла. Мы скажем им, для чего это всё, но я уверена, они будут рады увидеть своих детей с сенатором по телевизору. И нужно нам всего лишь десять-двенадцать. Родители могут прийти в половине девятого; может, и сами сенатора увидят.

– Звучит потрясающе. Но послушай, – сказала Нэнси, взглянув на часы, – мне Карен нужно забрать у бабушки. Давай ты мне позвонишь, когда будешь дома, и мы решим, кто чьим родителям будет звонить, хорошо?

Когда Нэнси ушла, Эми немного сожалела ей. У неё была дочь, и не было третьеклассницы милее, чем Карен, но у неё не было мужа.

Джон Фоулер был дружелюбным человеком, он был предан жене и дочери. Но проблема (как признала Нэнси после нескольких лет отрицания) заключалась в том, что Джон был *слишком* дружелюбным. Нэнси объясняла это Эми, наконец-то подав на развод, так: «Этот сукин сын всунул бы в любую движущуюся дырку».

Нэнси никогда не уточняла, двигалась ли дырка или же подразумевалась её владелица, а Эми никогда не спрашивала о подробностях. Но адвокаты Нэнси привели столько соответчиков, что Эми решила, что Нэнси не преувеличила.

Её друг получил хорошую денежную выплату и опеку над Карен, Джону же разрешили видеться с дочерью только раз в месяц, по выходным.

Нэнси уже год как была разведена, но до сих пор ни с кем не встречалась. Ей не раз предлагали отношения, в том числе и несколько одиноких отцов, приводивших своих детей в «Дружбу», но она всегда отказывала и объясняла Эми причину: «Все эти парни в разводе. Единственный разведённый, которого я знаю – Джон, и будь я проклята, если свяжусь с ещё одним таким же».

По её словам, она начала бы встречаться с разведённым мужчиной, если бы она знала, что его жена ему изменяла, и только – и даже это не говорит о его способности сделать женщину счастливой.

Не раз говорила она, что хорошие мужья – те, кто живёт в счастливом браке, как Рик, и заполучить такого можно, лишь украв из-под венца (для этого уже было слишком поздно), увести у жены (что значит, что и у тебя его могут отбить) или выйти замуж за вдовца, но она не собиралась проверять страницы с некрологами, выбирая перспективных кандидатов.

Может, Эми не посчастливилось иметь детей, но она была уверена, что ей очень повезло с таким мужем, как Рик. За двенадцать лет брака у них никогда не было размолвки, которая не уладилась бы до вечера. Рик был верен Эми, а она была верна ему, и он ни разу не дал ей повода сомневаться в его чувствах к ней. Это была такая любовь с первого взгляда, которая длится вечно.

Она была счастлива, и возможно, этот визит сенатора Кинга сделает всё ещё лучше. Это может привлечь клиентов, а это значит, что она сможет расшириться и нанять больше людей, и может быть, это принесёт приличную выгоду помимо того, что она следовала своему призванию.

Она так и не могла видеть обратную сторону этого визита, как бы она ни пыталась.

ГЛАВА ВТОРАЯ

– Так, погоди-ка минутку, – сказал Уилл Стендиш, официальный историк «Сыновей Свободной Америки». – Рип, ты что же, хочешь сказать, что мы собираемся взорвать детский центр-интернат, в то время, когда там будут дети? Потому что, если ты и в самом деле к этому ведешь, то я должен заявить протест. Я против такого расклада, категорически. Ты хоть представляешь, каким душегубом выставит МакВея эта детвора? Это не дело, Рип, это совершенно никуда не годится.

– Расслабься, Уилл, – ответил Рип Уизерс. К Уиллу Стендишу он относился, вроде, как к любимчику. Уилл был самым заслуженным из «Сыновей», и уж точно самым мягкосердечным среди всех членов совета по принятию решений. Среди них не было никого, кто превосходил бы его в красноречии, да и писал он получше любого другого, потому и был избран на должность историка (титул, более предпочтительный, чем термин «секретарь», звучавший, на их вкус, чересчур женственно)

– Часам к семи или около того все дети уже разойдутся. Там останутся только сенатор Кинг и его жополизы, да еще кучка левых журналюг и фотографов.

Уилл покачал головой.

– Эхе-хе. Дети у них там точно будут, ты и сам знаешь, Рип. Какой резон Кингу затевать этот визит в детский сад, если не будет возможности наснимать постановочных фото с детишками?

– А ты как себе это представляешь, Уилл? – подал голос Санни Армитедж. – Они что, арендуют детей на вечер, так что ли?

– Да вообще, Уилл, что такого, если и окажется там парочка мальцов? – добавил Рип. – Они же могут затесаться повсюду, где бы мы ни запланировали нападение.

– Я тебе скажу, что такого, Рип! Какой – один-единственный! – образ больше всего запомнился людям после событий в Оклахома-сити? И речь тут не о нас, патриотах, а об основной массе населения Америки вообще.

Никто не отвечал, и Уилл продолжил:

– Вы молчите, потому что и сами знаете. Это тот самый пожарный, держащий на руках мертвого ребенка. Достаточно всего одной такой картинки, чтобы отшвырнуть нас лет на двадцать назад. Черт возьми, мужики, даже если никто из детей не погибнет, мы один хрен взорвем детский сад - ну нахер! Как это будет выглядеть, по-вашему?

– Тебя, может, заботят образы, Уилли, – произнес Санни, – а я вот больше заинтересован в результатах, и мертвый Роберт Кинг в качестве такого результата обещает быть просто-таки охрененно зачетным ходом.

Это послужит предостережением самого что ни на есть высочайшего разряда для всех этих сучьих выродков. Послушай, потери среди гражданского населения во время военных действий бывают всегда, и в той партизанской войне, которую мы ведем, они неизбежны. К тому же, не только ведь с нашей стороны убивают невинных – вспомни-ка того мальчугана из Руби Ридж.

– Что до меня, – сказал Эйс Людвиг, – так я с тем же успехом снял бы его всего одной пулей – и я все еще готов это сделать.

– Мы это уже проходили, Эйс, – устало произнес Рип, – риск слишком велик. Чтобы слинять всухую, тебе надо быть на гораздо большем расстоянии, чем то, что требуется для того, чтобы прозвести незаметный выстрел. Кроме того, снаружи тебе его все равно не снять. Слишком уж мощная у него защита. Тут надо бы занять пост на возвышении, а вокруг нет зданий выше трех этажей.

– Тогда давайте прихлопнем его в городе.

– Черт подери, Эйс, в городе у тебя будет хрен знает сколько свидетелей. Я уже понял, что тебе пришла охота пострелять, и очень скоро такая возможность обязательно представится, но только не сейчас. На сей раз это задача для Паудера.

Эйс зыркнул на тощего, бледного мужчину, с лицом, похожим на песью морду, который сидел почти в самом углу комнаты, и усмехнулся. Рональд «Паудер» Бёрнс⁶ подался вперед, свесив испещрённые ожогами и рубцами руки меж костлявых коленей, торчащих из-под шорт цвета хаки.

– Это ты про того криворукого, что ли? – бросил Эйс. – Да он кроме гильз ни единой хреновины ни разу не взорвал.

Паудер безо всякого выражения взглянул на него сквозь свои перемотанные проволокой очки.

– Прежде не доводилось. Но ты не беспокойся. Уж я-то об этом как следует позабочусь. – Его голос звучал так, словно пауки с бритвенно-острыми лапками елозили по стеклу.

– О, ну да, – ответил Эйс. – А все эти ожоги и шрамы как раз наглядно демонстрируют, в каких надежных руках мы оказались.

– Взрывчатка, – прошипел Паудер, – требует непрерывного изучения. Это как впервые взять в руки ружьё и затеяться на пробу клепать самодельные патроны. Не узнаешь, что насыпал в гильзу слишком много пороха, пока все это дело не рванёт у тебя в руках. Что, думаешь, ты сам не заработал бы пару-тройку шрамов и ожогов после такого?

Эйс издал некий звук, выражавший отвращение.

⁶ Паудер Бёрнс – прозвище, построенное на «говорящей» фамилии персонажа: «powder» переводится с английского как «порох», «to burn» - как «гореть».

– Ну и что же ты намерен делать со своей сраной бомбой, Паудер? Арендуешь в «Ю-Хол»⁷ грузовик, и припаркуешь его рядом с Центром? Это ж вообще ни разу не подозрительно с виду, бля, не-не-не...

– Нет, навозную бомбу использовать не будем, – ответил Паудер. – В одном ты прав, Эйс. Слишком уж она громоздкая и чересчур непослушная.

– Неуправляемая, – едва слышно поправил Уилл Стендиш.

– Так что же вы собираетесь применить в таком случае? Динамитные шашки в помещении неслабо так места займут, к вашему сведению.

– А вот пусть наш главный оружейник и объясняет, – сказал Рип, кивая в сторону Санни Армитеджа.

– Мы запасались пластиком весь прошедший год, – ответил Сонни. – Хранили его на пороховом складе.

– Пластик? – поинтересовался Эйс. – Пластичная взрывчатка?

– Именно. И нынче у нас просто-таки охрентельная заначка. Более чем достаточно для сборки двух бомб.

– Двух? – переспросил Джуниор Фили. – А кого еще нам предстоит взорвать?

– Только Кинга, – сказал Сонни. – Но в Центре два основных корпуса, предназначенных для разных возрастных групп. Они разделены коридором, проходящим посередине здания. Нам неизвестно, где именно будет находиться наша цель, потому мы сочли, что если разместим по устройству на обеих локациях, то уж точно не прогадаем.

– Какого размера будут эти бомбы? – поинтересовался Уилл Стендиш.

Паудер в ответ пожал своими узловатыми плечами:

– Маленькие. Их можно будет принять за пару книг в обёртке.

– И как вы собираетесь их взорвать?

– Там два таймера, установленные на синхронную сработку.

– Это как? – спросил Джуниор Фили.

– Одновременно, – объяснил Паудер.

– Их можно запустить дистанционно? – спросил Уилл.

– Не без ущерба для надёжности.

– Ладно, – продолжил Уилл, – в свете данного обстоятельства, могли бы вы подключить их к таймеру, но при этом иметь еще и пульт дистанционного управления, чтобы с его помощью остановить взрыв, в случае, если выяснится, что визит отменён или еще что-нибудь в таком духе. Понимаете, если Кинг так и не появится там по той или иной причине, либо приедет

⁷ «Ю-Хол» - компания, основанная в 1945 году в Фениксе, штат Аризона; компания оборудует фургоны на основе автомобилей Ford и GMC, предоставляет полный комплекс транспортно-логистических услуг и обладает обширной сетью офисов по все Америке.

слишком рано или слишком поздно, мы сможем все прекратить. Я хочу сказать, что, помимо всего прочего, наша мишень ведь – это сам Кинг, лично, не так ли? Нет оснований взрывать все заведение, если он там даже не покажется, не так ли?

Рип Уизерс кивнул и бросил взгляд на Паудера.

– Сможешь такое смастерить?

– Ага. Но тогда надо хотя бы находиться поближе. Может, ярдов двести, – где-то примерно на таком расстоянии. И мне бы не хотелось активировать их с помощью пульта. Может не сработать.

– Значит, – сказал Уилл, – пульт, возможно, не отключит систему.

– Может, и нет, – согласился Паудер, – однако моя задача заключается в том, чтобы оно рвануло, когда понадобится, а не наоборот. Рассчитывать надо на таймер, а не на пульт.

– Значит, нет никакой уверенности в том, что пульт остановит процесс.

– Послушай, если уж ты хочешь знать, какие у нас шансы, то имей в виду, что таймер срабатывает в 99% случаев из 100%. Тогда как пульт подействует только в девяти случаях из десяти.

– К тому же, Уилл, – сказал Рип, – нам ведь не понадобится останавливать эту штуку. Кинг будет там. Так что возьми себя в руки и успокойся. Паудер приделает к системе пульт, договорились? Просто на всякий случай. Бомбы по-прежнему будут на таймерах, но он устроит их таким образом, чтобы можно было остановить весь процесс с помощью пульта. Ну как, теперь ты счастлив?

– Ладно, просто я не вижу никакого смысла приводить бомбы в действие в отсутствие нашей цели, только и всего, – произнес Уилл.

– Так же, как и все мы. Ладно, Паудер, тебе даю отмашку на то, чтобы привести их в полную готовность. Я хочу, чтобы проникновение на территорию и установку провели завтра же ночью. Неизвестно, когда именно они зашлют туда свою команду спецоперации, так что чем скорее мы все разместим, тем проще это будет. Все согласны? Значит, договорились. Паудер, через десять минут жду тебя и Санни в моем кабинете. И пусть уже кто-нибудь наконец-то разгребёт весь этот срач. Тут у нас конференц-зал, вообще-то, а не свинарник.

Десять человек начали расходиться, воспользовавшись выходом, ведущим наружу, во двор. С дюжину или около того ополченцев стояли, прислонившись к деревьям, или сидели в белых каучуковых креслах, расставленных вокруг массивных деревянных столов для пикника, где иногда накрывали трапезу. Из них два десятка постоянно проживали на территории общины, еще десять по-прежнему жили со своими семьями, но выходные и

большую часть вечеров проводили в общине. Войти в совет они не могли, хотя и принесли присягу, поклявшись хранить все в тайне. Нарушение клятвы незамедлительно каралось смертью.

В прошлом было несколько случаев, когда обет был нарушен, и те, кто это сделал, сполна за все заплатили. Но теперь, проходя мимо своего нынешнего корпуса, Рип Уизерс чувствовал, что может доверять им всем. Ведь они без остатка посвятили себя служению Свободе, которую их предки завоевали для них ценой собственной крови.

Себя Рип считал джефферсоном⁸, хотя пришлось бы основательно надавить на него, чтобы выснить досконально, какой же смысл он вкладывал в этот термин. Слова Джефферсона, так зацепившие его, были, между прочим, изображены на футболке Тимоти МакВея, и говорилось там о дереве свободы, которое должно время от времени поливать кровью тиранов. Рип знал: то была Божественная истина.

Однако проблема заключалась в том, что эта кровь принадлежала отнюдь не тиранам, – та давным-давно уже иссякла, – но простым людям. И речь тут не только об Уэйко и Руби Ридж. Черт побери, да ведь нормальные парни истекали кровью, капля за каплей, день за днем, теряя ее в таком множестве ситуаций, что и сами едва сознавали это, до тех пор, пока окончательно не превращались в зомби, тупо исполняющих то, что велит им правительство.

Да уж, государство влезло в каждый укромный закуток и каждую щель человеческих жизней. Школы учат ваших детей не тому, *как* думать, а тому, *что* думать, прививая свои «ценности», и уча подрастающее поколение тому, как быть славными маленькими либералами и спасать гребаные дождевые леса, и при этом сквозь пальцы глядя на необходимость обучать их чтению, письму и арифметике. Телевидение и кинематограф превратились в настоящую выгребную яму, показывая педрил и лесбиянок такими же нормальными, как и все остальные, зато религиозных парней выставляя умственно неполноценными идиотами.

А уж получать достойную зарплату, дабы иметь возможность обеспечить своей семье пищу, кров и одежду – бля, об этом вообще нахрен забудьте; половина вашей занюханной получки пойдет на то, чтобы прокормить ниггеров, сидящих на крэке, или на то, чтобы регулярно подгонять таблетки спидозным гомосекам, которые один хрен подохнут, или

⁸ Томас Джефферсон (1743-1826) – американский мыслитель, политический деятель, третий президент США (1809), автор Декларации независимости США (1776) и десяти поправок к тексту Конституции США, один из «отцов-основателей».

же эти денежки благополучно осядут в карманах богатеньких мудаков, которые вам платят.

Политика не приемлет застенчивости. Каждый политик в Вашингтоне для кого-то непременно является занозой в жопе. Демократы хотят заграбастать ваши деньги и отдать их наркоманам, мексиканским чуркам и блядским филантропам, а республиканцы стремятся отдать эти же деньги ублюдочным богатеям, которые одной рукой вам платят, а другой тут же загребают все под себя. Все они те еще гондоны, и Рип Уизерс с превеликим удовольствием приставил бы ствол к их головам и расквасил бы их мозги по всему Капитолию, похожему на громадную окровавленную сиську. Эти говнюки никакие не американцы, никто из них. Они даже само значение этого слова и то позабыли.

Но Рип Уизерс не забыл, так же, как и его брат, Рей, и так же не забудет его сын, Карл. Рэй не был умнейшим парнем на свете, однако он был его братом, Рип любил его, и точно знал, что сердце Рэя на верном пути. К тому же, тот ведь не был тупицей, как, например, Джуниор Фили – не из тех, кто прямо-таки провоцирует насмешки со стороны типов, достаточно гнусных для этого.

Нет, Рей был тугодумом, о чем знал и сам, и он спокойно относился к тому, что другим это тоже было известно. И, поскольку у брата совершенно не было эдакого «внутреннего стержня», Рип назначил его вице-президентом «Сыновей». Вице-президент, по сути, сам ничего не делал, он всего лишь контролировал дела в отсутствие самого президента, ну а Рип неизменно находился на месте, и намерен был там всегда и оставаться. Если бы он погиб или еще что-то в таком духе, Рей не принял бы его полномочия автоматически. Последовали бы выборы, и Рип ничуть не сомневался, что победа досталась бы Санни Армитеджу. Его это вполне устраивало. Санни действительно крут, по очень многим статьям, он не облагается.

Через несколько лет, если они переживут этот срок и не будут уничтожены клинтоновскими вооруженными отрядами, Рип рассчитывал, что его сын, Карл, дорастёт-таки до роли лидера. Парнишка постепенно становился по-настоящему хорошим патриотом с тех пор, как Рип забрал сына у его сучки-мамаши. Она собиралась отправить его в один из тех гребаных государственных либеральных колледжей, где он, ясное дело, превратился бы либо в дебила, обнимающегося с деревьями, либо (что еще вероятнее) в клона юного республиканца Ральфа Рида⁹. И если бы ему в следующий раз довелось взять в руки оружие, то случилось бы это потому,

⁹ Ральф Юджин Рид (род. 24.06. 1961) – американский политический и религиозный деятель, функционер Республиканской партии США, директор консервативной организации «Христианская коалиция».

что какой-нибудь ниггер, ограбивший его дом, уронил бы пушку, а тот ему: «Вот, мой черный брат, держи, ты обронил это...». Вот дерьмо.

Впрочем, хватит уже всех этих «если». Карлу исполнилось восемнадцать, и у этой суки больше не было власти над ним, несмотря на то, что она по-прежнему контролировала банковский счет Рипа после развода. Паскудный жид-юрист устроил для нее все в самом лучшем виде, и надо полагать, урвал на этом кое-что сверх гонорара, на радость своему лысому обрезанному хрену.

Что ж, она и его привечала. Бабы, как ни крути, годны только для воспроизводства расы, и Рип от души жалел несчастных придурков, считавших их чем-то большим, чем просто мокрые дырки в сухой постели. Нет, сэр, в рядах «Сыновей Свободной Америки» и среди последователей, проживающих на территории лагеря, женщин не было. Если кому-то нужна была потаскушка, они выезжали в Хоби или в Города-Близнецы, и трясли своим хозяйством там, причем лучше бы им было не гнушаться презервативами, поскольку что-либо серьезнее лбковых вшей означало позорное разжалование – точнее сказать, разжалование с чрезвычайным пристрастием. Те, кто был женат, либо по каким-то еще причинам привязан к дому, и не проживал в общине постоянно, получали свой трах дома, но чем дольше они находились среди «Сыновей», тем сильнее возрастала вероятность того, что они в конце концов порвут отношения со своими пассиями. Патриотизм, как любил говаривать Рип, был ревнивой госпожой.

Рип с гордостью отметил, что никто из членов личного состава, находившихся снаружи, не расспрашивал представителей совета о том, чему было посвящено совещание. Разумеется, им было любопытно, но, будучи хорошими солдатами, они знали ровно столько, сколько было необходимо. Когда придет время, они узнают обо всем, и смогут разделить восторг борьбы. Но до тех пор болтун будет находкой для шпиона. Некоторые слова могут сорваться с языка совершенно непреднамеренно, в особенности те, что бывают произнесены в постели. Вот и еще одна причина держаться подальше от баб.

Кабинет Рипа был всего лишь комнатухой десять на десять, с койкой, парой стульев, тумбочкой, умывальником и телефоном. Он мылся, брился и испражнялся вместе со своими людьми в общей уборной. Телефон тут находился потому, что ему нужна была частная линия, и иногда возникала необходимость переговорить лишь с несколькими соратниками. Для того-то и предназначались складные стулья у стены. Два из них он сейчас же разложил, после чего присел на свой деревянный стул с прямой спинкой и погрузился в молитву.

Он не возносил достаточно молитв, что было неблагодарностью с его стороны. Ведь это именно Яхве¹⁰ привел его сюда, точно так же, как привел Рэнди Уивера и его семью в Руби Ридж в Айдахо. Да, Вики и их сын Сэмюэль были застрелены государственными войсками, чёрт бы их подрал, но ведь пути Яхве неисповедимы. Эти смерти стали той самой вспышкой, что послужила катализатором для развития патриотического движения, и Уэйко стал пламенем, которое, подпалив бикфордов шнур, разнесло вдребезги федеральные здания в Оклахома-сити. Всё взаимосвязано, всё было частью Божественного плана.

«Нет», подумал он, «плана Яхве».

Слово «Бог» не имело никакого значения, как слово «собака», произнесенное задом наперед¹¹. По этой причине им можно было запросто произнести что-нибудь вроде «проклятье божье», однако если бы кто-то попробовал сказать «проклятье Яхве», он мог бы попросту лишиться языка. Конечно, «проклятье Яхве», к тому же, просто так не выговорить.

В дверь кабинета постучали, и Рип пригласил парней войти. Санни Армитедж и Паудер Бёрнс расселись на складных стульях, причем Санни развернул свой стул и скрестил руки на его спинке.

– Эту работу я поручаю вам двоим, – без предисловий сказал Рип. – В нашем распоряжении три дня до того, как появится Кинг, и одни полные сутки до того, как мы всё установим уже на месте, поэтому, Паудер, приступай к сборке, а я, в свою очередь, готов предоставить тебе любую помощь.

– Никакая помощь не потребуется. Те, кто не знает, что именно нужно делать, превратят здешние леса в кратер. Я всё закончу к завтрашнему вечеру.

– Отлично. Если пульта дистанционного управления – затея проблемная, то и нахрен их тогда.

– Могу сделать и пульта. Но как я уже сказал, нет никаких гарантий, что они подействуют.

– Главное, дай гарантию, что сами бомбы сработают.

– Чтоб мне сдохнуть!

– Ладно, в таком случае давай-ка заодно осчастливим Уилла этими самыми пультами. Итак, завтра ночью вы двое проникнете туда и установите устройства. Ваша задача – разместить их таким образом, чтобы они не были обнаружены во время осмотра, причем в месте, где они

¹⁰ Яхве – имя Бога в иудаизме и христианстве, употребляется в Ветхом Завете.

¹¹ Если прочитать слово «Бог» (англ. «God») наоборот, получится слово «собака» (англ. «dog»).

произведут максимум разрушений. Войти и выйти вы должны, не оставив никаких следов.

– Без проблем, – ответил Санни, пользующийся доверием, основанным на десятках предыдущих, весьма успешных, миссий. Его визиты в Города-Близнецы имели огромное значение для снабжения «Сыновей» провиантом и оружием. Санни в прошлом был агентом спецслужб, и мог легко проникнуть незамеченным хоть в семейный магазин, хоть в аптеку на углу, отключить сигнализацию, взломать сейф и свалить с несколькими тысячами долларов в удачную ночь.

Да, «Сыновья» получали львиную долю финансирования крайне запутанными ходами от двух бизнесменов из Сент-Пола, однако именно Санни ухитрялся представить патронам всё в наилучшем виде, и это позволяло общине иметь такой арсенал, которому позавидовали бы все прочие местные группировки – если бы, конечно, хоть кто-то, не состоящий в числе «Сыновей», знал об этом. А уж такое было чертовски маловероятно, поскольку никто за пределами общины даже не ведал о самом существовании «Сыновей».

– Очень хорошо. Время взрыва установите на десять минут девятого. Кинг кичится своей пунктуальностью. Едва ли она ему изменит и в этот раз.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

– Привет, обезьянка, – сказал Рик Карлайл, когда его жена появилась в дверях. Он устроился в уголке кухни, нарочно отведенном для завтрака, в окружении вечерней газеты и полчашки кофе. Склонившись, Эми подарила ему поцелуй, который он тут же возвратил ей, прижимаясь щекой к её щеке, пока они не разорвали объятия.

– Обезьянке нужен банан, – заявила Эми. – Умираю с голоду.

– Ну, там осталось три куска пиццы – разогреваются в духовке.

– Всего лишь три? А это значит, что ты слопал пять. – Эми покачала головой в шутовском возмущении. – Обезьянка и хрюшка.

– А чего ты так долго? – спросил Рик, поднимаясь и вытаскивая пиццу из духовки.

Подхватив кусок, она усадила мужа, села к нему на колени и рассказала (сдерживаясь, насколько это было возможно) о телефонном звонке и грядущем визите сенатора Кинга.

– Господи, дорогая, – ответил он, – это же великолепно! Превосходная реклама для Центра – такое и за деньги не купишь.

– Знаю... Но я размышляла об этом по пути домой и по-моему это немного чудно – инсценировать что-то и просить у родителей разрешения... ну, как бы использовать их детей, понимаешь? Как-то это чересчур меркантильно.

– Эй, я в курсе, что ты привлекаешь к участию детей из самых лучших побуждений, но это ведь бизнес в первую – и главную – очередь, так? Да и родители тебя любят. Уверен, они не станут возражать, если ты поэксплуатируешь их детишек часок или около того. Я хочу сказать, как часто вообще представляются такие шансы, как этот? Возможно, лишь раз в жизни. И если учесть, как усердно тебе пришлось потрудиться, чтобы добиться этой возможности, уж ты-то её достойна...

В субботу Эми и Нэнси позвонили всем, чтобы попросить разрешения задержать нескольких детей после восьми вечера в будущий вторник. Каждый раз после объяснения причины все родители соглашались, и к вечеру к Эми уже поступали звонки с *просьбами* оставить детей присутствовать во время сенаторского визита. Эми с радостью соглашалась, под конец дня прикинув, что у неё уже точно будет десять детей из подготовительной секции, плюс ещё несколько из детского сада и первичной секции, вкуче с обещанием каждого из родителей забрать своё чадо около девяти часов вечера.

– Да завали же ты хлебало, срани господней позаради! – прошипел Санни Армитедж. Он любил делать подобную работёнку в одиночку, и терпеть не мог делить ее с кем-то – тем более, если этот кто-то был таким кошмарным увальнем, как Паудер Бёрнс.

Господи Иисусе, да было просто-таки чудом, что парень не подорвал и самого себя, и взрывчатку ещё давным-давно. Если что-то попадалось на полу, Паудеровы ботинки четырнадцатого размера¹² отыскивали и затапывали это. В итоге обе бомбы нёс Санни, завернув каждую из них в бурую бумагу. Их тяжесть создавала впечатление, будто в его рюкзаке были книги смерти. Он уже несколько лет не имел никаких дел с пластичной взрывчаткой, а эта хрень пребывала в таком же устойчивом состоянии, как студентишка-призывник, впервые попавший под обстрел.

Однако Паудер использовал крутые материалы – настолько качественные, насколько это вообще было возможно, с присущими им надёжностью и внушительностью, которые по неким причинам вызывали в нём искреннее восхищение, поскольку казалось невероятным, что столь малый объём обладает такой разрушительной мощью, как утверждал Паудер.

Проникнуть в Центр оказалось не сложнее, чем договориться с вьетнамской шлюхой о минете. Замок он вскрыл так нежно и чисто, что даже усомнился, а осталась ли хоть царапинка на запорном механизме, не говоря уж о его лицевой стороне. К тому же, ставни очень кстати были закрыты, так что они вполне могли бы воспользоваться обычными фонариками вместо своих инфракрасных очков. Однако очки давали неограниченный диапазон для обзора, и, кроме того, гарантировали, что какой-нибудь случайный луч, проскользнув в щель между ставнями, не привлечёт внимание проходящего мимо полицейского, хотя конкретно этот район, похоже, вообще не подавал никаких признаков жизни в тот поздний час. Они припарковались в шести кварталах отсюда и не видели ни одного освещенного дома, проезжающей машины, и ни единой живой души поблизости. Тишина и безмятежность пригорода.

Тишина и безмятежность, которые будут громогласно растревожены в течение ближайших суток.

Парадный вход Центра вел прямым в фойе, протяженностью во всё помещение и длиной 10 футов¹³. Здесь были вешалки для верхней одежды, скамейки и комнаты отдыха на каждой стороне холла, тянущиеся до середины здания.

¹² При сопоставлении американского и европейского размерного ряда мужской обуви 14 размер соответствует 47

¹³ 10 футов соответствуют 3,048 метра.

Слева, по всей видимости, располагались подготовительная, младенческая и ясельная зоны. Там находились десяток смежных кроваток, «мешковатая» мебель и многочисленные пластиковые стулья и столы. Игрушки были повсюду, что немедленно засвидетельствовали Паудеровы подошвы. Именная дощечка с крючками указывала место, где дети развешивали свои вещи. Санни прочел имена: Брендан Адамс, Тайлер Грир, Джейкоб Голдберг, Вирджиния Кэш, Чарли Тран, МакКензи Фельдман, Луис Руиз, Иоланда Джефферсон... «Прямо целый хренов спектр», подумал он. «Жидаы, испашки, черномазые, чурки».

С другой стороны здания была расположена подготовительная зона, с игрушками и играми, ориентированными на детей постарше. Каждой зоне принадлежала собственная пара комнат отдыха, а также кухня в глубине, с холодильником, двойной мойкой и микроволновкой. В подготовительной зоне также была раковина и пеленальный столик. Имена на дощечке для вешалок в главной комнате демонстрировали все то же расовое и религиозное разнообразие.

– Есть идеи? – поинтересовался Санни у Паудера.

Подрывник поскрёб свою чумазую шею, затем отошёл к раковинам, открыл дверцу, ведущую к нижней части складского отсека, и сунул руку в темноту.

– Может, под мойками, аккурат посерединке между ними? Присмотреть их там изоляцией.

– И кто-нибудь наполнит мойку горячей водой, и лента размякнет. Свёрток начнёт дребезжать, ребёнок скажет «Эй, учитель, что это?». Не думаю, Паудер.

Паудер обернулся, оглядывая мир сквозь очки, будто здоровенный жук, подыскивающий себе подружку.

– Ладно, ну а что скажешь, если под это? – произнёс он, хлопнув по холодильнику. – Под заднюю стенку.

– А холодильник, типа, не ослабит силу взрыва? В смысле, он же такой тяжеленный и...

Санни осёкся. Даже несмотря на толстые очки, было заметно, что лицо Паудера выражало очевидное веселье.

– Санни, – ответил он, – эта бомба рванёт так, что холодильника с тем же успехом могло бы вообще тут не быть.

Они закрепили первый свёрток с бомбой наверху, внутри проволочных обмоток, но не прикасаясь к ним во избежание обличающего звука вибрации. То место, где его установили, было тёплым, но не горячим.

– Ты соберёшь его? – спросил Санни.

– Прошлой ночью уже собрал. Цифровой таймер. Можно было и месяцем раньше собрать. Времена хронометров с двадцатичетырёхчасовым отсчётом уже давным-давно позади, чувак.

Присоединить вторую бомбу к другому холодильнику оказалось даже ещё проще.

– Ты их синхронизировал? – поинтересовался Санни.

– Насколько сумел. Они, может, и не идеально совпадают, отстают или спешат на несколько секунд в течение сорока восьми часов. Однако за первым взрывом сразу же последует второй.

– Бум, бум, – произнёс Санни.

– Ага... Дом-бум-бум¹⁴. – Паудер прыснул над этой жалкой шуточкой. Санни воздержался.

Пока они проходили по холлу в направлении парадного входа, Санни спросил Паудера:

– А тебя не волнует, что ты, может, детей взорвёшь? То есть, если даже это считать за несчастный случай.

– Неа. Вообще ни разу не колышет. Ты ж видел имена... Некоторые из них, надо думать, ниггеры, некоторые – жидаы, этот Тран – наверняка вьетнамец. Да и все прочие, сам знаешь, не-белые и не-христиане. Теперь-то я бы не стал взрывать христианскую школу или детский сад, но это место... Да тут же полно всякого отребья. А что до белых христианских детишек, то чего ж их мамыши не нянчатся с ними дома? На кой они свою малышню сюда-то тащат?

– Потому что не знают ничего лучше.

К тому моменту они уже добрались до парадной двери, и разговор прекратился на время, что потребовалось, дабы безопасно выбраться наружу, заперев за собой дверь, и уже в пикапе Санни они вернулись к теме смещения.

– Да каждому сраному дебилу ясно, – продолжил Санни, прикуривая сигарету, – что он обязан пахать и пахать, всё больше и больше, чтобы выплачивать государственные федеральные налоги, так что мамаша и папаша оба идут на работу, а бедных детишек зашвыривают в какой-нибудь льготный дневной интернат, где им предстоит постичь, что, мол, мелкий цветной пацан, и мелкий жид, и мелкий чуркобес – все они его братья, и что быть христианином, уж лады, за дерьмо не считается.

Санни выдохнул, и жёлтый дым добавил еще один тонкий слой к налёту на внутренней стороне ветрового стекла.

¹⁴ В оригинале «the Boom-Boom Room» (дословно – «Комната Бум-Бум») – попытка аллитерации.

– Черт побери, Паудер, теперь вот я подумываю, не раскурочить ли вообще к хренам все эти проклятые богадельни. Они ведь ни что иное, как вражеский рассадник. – Он пощелкал по радиостанциям, и раздалось гнусавое звучание кантри-вестерна. – А найди-ка Уилсона, –скомандовал он Паудеру, который переключил тумблер приёмника на мягкий, но довольно сильный голос, зазвучавший из двойных колонок.

– Но, друзья, не верьте тому, что я говорю об этом, – произнёс голос. – Прислушайтесь к вашим соседям, друзьям, к тем, с кем вы работаете, с кем ходите в церковь. А они вам скажут, поскольку знают из первых уст, как вы и я, что это правительство – самое пронырливое за всю историю.

И если не делать того, что они от вас хотят, они всё организуют для того, чтобы убить вас, друзья мои, убить безо всякой боязни перед законным возмездием. О да, они вас убьют так же, как убили Гордона Каля¹⁵, и Вики Уивер¹⁶, и Роберта Мэтьюса¹⁷, а также мужчин, женщин и детей Уэйко и других современных мучеников за свободу.

Но пока убийцы способны избежать законного воздаяния, с тех самых пор, как они стали теми, друзья мои, кто стряпает законы в насквозь прожидованных судах, – всё же им не скрыться от возмездия Господа и мести тех, кто действует от его священного имени. Есть много добрых христиан – они патриоты, все до единого, – и грядут уж времена, когда убийцы и похитители нашей свободы заплатят за всё, когда христианские патриоты окрасят улицы красным – цветом неосвящённой крови.

– Ах ты ж зараза, покажи им, Уилсон! – пробормотал Паудер.

– Знаю, вы, добрые люди, слушаете меня, и я не призываю вас творить насилие, я не совершу такой ошибки – слышите, вы, ищейки ФАС¹⁸ и весь остальной государственный сброд, который следит за каждым нашим движением, тщась похитить принадлежащие нам конституционные права. И вам ведь известно, что за Конституцию я имею в виду – ту самую, что была создана нашими отцами-основателями, Билль о Правах. Не всю ту шваль, что появилась позднее, когда жида запустили туда свои жадные лапы. Вам не вовлечь меня в свои крамольные наветы, о нет. Но вам и не удержать меня от предсказания, какие делают и ваши безбожники, приверженцы Нью Эйдж¹⁹.

¹⁵ Гордон Каль – в 1976 г. являлся наиболее известным участником протеста против незаконных налоговых сборов в США. Убит 3 июля 1983 в возрасте 63 лет в перестрелке при попытке ФБР арестовать его.

¹⁶ Вики Уивер – вместе со своим супругом Рэнди Уивером была участницей ультраправой религиозной организации «Арийские нации». Застрелена 22 августа 1992 во время осады дома семейства Уивер подразделением ФБР (т.н. «инцидент в Руби Ридж»).

¹⁷ Роберт Мэтьюс – основатель и лидер американской организации белых националистов «The Order». Погиб 8 декабря 1984 во время осады агентами ФБР дома, в котором он скрывался.

¹⁸ ФАС – Федеральное агентство связи, независимое правительственное агентство США.

¹⁹ Нью Эйдж – общее название совокупности различных мистических течений и движений преимущественно оккультного, эзотерического и синкретического характера.

Я предвижу войну в этой стране. Войну патриотов против жидовского, контролируемого банками правительства, со всеми их черномазыми прихлебателями и служаками. То будет война веры и война расы, и когда она окончится, белые христиане, истинные христиане, снова станут во главе этой страны.

И тогда горе жидам, горе чёрным, горе испашкам, гомосексуалистам, женщинам, поправшим библейский закон, обязывающий покоряться мужчине, а также...

Список продолжился, и Паудер Бёрнс устроился на заднем сидении пикапа, блаженно ухмыляясь.

– Чувак, бывала ли когда-нибудь для Хоби бóльшая пруха, чем заполучить Уилсона Барнса на радио...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

В ночь перед визитом сенатора Кинга Эми Карлайл очень плохо спала, даже когда перевалило за полночь. Она тихо поднялась, стараясь не разбудить Рика, и пошла на кухню, чтобы заварить травяного чая. Эми включила радио, но единственная радиостанция, которая работала в это время, была небольшая, круглосуточно чокнутая станция – так Нэнси всегда называла её. На ней выступал Уилсон Барнс с полуночи до шести утра.

Даже на низкой громкости голос, казалось, заполнял всю кухню. Эми скривилась и выключила радио. Она едва успела сделать несколько глотков чая, как в дверях появился Рик в халате, накинутом на голое тело.

– Что такое? – спросил он и поднял руку. – Постой, постой, не говори. Я использую свои экстрасенсорные способности. Ты, э-э, чем-то очень обеспокоена. Я вижу седого мужчину в темном костюме, в окружении других мужчин в темных костюмах... Я вижу его неясно. А, это сенат!

– Это настолько очевидно?

– Почему бы тебе не вернуться в постель? – спросил Рик, стоя у неё за спиной. Он стал массировать плечи Эми под пижамой. – Я мог бы помочь тебе расслабиться.

– Ты имеешь в виду что-то особенное?

– Меня и моего маленького друга.

Она почувствовала, как что-то упирается в спину

– Твой маленький друг становится больше.

– Обещаю, он станет ещё больше и покажет, присущую ему признательность и энтузиазм. – Рик наклонился и поцеловал девушку в мочку уха. – Я люблю тебя. Без шуток, я безумно люблю тебя, Эми. Не переживай по поводу завтрашнего. Идём в постель?

Она последовала за ним, и они занялись любовью, ласково и нежно. По мере того, как росло желание, её тело расслаблялось, пока не достигло той точки, когда напряжение дня забылось и не переросло в напряжение ночи. Эми охватило ощущение, что она балансирует на краю пропасти, готовая сорваться вниз. Напряжённость ушла. Она отдалась моменту и позволила приливам красной крови наполнить каждую часть себя – бёдра, живот, грудь, подняться вверх, чтобы заполнить плечи, лицо и руки, через которые горячая кровь протекает в красные крылья, которые вырвали Эми из пропасти, выше и выше, из темноты бездны в бархатное чёрное небо, парящее над сном.

И Эми Карлайл, насыщенная сексом, который, к её огорчению, приносил только удовольствие, но не зарождал семя в неплодородной почве её чрева, уснула. Ей снилось, что она летит, по-прежнему летит, но, как

птица. Она могла чувствовать ветер, слышать его шёпот сквозь биение крыльев, чувствовать его поцелуи на чёрных глазах, блестящих и бесчувственных, открытых навстречу потокам воздуха. Её сильные крылья быстро поднимали её к ночному небу.

Высоко блестели точки звёзд, неподвижный и постоянный свет, всеобъемлющий и бесконечный. Ниже – искусственное и щедрое освещение людей. Мимолетное, как и их жизни, размытое, скоротечное, исчезающее, рождающееся и умирающее за мгновение, быстро сгорающее и темнеющее в дыхании вечности.

Она чувствовала свое единение с вечностью, была постоянной и неизменной чёрной звездой, движущейся по своей собственной орбите вокруг мира, видя внизу печальные и угрюмые огни, наблюдая за теми, кто пылал, искрился и был погашен, но по-прежнему тускло светился кроваво-красным. Это были те, с кем она могла говорить, те, кому её хриплый плач мог рассказать о многом. Это красные души, отказавшиеся умирать, нуждавшиеся в её мудрости и силе.

Да... был один, далеко внизу, похожий на окурок сигареты, мерцающий в опасном переулке. Она сложила крылья и начала пикировать вниз. По мере приближения к цели воздух стал более плотным и серым, как будто она тонет в пепле, который цепляется за перья, утяжеляя их. Поток воздуха исчез, и теперь она падала, а не плыла. Серая пыль на крыльях не допускала того, чтобы она расправила их шире.

И она падала.

Падала по направлению к красной точке, которая до сих пор была видна её угольно-чёрным глазам даже сквозь мёртвую серую пелену. Она падала, и как только приблизилась к земле, к красной душе, что отказывалась умирать, эта точка стала фигурой, чьё мёртвое лицо было покрыто пеплом, смешанным со слезами ярости и ненависти, вызванные нежеланием принимать свою судьбу. Слезы текли из глаз вниз по щеке и над губами так, что это было похоже на маску: глаза и рот в черной оправе. И прямо перед тем, как упасть в это лицо, перед тем, как ударить его с такой силой и яростью, чтобы закончить сон и проснуться вспотевшей и напуганной, она увидела, что лицо было её собственным.

К утру Эми забыла сон и не вспоминала о нем ещё долго. День должен был быть слишком насыщенным, чтобы думать о снах. Эми работала с Нэнси Фоулер и Джуди Крофт в области дошкольного звена большую часть дня, иногда тайком бегая к начальному звену контролировать уборщиков, которые старались сделать центр опрятным перед посещением сенатора.

В полдень, когда дети из начального звена начали приходить, и многие

из работающих матерей забрали своих детей ясельного возраста, уборщики перешли в дошкольное звено, и Джуди суетилась вокруг, чтобы убедиться, что оставшимся детям не угрожает опасность.

Эми очень повезло с Джуди, та была настоящим сокровищем. Ей было немного за пятьдесят, она одна воспитала четверых детей и двадцать лет проработала медсестрой. Она была уже на пенсии, но проводила много времени в «Дружбе». Джуди утверждала, что работает на доктора Нарбера, хотя тот ушел в отставку пять лет назад. И хотя она никогда и не была в центре «Скорой помощи», было отрадно знать, что кто-то сможет уладить несчастный случай, если таковой произойдет.

К четырём часам детей было уже больше. Джуди осталась с малышами, в то время как Нэнси и Эми присматривали за старшими. Эми играла в кнопки с Эшли Коркоран, ДеМарол Уайт, Полли Фелпс и Питом Гриссомом, а несколько мальчиков играли в недавно приобретенный «Геймбой»²⁰ по очереди. Бренда Тран работала за компьютером, а её младший брат Чарли ожидал своей очереди, пристально глядя на экран тёмными глазами через её плечо.

«Такие умные дети», думала Эми с оттенком гордости. Своим умом они обязаны своим родителям, коренным вьетнамцам, которые имели большой успех в области программного обеспечения, которое начиналось как хобби и теперь растёт в районе Городов–Близнецов.

Тем не менее, Эми чувствовала, что и она причастна к расширению детского кругозора Транов. Как ни странно, дома у них компьютера не было, но они уверенно чувствовали себя на стареньком 386 компьютере Эми. Она хотела посмотреть, смогут ли они исправить сбои на Пентиуме, компьютере, на котором она хранила записи центра, но решила, что не вынесла бы чувства неполноценности, если бы у ребят получилось.

Эми оглядела комнату и поняла, что в каждом из этих детей есть что-то особенное. В течение часа, двух или шести часов каждый день она была им матерью, заботилась, ухаживала, обучала и оберегала их. Она гордилась ими всеми. Она любила их всех.

В 17:13 привезли пиццу, и дети стали собираться на вечеринку. Все, кроме нескольких, собиравшихся дольше обычного. Настроение вокруг витало особенное, даже праздничное. Эми только надеялась, что томатный соус и пепперони не затопчут глубоко в недавно очищенный ковер.

Они поели и успели сыграть в несколько игр перед тем, как в шесть часов зазвонил телефон. Это был помощник сенатора Кинга.

– Госпожа Карлайл, – сказал он, – мне жаль, что сообщаю вам так

²⁰ GameBoy – игровая приставка.

поздно, но произошло непредвиденное.

Эми почувствовала, как её сердце бешено заколотилось. Она знала, что помощник хотел сказать, как только он представился.

– Сенатор не сможет посетить ваш центр сегодня вечером. Законопроект появился неожиданно, и сенатор должен немедленно лететь в Вашингтон, чтобы проголосовать за него. Голосование должно было быть скоро, и сенатор был очень обеспокоен этим, каждый голос на счету. Он попросил меня передать его сожаления, и завтра позвонит сам, чтобы извиниться.

– О, всё в порядке, - ответила Эми. – Я понимаю.

Но это не помогло облегчить разочарование.

– Уверяю вас, – сказал помощник, – в следующий раз, когда сенатор вернётся в Хоби, ваш центр будет первым местом, которое он посетит. Мне очень жаль, но я должен сделать ещё дюжину звонков. Я хочу, чтобы вы знали, мы связались со СМИ, и никто из них не должен вас побеспокоить.

– Спасибо, я ценю это, – сказала Эми и подумала о том, что хотела, чтобы её побеспокоили журналисты. – Я ценю то, что вы позвонили. Может быть в другой раз?

– Да, думаю в следующий раз. Спасибо за понимание, мисс Карлайл, к сожалению, в этот раз не получается.

– Всё в порядке. До свидания.

– До следующего раза.

Дети в передней части класса поняли, что что-то не так, когда увидели отсутствующее выражение лица Эми.

– Эми?- спросила Нэнси.

Эми просветлела, заставив себя улыбнуться.

– Всё в порядке, – сказала она. – Хорошие новости: нам не нужно будет делиться десертом с репортёрами.

Детские лица поникли, и они совершенно искренне воскликнули:

– О-о-о-у...

– Он не придёт? – спросила Мэри Элис Шерер, обычно застенчивая девочка, пребывавшая в каком-то необъяснимом восторге от планировавшегося визита.

– Нет, милая. Сенатор должен лететь в Вашингтон, чтобы проголосовать по законопроекту.

– Это как деньги? – спросила Мэри Элис.

– Нет, это другой законопроект.

– Это как закон. Они рассматривают законопроект, и он становится законом.

Бренда продолжала объяснять принцип работы Конгресса, пока Эми пошла сообщить Джуди об отмене визита.

– Ну, ясно. Мне жаль, конечно... – сказала Джуди. – Но я не могу сказать, что я удивлена. С этими политиками я ничему не верю до тех пор, пока это не случится. Ты собираешься позвонить родителям?

– Не знаю, как им сказать. Уверена, у большинства из них есть другие планы.

– Может они уже слышали об этом раньше, в новостях, – сказала Джуди.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В 7:30 утра Паудер Бёрнс, Санни Армитедж, Уилл Стендиш и Рип Уизерс въехали в Хоби на тёмно-зеленом «Плимут Акклайм» 1989 года – машине, которая была выбрана за её невзрачный вид. При определённом освещении тёмно-зеленый был похож на синий, а при ярком солнечном свете цвет возвращался. В целом стиль был неотличим от десятков других моделей. И это как раз подходило Рипу.

Уилл присоединился, поскольку чувствовал, что он должен быть по крайней мере рядом.

– Я согласен с этим, – объяснил он. – Это и на моей совести. И это станет событием, которое стоит запомнить.

Он также был уверен в том, что Паудер взял с собой пульт дистанционного управления на тот случай, если визит сенатора будет отменён.

Когда они приехали в Хоби, они планировали припарковаться в нескольких кварталах от детского сада и дожидаться взрыва, но сначала Рип захотел проехаться, чтобы убедиться, что всё идёт точно по плану. Когда они закончили и увидели лишь три машины, среди которых не было ни одного лимузина или грузовика телевизионщиков, они поняли, что что-то не так.

– Ты точно с днём не ошибся? – спросил Паудер с заднего сиденья, как только Рип остановился и припарковался у тротуара.

– Конечно, я выбрал верный день, – сказал Рип. – Не будь таким, мать твою, тупым.

– Ну, *кто-то* перепутал провода, – сказал Уилл, и Рип мог слышать, как дрожит его голос.

– Или кто-то нашёл бомбы, – продолжил Уилл, – и отменил визит. Бог мой, может, они следят за нами прямо сейчас! Может, они устроили ловушку...

– Боже Всемогуший, – сказал Санни, – если бы они устроили ловушку, здесь было бы больше машин. На этой чертовой улице нет никого, кроме нас! Нет, они отменили, – сказал Санни. – Не могу в это поверить... Этот *хрен*, этот чертов гребанный трусливый кусок пидорского дерьма!

– Ладно, – сказал Уилл, – что мы будем делать? Рип, мы должны остановить всё это. Посмотри на эти машины – там есть люди, возможно, дети.

– Не паникуй, Уилл, – сказал Рип, пытаясь оставаться спокойным. Его расстраивала не перспектива того, что бомбы до сих пор не сработали. Дело было в том факте, что они упустили свою цель, и могли пройти месяцы,

прежде чем Кинг вернется обратно, *годы*, прежде чем они с удовольствием пристрелят его.

– Черт, – озвучил он свои мысли, – мне следовало позволить Эйсу пристрелить ублюдка сегодня днём.

– Рип, – сказал Уилл, – забудь об этом – это на будущее, а это – сейчас. Нам нужно отключить бомбы. Давай, Рип, выключай дистанционку.

– Ладно, ладно, сейчас сделаю, без проблем.

Откуда-то из-за пазухи он вытащил то, что было похоже на старый пульт от телевизора с телескопической антенной.

– Мы достаточно близко? – спросил Уилл.

– Конечно, конечно... – Паудер дернул антенну, вытаскивая ее на полную длину в четыре фута. – Просто дайте мне закрепить ее на окне. Это отключит все контакты и мы сможем вернуться и забрать их в любое чёртово время.

Он нажал кнопку, и нахмурился.

– Дерьмо.

– Что? – сказал Уилл. – В чем дело?

– Ну, эта маленькая красная лампочка, она должна загореться.

– Должна? Ты что, не *знаешь*?

– Да, я *знаю* – она *должна*.

– Тогда что значит, если этого *не случается*?

– Значит, она не работает... – Паудер покачал головой озадачено, затем задвинул антенну и повернул устройство. – Может быть, батарейки сели.

Уилл издал раздраженный звук из глубины горла.

– Батарейки? Ты не поставил новые батарейки?

– Они были новыми, да, но они уже были у меня некоторое время.

– Ты...

– Они были у меня, но я ни разу не использовал их. Батарейки портятся сами, знаешь ли, Уилл.

– Ох, ради Бога... Ну, мы можем достать новые батарейки?

Рип вырулил машину на улицу и развернулся.

– Там был «СуперАмерика» несколькими кварталами раньше, – произнес он устало. – У них есть батарейки. Теперь расслабься, Уилл. Они установлены на восемьдесят и это еще двадцать пять минут с этого момента, полно времени, чтобы достать батарейки.

Паудер купил четыре батарейки А-типа и вставил две из них в пульт.

– Теперь он работает? – спросил Уилл.

– Я не знаю, – произнес Паудер ворчливо. – Мы вне *зоны действия* сейчас. Даже если я нажму кнопку, и это сработает, я не *узнаю*, работает ли это.

– Ну, давайте тогда *возвращаться*, – сказал Уилл, показывая головой вперед. – Поехали!

Рип повернулся к Уиллу и медленно опустил одну руку на руль, а другую – закинул на спинку сиденья.

– Так, позволь мне кое-что сказать тебе. Мне не нравится слышать, когда мне указывают, что делать, ни от тебя, ни от кого-либо еще. Я старший офицер и ты будешь обращаться ко мне так, как того требует звание.

Уилл сглотнул и кивнул несколько раз.

– Ладно. Извини, Рип, эм, полковник, извини.

– Теперь я говорю тебе, что мы поедем назад достаточно быстро, чтобы успешно завершить задание, и как солдат, ты будешь подчиняться своему командиру, который сейчас приказывает тебе сидеть молча, не считая ответов «да, сэр» или «нет, сэр» на прямые вопросы до тех пор, пока мы не доберемся до Хоби. – Он приподнял бровь. – Это ясно?

– Да, сэр, – сказал Уилл. Даже два слога звучали расстроено и испугано. Рип положил руку на руль и поехал.

Они снова остановились возле детского сада.

– Ладно, – сказал Рип. – Десять минут. Времени в обрез. Давай, Паудер.

Паудер ещё раз просунул антенну в окно, ещё раз нажал кнопку, и ещё раз пробормотал:

– Дерьмо...

– Чёрт, теперь что? – сказал Санни.

– С батарейками не было никаких неполадок, – сказал Паудер. – Я только что это выяснил.

– Что? – спросил Рип Уилла, который выглядел так, словно обделался.

– Сигнал. Он проходит через окно нормально, но это все холодильники, вот в чём проблема. Мы прикрепили их туда и там слишком много металла, через который нужно пройти сигналу.

– О Иисусе! – сказал Уилл, несмотря на тишину, наложенную на него. Рип не сделал ему выговор за богохульство, учитывая обстоятельства.

Рип смотрел в окно на Центр по уходу за детьми «Дружба» и жевал нижнюю губу. Восемь минут. А с неточными таймерами Паудера, может, ещё меньше.

Потом в окошко Рип увидел, как открылись шторы, и стало видно, что происходит внутри. Там была женщина, а позади неё Рип мог видеть

маленькие движущиеся фигуры, и он знал, что смотрел на женщину и детей, которые уже мертвы.

Восемь минут. Как раз достаточно времени, чтобы очистить зону.

Он отвернулся от женщины. Пусть она его увидит, думал он. Пусть она увидит их всех. Пусть она увидит машину, запишет номерной знак. Уже через восемь минут это не будет иметь значения.

– Что ты делаешь? – спросил Уилл, нарушив приказ снова. Это не важно. Через восемь минут Рипу хватит духу убедиться, что Уилл замолчит навсегда. Они все будут связаны пролитой кровью. Нравится им или нет, но «Сыновья свободной Америки» собирались нанести первый удар.

Эми дождалась, пока слепота, вызванная бликами на стекле, пройдёт, когда автомобиль уже отъехал. Она подумала, что это могли быть родители, забирающие детей, но вместо этого увидела четырёх растерянных мужчин.

Она стала наблюдать за машинами возле центра. Всегда была вероятность совершения похищения – если не ради выкупа, то из-за более тёмных причин, о которых Эми не нравилось думать. Но она хранила эту мысль глубоко в подсознании, как это делали Джуди и Нэнси. Имелись строгие правила, которым необходимо следовать всякий раз, когда кто-нибудь, не являющийся родителем, придёт забрать ребёнка.

Эми вздрогнула от прикосновения к ее плечу, которое выдернуло её из раздумий.

– Ты хочешь следить за всем? – спросила Нэнси. – Мне нужно бежать и забрать Карен с занятий по плаванию.

Эми улыбнулась и кивнула. Общественный центр Хоби был всего в десяти кварталах отсюда. Нэнси доберётся туда и вернётся очень быстро.

– Будь осторожна, – сказала Эми. – Там была машина с четырьмя мужчинами – возможно, просто заблудились, и они уехали очень быстро, когда увидели меня, – но, в любом случае, будь начеку.

Нэнси кивнула и помахала, скрывшись за дверью. Эми не сильно беспокоилась за ее подругу. Они вместе проходили курсы самообороны, и Нэнси носила с собой газовый баллончик в своей огромной сумочке. Но тренировки и спрей не будут особо полезны против четверых мужчин. И всё же с ней, вероятно, все будет в порядке.

Эми обратила внимание на детей. Только шестеро остались в комнате – Бренда и Чарли Тран были заняты компьютером, Мэри-Элис Шерер задремала в кресле-мешке, Пит Гриссом и Эшли Коркоран играли в «Горы и лестницы», и ДеМарол Уайт возилась на игрушечной кухне, расставляя

кастрюли и сковородки на деревянной плите и регулируя циферблаты с таким размахом, что её пластмассовые браслеты гремели.

– Я стану поваром – этим занимается мой папа, – говорила она Эми неисчислимым количеством раз. Эми и Рик часто ели в ресторане отеля, где Майк Уайт был шеф-поваром, и он всегда радовал их своими десертами в конце трапезы.

– Что ты делаешь? – спросила Эми ДеМарол.

– Були-баз, – ответила она, её белоснежные зубы разделили смуглое лицо улыбкой. – Папа это часто готовит. Я забыла, что именно там должно быть, но достаточно сказать, что я *знаю*, там есть голова рыбы.

– Ладно, тогда дай мне знать, когда закончишь, – сказала Эми. На секунду она задумалась над тем, чтобы проверить Джуди, но она не любила оставлять своих подопечных одних и решила, что с Джуди в любом случае всё в порядке.

Теперь у неё осталось четверо детей. Двое были малышами – Марк Дрейфус и Шэннон Пирс, которые казались поражёнными одинаковой заразой. Они спали хорошо и были непоседливыми, когда бодрствовали. Фрэнк Бун был двухгодовалым ребёнком, который постоянно клевал носом в шесть и оставался сонным до тех пор, пока мама не забирала его в семь. Трёхгодовалая Аннабелль Йоргенсен, тем не менее, была кошмаром, или оставалась такой, пока Джуди не взялась за нее.

Эми полагала, что Аннабелль, родителям которой было чуть за двадцать, поразил возраст Джуди. Всё, что требовалось – взгляд Джуди, и Аннабелль немедленно прекращала беготню, или крики, или размахивание руками, или комбинацию из этих трех составляющих. Ответ поразил юную мисс Йоргенсен, которая лишь полушутя предположила, что Джуди станет персональной няней Аннабелль.

Как только все её дети казались довольными своими занятиями, Эми решила позвонить Рикку в офис. Она редко беспокоила его, но он работал допоздна над проектом уже несколько недель и говорил ей, что слышать ее голос в его унылом офисе было тем вмешательством, которого он ждал с нетерпением. Она снова подумала, что им повезло быть такими влюбленными после двенадцати лет брака.

– Привет, это я, – сказала она, когда он ответил.

– А, и как продвигается рекламная акция?

– Рекламная акция была подделкой – ты не слышал? – Она рассказала ему об отмене, и он сочувственно засопел.

– Прости, малышка. Чёрт, это действительно подорвет бизнес...

– Что ты делаешь? – спросил Уилл Стендиш. – Рип, что ты *делаешь*?

– Я уезжаю. Поверь мне, ты не захочешь быть рядом, когда бомбы взорвутся.

– Аминь и аллилуйя, – сказал Паудер.

Уилл почувствовал, что его сердце готово выпрыгнуть из груди.

– Мы не можем позволить этому случиться... Там же *дети*!

– Да, – сказал Рип. – Я тоже их видел. Но уже слишком поздно.

– Не поздно, *нет*! Давайте найдём телефон, позвоним им... скажем им быстрее убираться оттуда!

– Уилл, когда дети выйдут, там будут копы, «скорая» и пожарные машины повсюду на улице. И если нас заметили удирающими, то мы попадём под подозрение. Я готов быть мучеником, как и каждый из нас, но только не тогда, когда мы ничего не достигнем через наши мучения. И подрывание того здания – не очень похоже на мученичество.

– *Здание*? – спросил Уилл. – Это не здание – мы подрываем детей, маленьких *детей*!

– Маленьких черномазых детей, – сказал Паудер. – Маленьких грязных детей. Чёртово место, это же мини-ООН.

– Съезжай с дороги, Рип, – сказал Уилл, пытаясь не казаться таким испуганным, каким он был. – Я хочу позвонить им.

– Нигде поблизости нет телефонной будки, Уилл. А теперь возьми себя в руки.

– Я выпрыгну из этой гребанной машины, Рип, если ты не остановишься. – Уилл схватил дверную ручку.

С оглушительно громким звуком щёлкнул предохранитель. Уилл поморщился от звука и почувствовал, как что-то холодное нажало на его шею над правым ухом.

– Только попробуй, Уилл, – сказал Санни Армитедж, – и выпадешь на тротуар мертвецом.

Уилл знал Санни достаточно хорошо, чтобы понять, что он не блефует. Его голос был таким ровным и мёртвым, каким станет сам Уилл, если не отстранится от дверной ручки. Он отпустил её и сложил руки на колени, мечтая о том, чтобы его пальцы не дрожали так сильно.

– Ладно, – сказал он так мягко, как только мог. – Хорошо, я никуда не пойду. Убери пистолет, ладно, Санни?

С облегчением он услышал звук медленно возвращающегося на место предохранителя.

– Хорошо, Уилл, – сказал Санни.

– Верное решение, Уилл, – сказал ему Рип. – Я знаю, ты расстроен, но тебе придется жить с этим. Мы пытались это остановить, но не смогли. Теперь мы просто смиримся с этим.

Они проехали несколько кварталов, прежде чем Рип заговорил снова.

– Хотя есть ещё кое-что. После этого они узнают, что мы настроены серьёзно. Они узнают, что мы не остановимся ни перед чем. Никто не в безопасности. Никто.

Спустя минуту они услышали прогремевший далеко позади них взрыв.

Желудок Уилла скрутило, и он почувствовал, что его внутренности рвутся наружу. Господи Иисусе, *нет*, он не позволит себе обделаться. Он сжал ягодицы, вернул всё на место, постарался отстраниться от мыслей, постарался не замечать того, что случилось позади, постарался думать обо всём, кроме того, что они сделали.

Но ему не удалось. Это мелькало в его мыслях, и он гадал, видят ли то же самое другие, или же, зайдя так далеко в бездну, они не видели и не чувствовали ничего, кроме зловещего удовлетворения.

Первый взрыв произошёл в районе пункта медицинской помощи. Эми разговаривала с Риком по телефону, когда прогремел оглушительный взрыв, и стена, отделяющая её комнату от холла, рассыпалась как стекло, выбрасывая свои большие и маленькие кусочки прямым на неё и детей. На какое-то мгновение это стало похожим на пребывание внутри торнадо с таким сильным ветром, против которого ничто не устоит.

Эми отшвырнуло назад, к дальней стене, и удар получился достаточно сильным, чтобы на мгновение в глазах потемнело. Тем не менее, она чувствовала, как обломки сыплются на неё. Боль мгновенно вернула её в сознание.

Она едва могла видеть через облако пыли и дыма, но как только она посмотрела в направлении источника взрыва, она решила, что увидела отдалённый уличный свет там, где должна была находиться стена. Это означало, что не только стена между ней и холлом исчезла, но и *все* стены обрушились.

Вся территория детсада исчезла. Джуди. Дети.

Эми бешено озиралась по сторонам в поисках ее собственных детей и ползла по обломкам, снова и снова выкрикивая: «Дети! Дети! Где вы?!» Она услышала, как кто-то стонал, кто-то ещё плакал, и, спотыкаясь, пошла на звук. Затем она увидела руку, торчащую из-под груды камней, тёмную руку с пластиковыми браслетами на запястье. ДеМарол.

Эми схватила руку, и рука поддалась слишком свободно. Не было никакого веса, соединённого с ней. Браслеты погремели вдоль руки и провалились в ещё большую темноту.

Крик вырвался из горла Эми, безмолвный, безумный плач, растворившийся в вечности. Мои *дети*, говорил он. *Это случилось с моими детьми...*

Она заставила себя подняться и, спотыкаясь, направилась на звук ответных криков. Там была Бренда Тран – ужасно израненная, но живая. Она схватила девочку, стараясь не замечать её криков от боли. Эми даже не думала, как опасно перемещать её. Она знала лишь то, что это было плохим местом, местом, которое навредило её детям, и она должна была найти их, найти их всех и вытащить.

Теперь она последовала за рыданием, которое услышала в дальней части комнаты. Наполовину таща, наполовину неся Брендю правой рукой, Эми выставила левую руку перед собой, пытаясь нащупать мальчика в руинах. Наконец крики, звучавшие у неё в ушах, превратились в слова.

– Мамочка... мамочка...

«Я иду», подумала она. «Мамочка идет...»

Она нашла его зажатым под тем, что было частью внутренней стены. Она посадила Брендю рядом так осторожно, как только могла, и потянула металлические панели с тела Пита Гриссома с силой, рождённой из отчаяния, гнева и материнской любви. В воспалённом воображении Эми эти дети были её детьми, которыми они никогда не были, и ничто не сможет забрать их снова.

Обе ноги Пита были сломаны, и Эми закинула его на плечо так мягко, как могла, затем подняла Брендю и всмотрелась в пыль и темноту. Там, в конце комнаты, был экстренный выход. Путь был относительно свободным, и всё, что ей предстояло сделать – надавить на панели, и тогда они могли бы выбраться наружу, подальше от этого плохого места. Тогда она могла бы усадить детей и отправиться назад на поиски остальных.

Она, пошатываясь, направилась к двери, неся и таща детей, и останавливаясь на мгновение, чтобы набраться сил для последнего рывка к свободе. Она остановилась лишь на секунду, прямо возле холодильника.

В тот момент таймер второй бомбы, задержавшийся из-за несовершенных навыков Паудера Бёрнса и собственной неточности, достигнул 8:10:00 и сбросил крышку.

Бомба взорвалась с ещё большей силой, чем первая. Эми так и не услышала звука своей смерти, не смогла почувствовать больше боли, чем

уже чувствовала. Она умерла, чувствуя лишь боль от потери, боль от уничтоженной любви.

Её и детей, которых она держала, разорвало, они превратились в мокрое красное облако, осыпавшееся в пыль в тот же момент. Все, что осталось от здания после первого взрыва, исчезло.

Всё, что осталось от Эми, исчезло.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Рик не слышал первый взрыв по внезапно затихшему телефону, но услышал этот звук на расстоянии пяти миль.

Находясь в офисе, Рик не мог точно сказать, откуда донёлся звук, но тот факт, что он *услышал его*, разговаривая с Эми, заставил его оцепенеть, слушая тишину в телефонной трубке. Несколько секунд спустя включился сигнал «занято»; он повесил трубку, а затем снова набрал номер, но услышал лишь три гудка и записанное на плёнку сообщение о том, что данный номер не работает.

Затем он услышал второй взрыв.

Рик схватил свой плащ и побежал вниз по лестнице, игнорируя лифт, сел в машину на парковке и поехал к центру. Сирены завывали прежде, чем он проехал мимо.

Офицер Дэвид Левинсон был первым полицейским, прибывшим на место происшествия. Он патрулировал улицы в полумиле от центра, когда услышал первый взрыв и увидел вспышку. Он сразу же включил сирену и мигалку, развернул машину и поехал туда.

Дэвид был недалеко от детского сада, когда ему показалось, что в облаке пыли он видит человеческие фигуры. Но прогремел второй взрыв; вспышка ослепила его, в ушах жутко шумело. По крыше автомобиля застучали обломки. Он остановился посреди улицы, ожидая, пока к нему не вернётся зрение.

Небо было затянуто дымом и пылью. Левинсон вышел из машины и направился к зданию. Это абсурд, но как он осознал позже, он не боялся новых взрывов; казалось, там уже и взрываться нечему. Первая его мысль была о людях, которые, как он думал, были там. Но чем ближе он подходил к месту происшествия, тем меньше казалась вероятность того, что есть выжившие.

Здание было полностью разрушено. Не осталось ничего, кроме пыли, булыжников и нескольких слабо мерцавших огоньков, словно разочарованных тем, что гореть было почти нечему. Это, как понял Дэвид, был Центр по уходу за детьми «Дружба», мимо которого он проезжал три раза в день. Он жил в одном районе с Эми Карлайл и её мужем, видел их на уличных ярмарках и в деловом районе Хоби. И вот заведение Эми разрушено, стёрто с лица земли. Боже, что же здесь произошло?

Левинсон бегом вернулся к машине и объявил тревогу по радиации, но уже слышал сирены и видел свет фар приближающегося спецтранспорта. Прежде чем осветить разрушенный центр, они осветили небо, и когда он

посмотрел на поднимающееся облако пыли и дыма, ему показалось, что оно причудливо извивается, становясь тоньше или плотнее в разных местах, растягивается, обретая грубую форму.

Это была форма птицы с распростёртыми крыльями.

На какое-то мгновение у Левинсона перехватило дыхание. Он просто смотрел на тень огромной чёрной птицы, поднимающуюся в небо, вспоминал легенду, которую ему рассказывала бабушка, и испуганно удивлялся...

Но затем эта облачная тень задрожала, мерцая и рассыпаясь на части от порыва ветра, и Левинсон уже не был уверен, видел ли он её вообще. Может, он просто вообразил себе это – люди так видят животных в облаках на голубом небе. Он надеялся на это.

Подъехала первая пожарная машина. Коренастый командир в резиновом плаще подбежал к нему и спросил, был ли кто-нибудь внутри.

– Я не знаю, – ответил Левинсон. – Я думал, что видел кого-то там... Но потом был второй взрыв, и там больше *ничего не было*.

Последние слова Левинсон произнёс, словно извиняясь.

Командир повернулся к своим подчинённым. Тем временем подъехало ещё больше полицейских машин, а за ними – «скорая помощь».

– Первая команда, ищите выживших. Вторая и третья, затушите огонь.

– Что, по-вашему, это было? Газ? – спросил Левинсон.

Командир скорчил гримасу.

– Вы чувствуете запах газа?

Левинсон покачал головой.

– Я тоже. О, это был не газ.

Левинсон освободил дорогу пожарным, прибывшим на место происшествия, затем рассказал другим офицерам полиции обо всём, что видел, за исключением тени над развалинами.

Дэн Троттер, детектив постарше, который до переезда в Миннесоту служил в команде сапёров полиции Лос-Анджелеса, покачал головой:

– Это не несчастный случай. Два взрыва с разницей в две минуты... И знаете, кто должен был быть здесь этим вечером?

Левинсон знал, как и все остальные.

– Сенатор Кинг, – сказал он. – Но визит отменили.

– Жаль, что и это никто не отменил. Или просто не подумал, что за чертовщина... Это ведь твой участок, Дейв?

Левинсон кивнул.

– А ты не знаешь, люди бывали здесь так поздно?

Дэвид не помнил такого, чтобы на маленькой парковке стояли машины, когда он проезжал здесь в половине девятого.

– Обычно нет, насколько я помню. Но сегодня здесь есть машины, – он указал на парковку, где лежали два перевернутых и разбитых взрывной волной автомобиля.

Внезапно к ним подбежала женщина. В искусственном свете её лицо казалось бледным, и её голос звучал так, будто она с трудом им управляла.

– Где Эми? – спросила она. – И Джуди... где *дети*?

– Эми... Эми Карлайл была там? – сказал Левинсон.

– О Боже... – произнесла женщина и заплакала, мягко всхлипывая. Эти всхлипы были опасны – они могли перейти в истерику.

– Боже мой, их там было *десятеро*.

– Десять детей? – спросил командир-пожарный, который пришёл, как только увидел женщину. – Или всего десятеро?

– Десять *детей*...

Это слово прозвучало как проклятье.

– Малыши... Эми... И Джуди...

– Мэм, кто вы? – вежливо спросил командир.

Затем начался настоящий хаос. Почти одновременно подъехали три машины: это были родители, которые хотели забрать детей. Несколько минут спустя приехали и другие. И хоть здесь не было раненых, у медиков всё равно было много работы с родителями, убитыми горем, а иногда и впавшими в истерику. Их нужно было физически удерживать от того, чтобы броситься разбирать завалы в поисках пропавших детей.

– Пластичная взрывчатка, – заметил Троттер. – Много взрывчатки.

– Что значит «много»? – спросил Левинсон, не разбиравшийся во взрывчатке. – То есть, я даже не знаю, как она упаковывается.

– По-разному, – сказал Троттер. – Иногда в жестянках, и ей можно придать форму – она похожа на пластилин – или же в маленьких брикетах весом в фунт. Но чтобы так всё разворотить, нужно фунтов двадцать – по десять фунтов на одну бомбу, например.

Левинсон бросил взгляд на пожарных, разбиравших завалы.

– Они найдут что-нибудь? Тела... останки?

– Возможно, но сомневаюсь. Чёрт, ты посмотри, что случилось с деревом, сталью и стеклом. Плоть и кости гораздо уязвимее. Единственный шанс – если кто-то, или же его *останки*, попали под фрагмент стены или ещё что-нибудь после первого взрыва. В таком случае их могло и не разнести на кусочки. О том, чтобы выжить, вообще можно забыть. А если их тела не похоронило после первого взрыва – их нет. Мощность была невероятная. От человека ничего не остаётся.

Троттер покачал головой.

– Скажу лишь, что это было быстро. Сомневаюсь, что кто-либо страдал.

– Значит... мы даже не сможем собрать тела?

– Возьми горстку пыли и высыпь в урну, – в голосе Троттера грусть и гнев смешались в горечь. – Вот и всё...

Троттер запнулся и обеспокоенно посмотрел куда-то через плечо Левинсона.

Левинсон обернулся и увидел мужчину, вышедшего из машины. Его рот был приоткрыт, руки висели вдоль туловища. Он выглядел потрясённым. Левинсон узнал в нём Рика Карлайла.

– Рик, – сказал он, направляясь к нему.

Рик начал качать головой и поднял руки, словно умоляя Левинсона, чтобы тот сказал, что произошла ошибка. Левинсон не знал, что сказать. Пустое, взорванное место перед ними и без того было трагически красноречивым.

– Рик... – повторил Левинсон. – Мне жаль. Мне очень жаль.

Рик Карлайл едва мог слышать, что ему говорил полисмен.

Кровь гудела в его ушах. Подсознательно он понимал, что знает этого человека, но сейчас это было неважно. Ничто не имело значения, кроме отсутствия.

Отсутствие здания. Отсутствие Эми. Где она? Она не могла, она не стала бы находиться в здании, потому что здания не было, а если здание исчезло, исчезла и Эми – но она не могла исчезнуть, это просто невозможно.

Но где же тогда она была?

Он почувствовал, как кто-то схватил его за руку, и внезапная боль помогла ему сосредоточиться. Он взгляделся в лицо, смотревшее на него, и узнал Нэнси, Нэнси Фоулер. Затем он подумал, что, в конце концов, всё будет хорошо, потому что если Нэнси здесь, то и Эми где-то рядом.

Он посмотрел на Нэнси и с наивностью ребёнка спросил:

– Где Эми?

Нэнси ничего не ответила. Её лицо было мокрым от слёз, но возможно, это из-за здания, из-за исчезнувшей мечты Эми. Но всё было хорошо. Всё можно построить заново. И если Нэнси здесь, то и Эми тоже.

Рик посмотрел через её плечо, чтобы увидеть Эми позади неё. Но её там не было.

Нэнси ответила не словами. Её лицо казалось мерцающим, тающим, и разрушительные всхлипы вырвались из её маленького тела. Она покачала головой туда-сюда. *Нет*, означало это движение. *Нет*.

Эми нет. Эми больше нет.

Он потерял рассудок, и осознание сокрушило его. Ноги Рика подкосились, и он упал на колени, глядя на руины – разрушенное здание, разрушенные жизни, ушедшие навсегда.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В одиннадцать рабочий день Дэвида Левинсона закончился. Он оставался на месте происшествия и помогал, чем мог. Работы было много. Убитые горем родители и родственники были наибольшей проблемой, но журналисты лишь усугубляли ситуацию.

К девяти часам грузовички и фургоны телевизионщиков слетелись к когда-то тихому пригороду Хоби, словно вороны на кусок падали. Свет от камер операторов прикалывал скорбящих к месту, и журналисты тыкали микрофонами прямо в их лица, спрашивая, как они себя чувствуют. Не зная, что делать, одни просто отмахивались, другие же отвечали, пытаясь передать потерю и ужас словами.

Левинсона тошнило от этого. Последней каплей стал репортёр, переполненный тестостероном и с покрытыми лаком волосами. Он продолжал преследовать азиатку, ясно давшую понять, что не желает говорить. Мужчина всё равно бежал за ней, подзывая оператора, и умолял женщину:

– Пожалуйста, мэм, мы хотим с вами поговорить, поделитесь с нами своими чувствами... Эй, вы не говорите по-английски?

Он преследовал её и за жёлтой полицейской лентой, загнав её в угол между тремя машинами.

– Пожалуйста, мэм, расскажите нам, что вы чувствуете.

Теперь ублюдок был на территории Левинсона. Он подошёл к нему, закрыл ладонью камеру и выхватил микрофон, отрывая его от шнура питания.

– Как, блядь, она себя чувствует, по-твоему? Уноси свою задницу за линию, пока я тебя не арестовал.

– Эй, друг, я просто делаю свою работу!

– Я не твой друг, и я просто делаю свою. *Пошёл.*

Он подчинился, а Левинсон усадил женщину в полицейскую машину и задержал её там на несколько минут, пока она расплакалась ещё сильнее.

– Двое моих детей... – сказала она, и внутри у Левинсона всё словно льдом покрылось.

Что можно сказать, что можно сделать в ответ на такую боль, потерю, которую всегда будут чувствовать – даже на пике счастья. Рука, которая сжала сердце этой женщины, и будет сжимать его до самой смерти.

В половине одиннадцатого прибыли следователи-федералы, поскольку никто не сомневался, что причиной разрушения стала бомба. Огонь был потушен, и пожарные тщательно обследовали завалы, но выживших не находили. Как и говорил Троттер, не было даже останков.

Ещё за полчаса родственники разошлись по домам или уехали в больницу на ночь, где им дали успокоительное. Левинсон слышал, что муж Джуди Крофт, одной из двух пропавших взрослых, находится в критическом состоянии после инфаркта.

Сейчас Левинсон просто смотрел, как следователи изучали булыжники, брали маленькие образцы обломков и пыли и проводили измерения, чтобы, как понял Левинсон, найти эпицентр взрыва. Мощные прожекторы ярко освещали местность, и сотни любопытных граждан собрались у полицейских ограждений, глядя на здание, где погибло двенадцать человек.

– Конец смены? – спросил Дэн Троттер, подойдя к нему.

Левинсон кивнул.

– Приказали остаться?

Он покачал головой.

– Тогда почему домой не едешь?

– Не знаю, – ответил Левинсон, хотя на самом деле знал. Пустота его дома лишь заставит его думать о пустоте этого жуткого места.

– Кофе хочешь? Может, перекусим?

– Да, я не против.

Они сели в машину Левинсона и проехали несколько миль до круглосуточной закусочной, где официантки были дружелюбными, но не особо любопытными.

«Эта ночь проверит их выдержку», подумал Левинсон.

Но они лишь улыбнулись и кивнули двум полисменам, приняли заказ и не задавали никаких вопросов. Левинсон откинулся назад и сделал большой глоток кофе.

– Знаешь, почему я уехал из Лос-Анжелеса? – спросил Троттер. – Это было очень жестоко. Каждый раз я оборачиваюсь, и какой-то мудака уже устанавливает бомбу в банке, в правительственном здании... чёрт, или даже в школе. Вот я и сказал жене: нахер всё, давай выбираться отсюда, пока ты вдовой не стала. А у меня двое детей, и это место становилось слишком дерьмовым, чтобы их там растить.

И вот я переехал в Хоби, получил повышение, и по иронии, мне урезали зарплату – впрочем, разница в стоимости проживания позволила этого не замечать. Я был детективом, я был рад, и дела здесь не такие жёсткие, как в Ла-Ла-Лэнде.

Он пожал плечами, растопырив пальцы.

– А теперь это, – он достал из кармана блокнот и посмотрел на него. – Две женщины, четыре младенца, шестеро маленьких детей. Исчезли за мгновение. Худшее из всего, с чем я сталкивался. Самое ненавистное,

больное, извращённое, отвратительное преступление, которое я когда-либо видел. И я не знаю, найдём ли мы когда-нибудь уёбков, которые это сделали.

Он закрыл глаза и покачал головой.

– Я покинул Детройт по той же причине, – сказал Левинсон. – Со временем убийств становится слишком много. Этот запах... ты чувствуешь его и не можешь избавиться.словно рыба, пахнущий рыбой, или фермер, постоянно пахнущий навозом. Я пропах трупами, понимаешь? Это начало влиять на мою личную жизнь.

В итоге его отношения с женой начали рушиться. Левинсон ненавидел возникшее между ними расстояние. Он хотел, чтобы его отношения с Кэрл были идеальными, но в Детройте так не получалось. Казалось, что она была рада переехать с ним в Хоби, и он надеялся на лучшее, но к тому времени было слишком поздно. Она ушла от него три месяца спустя и вернулась в Детройт – то самое проклятое место, в котором преступления разлучили их. Но это было не то, что он хотел бы рассказать Троттеру.

– Значит, они пытались убить сенатора Кинга, – сказал Троттер, глядя в окно, и плевать им, если в процессе погибнет ещё несколько детишек.

Он бросил острый взгляд на Левинсона.

– Знаешь, кто это был?

Теперь была очередь Левинсона пожимать плечами.

– Не особо. Но я знаю их образ мышления, о чём они думают, – он едва заметно ухмыльнулся. – Я знаю, кого они ненавидят.

– Кого?

– Они ненавидят меня. Они ненавидят евреев. А ещё они ненавидят чёрных, мексиканцев, вьетнамцев, японцев и остальных, кто отличается от них цветом кожи или верой. Они ненавидят то, что отличается.

Подошла официантка, и Троттер откусил от кекса, тщательно пережевал и проглотил, прежде чем задать вопрос:

– У тебя были проблемы с сослуживцами?

Левинсон не ответил, и Троттер продолжал:

– Только между нами. Я слышал кое-что, и просто хочу знать, правда ли это.

– Было несколько офицеров, – медленно проговорил Левинсон, – которые, как мне кажется, не особо сочувствуют евреям.

Троттер фыркнул:

– Не знаю, почему они не оставят службу и не присоединятся к одному из этих ополчений.

Он усмехнулся.

– Мою жену до замужества звали Рейчел Рабинович. Она ходит в синагогу, я – нет. Но я всё равно слышу это от некоторых ребят, так что... – его тон стал серьёзнее. – Ты думаешь, это связано с ополченцами?

– Взрывы? Возможно. Их здесь предостаточно.

– Похоже, они любят северные леса, верно? Вот только они тихие, как мыши. Я знаю примерно дюжину отрядов в радиусе сотни миль от Хоби, и всё, что они делают – тренируются, набирают людей и запасаются оружием. Но эти сукины дети делают всё законно – если это можно так назвать.

– Даже если это незаконно, – сказал Левинсон, – после Руби Ридж и Уэйко власти – от местных до федеральных – думают дважды, чем заявиться в один из таких лагерей и проводить аресты.

– Ты прав. Ополченцы *любят*, когда обстановка накаляется. Ещё один грёбанный шанс сдохнуть ради белого христианского братства. Чёрт, с этими тренировками и пропагандистским дерьмом, которым их кормят, они сами рвутся сражаться с нами – штурмовиками «*провитильства*».

– Так ты думаешь, что это сделали ополченцы?

– Ну, я так скажу: я не знаю никого из частных лиц, кто имел бы доступ к количеству взрывчатки, необходимому, чтобы снести здание вроде этого. Нет, это было установлено кем-то, кто знает толк во взломах и проникновениях. И они знали, что спецслужбы проверят здание, прежде чем туда войдёт Кинг, так что они должны были хорошо спрятать бомбу. Во всей операции чувствуется профессионализм – кроме той части, где они упустили свою цель и вместо неё взорвали десяток детей. Это было тупо.

– И ты думаешь, что федералы будут копать среди местных ополченцев?

– Нет, не думаю. У них кишка тонка, они не хотят ещё один инцидент. Если бы они были точно уверены, что это ополченцы, то они начали бы оттуда. Но задавать вопросы, шляться неподалёку, изучать арсенал? Нет, этого не будет. Знаешь, если только что-то не попадётся нам, я буду очень удивлён, если этот взрыв припишут кому-то кроме «неизвестных лиц».

– Я слышал, как она умерла, – сказал Рик Карлайл. – По телефону, и когда связь оборвалась, она умерла.

Он сидел с Нэнси Фоулер в её гостиной. Было два часа ночи. С того момента, как Рик понял, что Эми погибла при взрыве, он стал спокойнее и подавлял свою боль, всячески сотрудничая с властями.

Он с Нэнси просидел полчаса в полицейском фургоне, отвечая на вопросы – сначала с начальником отдела расследований Хоби, затем с федеральным следователем. Нэнси могла назвать имена детей, находившихся

в центре во время взрыва, а Рик рассказал о последнем звонке Эми, во время которого связь оборвалась.

Это было всё, что они могли сказать – это и тот факт, что Эми видела автомобиль с четырьмя мужчинами внутри за несколько минут до того, как Нэнси ушла. Нет, они понятия не имели, что внутри заложена бомба... Нет, они не видели никаких следов проникновения... Нет, не было вообще ничего странного... Нет... нет... нет...

На мгновение Рику показалось, что следователь заподозрил саму Нэнси в том, что она заложила бомбу, а затем ушла до того, как они сработали, но он слишком устал, чтобы возражать. Пусть думает так, если ему нравится. Это была теория, которая развеется, словно дым.

Словно дым.

Когда вопросы закончились и они остались одни, Нэнси сказала, что ей нужно было забрать Карен домой. Малышка была под присмотром полисвумен, даже когда Нэнси приехала.

– Слушай, – сказала она Рику, – если не хочешь возвращаться к себе домой, можешь переночевать у нас, в спальне для гостей.

Она не говорила, что ей нужна компания, и не говорила, что для Рика будет невыносимо находиться в доме, который он делил с Эми, но как подозревал Рик, оба этих предположения были верны. Она просто сделала предложение, и Рик кивнул, устало соглашаясь.

И теперь они сидели над чашками чая. События прошлого вечера казались почти сном. «Как», думал Рик, «как может быть, что в твоей жизни происходит такая катастрофа, а несколько часов спустя ты спокойно пьёшь чай, словно этого и не было никогда?»

Но это по-прежнему было всё, о чём они могли думать или говорить. Они быстро пришли к заключению, что целью был сенатор Кинг.

– Они найдут тех, кто это сделал, – сказала Нэнси. – Они же нашли Тимоти МакВея, и этих ребят найдут.

Она закрыла глаза, нахмурившись.

– Возможно, Эми *видела* их, – сказала она. – Хотела бы я расспросить её подробнее о них – как они выглядели, какая у них была машина... Хотела бы...

Она не договорила. Рик подумал, что он много чего хотел бы. Но желание не могло ничего изменить. Желание ничего не могло вернуть.

– Если они не найдут её, – мягко проговорил он, – то это словно она не умерла, а просто куда-то ушла, и возможно, однажды она вернётся.

Он посмотрел на Нэнси и увидел на её лице удивление и жалость.

– Я знаю, что она не вернётся. Я не спятил, я знаю, что произошло. Но вот так, без... тела, она словно куда-то ушла, она всё ещё... жива, хоть я и знаю, что её нет.

Они помолчали некоторое время, после чего он сказал:

– Знаешь, на что я надеюсь? Я надеюсь, что это случилось быстро. Надеюсь, что она ничего не узнала. Потому что если она знала... знала о детях... Я не знаю, как она могла бы умереть, зная это.

«Я не знаю, как она могла бы умереть, зная это».

Я хочу... Я хочу вернуться.

Жди.

Нет.. это было несправедливо... я должна всё исправить. Для них не будет покоя, пока я всё не исправлю.

Ещё нет. Жди.

*Я не могу ждать! Ждать слишком больно! Больно мне – больно им...
Боже, их крики...*

Жди, Эми, жди.

Их плач... они зовут маму...

Скоро.

Скоро.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

– Друзья, добро пожаловать на второй час шоу Уилсона Барнса. Если вы слушали нас раньше, то знаете, о чём я говорю сегодня. Это взрывы, потрясшие дом самого шоу Уилсона Барнса – прекрасный Хоби, штат Миннесота. Детский сад, друзья. Да, всё верно – был разрушен детский сад. Погибли двое взрослых и десять детей, их разорвало *на кусочки*, и тела невозможно восстановить.

Федеральные власти уже на месте – и я говорю *уже* с некоторой иронией, так как весьма возможно, что кто-то соображающий спросит, где они были *раньше*. Давайте посмотрим на факты...

Сенатор Роберт Кинг, ультралиберальное божество, должен был приехать в этот детский сад сегодня, в восемь вечера. Но сенатор не приехал – вместо этого он вернулся в свою сточную яму, известную нам как Вашингтон, округ Колумбия. И в десять минут девятого, друзья мои, в этом заведении взорвались две бомбы. И о чём теперь должен думать среднестатистический человек? О чём *хотят* заставить вас думать СМИ?

Они хотят, чтобы вы думали, что за это ответственно некое большое злое правое крыло – консервативные придурки, а может быть, друзья мои, даже одно из этих ужасных *ополчений*. Эти люди настолько бесчестны, настолько ужасны, что готовы взорвать *младенцев*, чтобы убрать одного из своих политических противников! Так давайте же тогда загоним этих чудовищ! И мы никому не дадим покоя, пока каждая из этих фанатичных правых организаций не будет уничтожена, пока у них не отнимут их жуткие бомбы и оружие, а их лидеры не сядут в тюрьму, где им самое место!

Вот во что они *хотят* заставить вас поверить, друзья мои. Но мы же американцы, и мы не купимся на этот бред, верно? Давайте теперь посмотрим на факты...

Если это и была попытка убить сенатора Кинга, то она была нелепой. Сегодня была дюжина возможностей сделать это. Этот предатель-сенатор был на виду в пяти или шести районах. Бомбы могли быть установлены где угодно, или же снайпер мог легко убить сенатора – и я не имею в виду, что это было бы хорошо.

Но где эти ужасные правые придурки устанавливают бомбы? В детском саду, где находились малыши – последний пункт в плане, встреча, которая, *вероятнее всего*, будет отменена! И когда происходит взрыв, Кинга там даже нет! Они говорят, что он должен был вернуться ради какого-то голосования, но так ли это, друзья мои?

Или же он знал, что там бомба? Или знал, кто её устанавливал? А может, он вообще был частью заговора, цель которого – размазать правые,

консервативные движения и ополчения так, чтобы они даже не надеялись подняться из пыли, оставшейся от Центра по уходу за детьми «Дружба»?

Помогал ли он в *инсценировке* покушения на убийство правительству, искренне настроенному на то, чтобы дискредитировать правых, жертвуя десятью невинными детьми? Способно ли правительство на такое?

Ну, способны же они выстрелить в лицо Вики Уивер, хотя на руках она держала лишь ребёнка... Они способны устроить огненную бурю в Уэйко, в которой погибло больше *двадцати* детей, и они заявили, что действовали во благо... Чёрт, и ещё десяток?

Скажите мне, друзья, на что Билл Клинтон, Тедди Кеннеди, Джанет Рино и Роберт Кинг *не* способны!

И в довершение всего этого скажу, что это была не самодельная бомба из удобрений, нет... Как заявляют эксперты, которые видели руины, это была пластичная взрывчатка. Следует добавить, что это *тот самый* вид пластичной взрывчатки, который использует армия Соединённых Штатов.

А дети? Радужный набор, друзья мои. Евреи, не-евреи, азиаты, негры – почти всё похоже на *план*, будто этими детьми пожертвовали, чтобы либеральные жидовские СМИ были уверены, что все в США ненавидят тех, кто в ответе за это чудовищное деяние.

Это именно чудовищное деяние, и не просто убийство невинных детей. Обвиняю ли я кого-либо, друзья? Нет, я задаю вопросы. Вы услышите *множество* обвинений от правительства и жидовских либеральных СМИ за следующие несколько недель. И когда услышите, не забывайте о весьма реальной возможности вмешательства со стороны правительства – людей настолько жадных до власти, что они готовы пожертвовать чем угодно, даже жизнями маленьких детей, чтобы достичь своей низкой цели...

В шесть часов утра, покинув радиостанцию, Уилсон Барнс вернулся в многоквартирный дом на окраине, принадлежавший ему, и поднялся на лифте в пентхаус, где он жил один. Он налил себе виски и сделал глоток, набирая знакомый номер.

– Да? – ответил сонный голос.

– Это я, – сказал Барнс. – Ты спал. Слушал?

– Слушал.

– Стоит чего-нибудь?

– Ага.

– Конечно, стоит. Я буду дальше толкать эту тему в эфире. И я ожидаю благодарности.

– Как обычно.

– Приятно иметь дело, – сказал Уилсон Барнс и повесил трубку до того, как Рип Уизерс сказал бы что-то ещё.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

На следующий день было ещё больше речей. О взрыве сообщалось в новостях на каждом национальном телеканале, и к тому времени, как ведущие утренних передач были готовы рассказать о случившемся в Центре по уходу за детьми «Дружба», федералы сообщили о следах циклонита – активного ингредиента взрывчатки С-4.

Всё это указывало (согласно аккуратно сформулированному отчёту) на то, что в здании было установлено одно или несколько взрывных устройств. А тот факт, что сенатор Роберт Кинг должен был посетить этот центр, подливал масла в огонь теории заговора.

Главные СМИ быстро пришли к выводу, что взрыв был трагически непродуманным покушением на убийство сенатора, совершённым одним или несколькими «правыми» экстремистами. В утреннем выступлении президент пообещал задействовать все силы федеральных агентств, чтобы найти злоумышленников, нанёвших «этот бессердечный и ужасный удар». Однако «учёные брамины» от СМИ не были столь уверены, эхом отражая фразы Дэна Троттера о нежелании правительства вторгаться в лагерь, где проживают основные группы ополченцев и полно оружия.

Ультраконсервативные масс-медиа выбрали другую тактику, предложенную Уилсоном Барнсом. Более спокойные радиопередачи с большей аудиторией призывали своих слушателей не спешить с выводами, так как это действительно мог быть заговор, но заговор «левых». Само правительство было вовлечено *для видимости*, считали они – маловероятно, но возможно. Были ведь и «правые придурки», и «левые психи», и «левые» были куда опаснее – они работали в одиночку. Было вскользь упомянуто имя Теодора Качински²¹.

Также было возможно, что один из этих «волков-одиночек», имея информацию о планах сенатора Кинга, мог попытаться дискредитировать «правых», устроив покушение на него.

Более агрессивные комментаторы, следовавшие за Уилсоном Барнсом, прямым текстом утверждали, что Хоби стал ещё одним Оклахома-сити, и теракт был устроен правительством, пытающимся уничтожить своего сильнейшего врага – белых христиан-патриотов из ополчения. Эта теория начала активнее продвигаться в середине дня, когда одна из жертв заявила в новостях, что видела машину с четырьмя мужчинами внутри. Радикальные комментаторы немедленно превратили их в ужасных «людей в чёрном».

²¹ Теодор Джон Качински – американский математик, социальный критик, террорист, анархист и неолуддит, известный своей кампанией по рассылке бомб по почте, за которую получил прозвище «Унабомбер».

Но во всех Соединённых Штатах только «Сыновья свободной Америки» могли услышать правду.

В час дня, по окончании дневной суеты, Рип Уизерс собрал всех «Сыновей...» в здании, где проходили тренировки, разыгрывались постановочные бои за призы и произносились речи. Последним Рип и занялся.

– Все вы уже слышали новости по радио. Насколько мне известно, вы слышали даже больше. Но я здесь, чтобы рассказать вам правду.

Он посмотрел на своих людей, жёстких и верных солдат, сидевших на деревянных скамьях без спинки и внимательно слушавших его.

– Правда в том, что отличает нас от них, – продолжил Рип. – Они лгут народу, они лгут друг другу – они и *ложатся* друг с другом, но это уже другое дело.

Его шутка удостоилась знающего хихиканья.

– Я вам лгать не собираюсь. Я скажу вам правду. Ваш совет командиров принял решение устранить с особым пристрастием антиамериканского предателя, Роберта Кинга. Наша разведка сообщила, что вероятность жертв среди детей мала. Но вы знаете, что разведка иногда ошибается. Там находились дети, и что так же печально для нашего дела – первичной цели там не было.

Реакция была такой, как он ожидал, но не такой, на которую он надеялся. Многие слушали без эмоций, кто-то выглядел обеспокоенным, а некоторые были шокированы.

– Это трагедия, да, но это также послание. Все в опасности. В своей борьбе мы должны быть безжалостны, как и правительство, стрелявшее и бомбившее невинных детей. И если единственный способ показать, кто мы такие, заключается в чём-то вроде случившегося прошлым вечером – так и будет.

Я хотел бы, чтобы этого не было. Я хотел бы вернуть всё обратно, но мы не можем. Всё кончено, и теперь мы должны не только жить с этим, но и выяснить, как повернуть это в нашу пользу. Если вы слушали Уилсона Барнса прошлой ночью, то знаете, что он указал нам путь.

И теперь, если среди вас есть люди, неспособные с этим жить, скажите об этом прямо сейчас, и... мы придумаем что-нибудь.

Рип посмотрел на Уилла Стендиша, сидевшего на заднем ряду, опустив голову и уставившись в пыльный пол. Затем Рип перевёл взгляд на других, смущённых новостью, но не желавших говорить.

– Ну ладно, – сказал он. – Вы знаете правила. Если человек предаёт своих братьев словом или делом, единственное наказание – смерть. У нас есть ещё один секрет, которым мы должны поделиться, как мы делимся своими убеждения и обязанности. Будьте искренними. Будьте лояльными. И день нашей победы придёт, слава Яхве.

Послышалось несколько выкриков «Аминь», потом ещё несколько, и вскоре все они стояли и салютовали белым патриотам-христианам. Даже Уилл Стендиш поднялся и салютовал, хоть Рип почти не видел энтузиазма в этом жесте. По крайней мере, здесь не было протеста, не было бреши в их тщательно выстроенном оплоте приказов и подчинения.

И Рип Уизерс улыбнулся и с гордостью отсалютовал им в ответ.

* * *

Позже, в тот же день, когда Рип собрал совет, он не сомневался, звать историка, Уилла Стендиша. Однако перед собранием он отвёл Сонни Армitedжа и тайно велел ему наблюдать за Уиллом. Сонни кивнул, и Рип знал, что больше ему говорить ничего не нужно. Если бы Уилл задумался о своей лояльности к «Сыновьям», о нём быстро позаботились бы.

На собрании он сказал остальным, что им стоит на некоторое время залечь на дно, не лезть на рожон, пока не станет ясна реакция правительства. В это время они будут проводить муштру, тренироваться и запасаться оружием на случай неизбежного противостояния.

Так они и сделали. Дни превращались в недели, но правительственные штурмовые группы не вторгались на их территорию, и следователи не появлялись с ордерами на обыск Охотничьего лагеря «Белый дуб» – так называлось прикрытие базы «Сыновей». Случись подобное – они сопротивлялись бы до последнего патрона и до последнего бойца, но не позволили бы им поймать себя.

Рип убеждал своих бойцов в том, что правительство слишком хорошо знало это. Они не хотели – *пока* – ещё одну кровавую баню. Вот почему они не трогали *никого* из ополченцев в этом районе. А если бы начали – «Сыновья» были скрытой организацией, о которой знали только её члены.

Другой причиной было то, что у федеральных следователей не было вещественных доказательств, кроме остатков С-4. Взрыв был таким сильным и разрушительным, что единственные следы бомб были микроскопическими. Что касается замеченной машины с людьми, то никто из свидетелей не видел никого, кто покидал бы это место непосредственно перед взрывом. Это лишь

развивало теорию о «людях в чёрном», поскольку этих призраков заметили всего один раз, и больше они не появлялись.

Было несколько чокнутых, звонивших и заявлявших, что они берут на себя ответственность за взрывы, но поскольку жертвами были дети, это было обычным делом после теракта. Ни один из этих звонков не дал реальных результатов.

Если говорить вкратце, то следователи не смогли за что-либо ухватиться, ограничившись поиском неучтённых запасов пластичной взрывчатки в правительственных учреждениях. Поиск этот продолжался, и сущим кошмаром его делало нежелание каждого агентства раскрываться перед другими. СМИ хорошо понимали, что следователи здесь бессильны; это же осознавали и все группы ополченцев, включая «Сыновей свободной Америки».

Проходили недели, месяцы, но ничего не происходило. Явный успех в подрыве Центра по уходу за детьми «Дружба» заставил поверить Рипа Уизерса в то, что Яхве на их стороне, и то, что они всё ещё на свободе – знак от Него: пришло время для чего-то ещё.

Пришло время для нового взрыва, который хорошенько встряхнёт это безбожное, предательское правительство.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**Любимая, так будем же верны
Друг другу! В этот мир, что мнится нам
Прекрасной сказкой, преданной мечтам,
Созданием обновленья и весны,
Не входят ни любовь, ни свет, ни чьи
Надежды, ни покой, ни боли облегченье...**

Мэтью Арнольд, «Берег Дувра»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Осталась лишь пыль.

Когда следователи взяли последние образцы, когда были собраны немногие человеческие останки, которые были больше частиц, среди которых лежали, когда масс-медиа сделали последние снимки и сняли видеоматериал о том, что было детским садом, осталась пыль – пёстрая и рельефная карта потерянного поселения.

В некоторых местах она была серой, словно прах; в других – бледной, словно кость, или же коричневой, словно ржавчина или давно засохшая кровь. Измельчённые в порошок и грубый гравий, здание и люди перемешались в единое целое – густой покров из загубленных жизней и мёртвых грёз.

Здесь ещё висели полицейские пластиковые ленты. Когда-то они были такими же ярко-жёлтыми, как и те игрушки, с которыми играли дети; теперь они висели, потрёпанные и сгнившие, выгоревшие на солнце до оттенка желтушной плоти.

Кладбище, мемориал и место казни одновременно. Это место словно зывало к людям. Даже спустя полгода они ещё приносили сюда цветы и плюшевых медвежат. Люди молились, плакали, смотрели на пыль.

Некоторые вставали на колени и набирали горсть праха, позволяя сыпаться сквозь пальцы тому, что было и местом, полным любви, и людьми, которых когда-то любили. Смеявшиеся голоса, ноги, которые когда-то бегали, улыбающиеся лица, заботливые руки – всё это теперь было пылью, цеплявшейся за пальцы, словно воспоминания, задумчиво пробираясь к губам, проникая в несчастного поклонившегося. Но пыль падала с пальцев, губ и подошв, а ветер уносил её прочь, смешивая с пылью на детских площадках и дворах, где играли детишки – бесконечность пыли, оставшейся навсегда.

Собственность, всё ещё принадлежавшая Ричарду и Эми Карлайл, была передана управляющим лицам, пока в суде не будет пересмотрен групповой иск пострадавших родителей против Центра по уходу за детьми «Дружба», чего не случилось бы до окончания правительственного расследования взрыва.

Казалось, что этот день едва ли наступит. А если и наступил бы, всё равно осталась бы лишь пыль.

Никто кроме Рика Карлайла не помнил, что эта ночь была годовщиной основания центра. Это воспоминание пришло к Рику, хоть он и пытался забыть о центре и взрыве.

Он всем сердцем хотел забыть Эми... Но она осталась навсегда именно в его сердце.

В ночь Хэллоуина дети бегали, выпрашивая сладости. Но те, кто жил неподалёку от Центра по уходу за детьми, держались подальше от этого места и обходили его десятой дорогой. Все дети знали, что здесь обитают призраки погибших, и на Хэллоуин они особенно зловредны.

На эти две ночи полицейских патрулей было в два раза больше, и Дэвид Левинсон сам вызвался на двойную смену. Он не возражал против доплаты, и это дало бы возможность офицерам из другой смены прогуляться со своими детьми.

Вечерняя смена подошла к концу. Дэвид чувствовал себя добрым духом, присматривающим за детьми, переодетыми в вампиров, клоунов и прочих персонажей, которых не было в прошлом году. Но до десяти все они были в безопасности дома – возможно, тайком раскрашивая лица у себя в спальнях.

«Господи», думал он, подъезжая к закусочной, «это совсем не то, что в Детройте. Ночь Дьявола была поактивнее, чем Хэллоуин в Хоби».

Отчитывать старших ребят, решивших забрать полученное угощение у младших, было здесь самой тяжёлой работой. Ни горящих машин, ни изнасилований, ни убийств.

«Но здесь полно тьмы и зла», думал Дэвид, проезжая мимо того, что он про себя называл Выжженной Степью. Ему хотелось, чтобы эту чёртову гору пыли и обломков поскорее снесли. Или построили здесь пару домов, со счастливыми детишками и большими, вислоухими и дружелюбными собаками. Что угодно, лишь бы не эта Долина Смерти размером с квартал.

Как бы там ни было, Левинсон не любил эту пору. В детстве он ненавидел Хэллоуин: он обычно совпадал с крупной ярмаркой у отца, которая проходила во Флориде. Его мать уходила в отпуск, и это значило, что Дэвид вместе с братом должны были провести пять дней и четыре ночи у дедушки и бабушки Левензонов.

Дедушка отказался менять традиционное русское написание своей фамилии, ссылаясь на родство с русским евреем, писателем Левензоном. Они с бабушкой были из России и общались между собой на Идиш; эту привычку Дэвид считал странной и жуткой. Ему не нравилось, когда он не понимал, что говорят другие люди, понимающие его речь. Это казалось ему чем-то нечестным и эгоистичным.

Но больше всего его пугали истории, которые бабушка с дедушкой рассказывали о той стране, и пугали не байки о жандармах и казаках-

антисемитах. В конце концов, он к такому привык, хоть к нему и не приходили с саблями те, кто ненавидит евреев.

Это была история Авраама Левензона, дедушкиного дяди, и сопровождавшего его ворона.

Даже сейчас Левинсон вздрагивал от воспоминания об этом. Были вещи, которых в мире быть не должно. Некоторые, вроде предрассудков, были неправильными, но ты живёшь с этим и пытаешься их изменить. Другие, вроде недавних взрывов, были ужаснейшей мерзостью. С этим ты борешься изо всех сил.

Но прочее было просто невыносимым – например, вернувшийся к жизни мертвец, независимо от причины.

А вдруг это было правдой? Может ли это ужасное деяние быть настолько отвратительным, что покойник воскрес бы, чтобы убивать? И что, если мертвец действительно воскрес, чтобы отомстить за случившееся, как дядя Авраам?

Левинсон выдохнул, сцепив зубы, и раздражённо потряс головой. «Забудь ты об этом», сказал он себе.

Эта чёртова история приходила к нему в голову на каждый Хэллоуин, и возможно, она была не более правдивой, чем другие рассказы бабушки Левензон, которые он позже находил в книгах о еврейском фольклоре.

Но он никогда не встречал легенду о вороне, и её бабушка рассказывала убедительнее, чем другие легенды.

Дэвид увидел впереди неоновую вывеску закусочной. Он позволил себе пятнадцать минут посидеть не за рулём: может, чашка хорошего кофе и кусок вкусного пирога помогут избавиться от старых рассказов бабушки. До полуночи ему никуда не нужно ехать.

А пыль всё так же лежала.

Она ждала, и уличные фонари делали похожей её волнистую однообразную серость на море в облачный, безветренный день. Но как только часы пробили полночь, говоря о том, что ночь уже пришла к своей середине, и маятник завис между закатом и рассветом, нечто чёрное спустилось с тёмного неба, приближаясь к земле, к пыли, ждавшей внизу.

Оно замедлило своё снижение, словно собираясь на мгновение зависнуть в воздухе, и внизу тела, покрытого блестящими угольно-чёрными перьями, выделились две лапы, ищущие место, где можно было бы сесть. И сели они, вцепившись чёрными когтями в деревянный колышек, удерживавший потрёпанную полицейскую ленту,.

Ворон не двигался, и ветер, трепавший ветхую ленту, не задевал его перья. Блестящие глаза смотрели, как этот ветер танцует среди серого праха, смотрели на вихрь, создающий волны в этом сухом море, будто некие создания мрачно плавали под его поверхностью.

Затем он ушёл прочь, сотрясая мёртвые листья и стучась в окна. Но над прахом ветер затих, замер.

Но пыль продолжала двигаться.

Казалось, что ветер продолжал дуть со всех сторон к центру этого океана праха, хоть ничего подобного и не чувствовалось. Из праха возникла человеческая фигура: голова, руки, туловище, ноги... Всё это поднялось, словно человек просто лежал и ждал момента, когда сможет восстать, чтобы его узнало создание, которое сидело над ним и наблюдало, как по его тёмной воле возрождается женщина, лежащая среди праха – или же по воле её души. Возможно, именно так в древних легендах Бог создавал Адама.

Но это был не Адам, и не Бог-Творец вдохнул в неё жизнь. Когда пыль превратилась в плоть и кровь, кости и мышцы, из груди женщины вырвался крик новорождённого – точнее говоря, перерождённого.

Она ожила, сотрясаясь от сжигающей боли и воспоминаний о том, как она умерла и почему вернулась.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

И пока тело Эми Карлайл собиралось воедино из собственных частиц и собственного желания, Рик Карлайл видел это во сне. Его душа, по-прежнему пребывавшая с ней, наблюдала, как Эми возрождается из праха.

Он видел её лицо, поднимающееся из обломков, будто женщина была погребена в песке. Видел забитый пылью рот, и облачко этой пыли вырывалось из её губ. Её глаза были широко открыты от боли и ужаса, и Рик показалось, что он видит то мгновение, когда оборвалась её жизнь, когда она поняла, что умирает – и что все её дети тоже погибнут.

Рик открыл глаза и поднялся. Он всё ещё видел Эми во тьме стен и потолка. Он не спал, и он *знал* это, но Эми словно была перед ним. Пыль и пепел сыпались с неё, открывая невредимую плоть, обнажённую розовую кожу, и плечи и грудь не были задеты взрывом, который разорвал её на куски.

Она была целой, хоть лицо и было перекошено от предсмертного страдания. Казалось, что она спрашивает: *Как такое могло случиться? Как я могла позволить этому произойти?*

И он увидел, как она повернулась, упёрлась руками в оставшуюся пыль и оттолкнулась вверх, словно новое создание. Она стояла, голая, напротив стены его спальни, разглядывая своё тело – прекрасное, сильное – затем глядя на всё вокруг, и в конце концов, на него.

«Нет», прошептал он, затем сказал увереннее: *«Нет!»*

Это был сон, видение, пытка разума, рождённая его желанием увидеть Эми живой. Ничего реального в этом нет. Это лишь наивная мечта.

Рик закрыл глаза, потом снова их открыл.

Но она не исчезла. Эми всё ещё была перед ним, только казалась призрачнее, дальше от него, и лишь через несколько секунд её призрак растворился. Осталась лишь тьма.

Рик подумал, что было бы лучше, если бы тогда он увидел её тело. Если бы существовало доказательство её смерти, он смог бы окончательно в это поверить. Как бы жестоко ни было видеть её разбитый труп, но это не сравнилось бы с тем, что он чувствовал.

Он никогда не мог быть уверенным в этом, не имея каких-либо доказательств, кроме разрушенного здания. Рассудок говорил ему, что она мертва, но без доказательств он никогда не поверил бы *по-настоящему*.

А если бы они были, то даже тогда он вряд ли поверил бы. Любовь ведь не умирает; и если его чувства к ней ещё живы, то почему её любовь должна умирать?

Но почему тогда её любовь так мучительна для него, вместе с видениями, в которых её тело поднимается из праха, в который было перемолото? Это была жестокая пытка, дававшая надежду там, где её не может быть.

Нет. Эми мертва. Рик всегда любил бы её, но её больше нет, и он знал: Эми хотела бы, чтобы он полюбил снова. И он сделал бы именно так – он сделал бы что угодно, что хотелось бы Эми.

Но он не пошёл бы к месту её гибели с жалким заблуждением о том, что она каким-то образом вернулась. Он не был дураком. Жизнь, и «один неизвестный либо группа неизвестных», установившая свою ненависть в сердце Эми, научили его этому. В мир, убивший любовь, возврата нет.

Кто-то зашевелился в постели рядом с ним.

Он осторожно лёг и обнял жену, прижимаясь к ней.

– Ты в порядке? – сонно пробормотала она.

– Да... Просто сон, – прошептал он.

– Ммм, – она взяла его за руку и прижала её к своей груди. – Засыпай. Я тебя люблю.

Он закрыл глаза, пытаюсь не заплакать, пытаюсь превратить слова в правду.

– И я тебя люблю, Нэнси...

На какое-то мгновение она увидела Рика, смотревшего в её глаза. А затем он исчез, оставив её одну, и она чувствовала сильнейшую боль в своей жизни, превосходившую даже боль её смерти.

Физическая боль была ничем. Вспышка света, миг отделения от земли, от жизни, мыслей, от тела.

Но не от боли, от мучительного осознания случившегося и потерянного. Осталась лишь эта боль, и возможно, в ней было нечто более глубокое. Может быть, любовь.

Но теперь, стоя посреди пыли, она чувствовала не только боль осознания и потери, но и сильнейшую физическую боль, с которой прежде не сталкивалась. Каждый атом её тела был вырван, изломан и перекручен. Она встала на ноги, думая, что прохладная ночь успокоит её. Она не могла поверить в то, что плоть её невредима, хотя чувства её говорили о том, что кожа была содрана, и всё тело было открытой раной.

Другого выхода не было, поэтому она просто стояла, дрожа от холодного воздуха, в котором постепенно растворялась её боль. Наконец-то она смогла спокойно вздохнуть.

Она пошевелилась, ощупала себя, и боли не было.

Но что осталось? Она была жива, но как это случилось? Там была бомба... Взрыв сорвал с неё одежду, пощадив всё остальное? Но откуда тогда взялась боль? И дети, они погибли...

Мысль кинжалом пронзила её душу. Господи (если Господь вообще существовал), все они мертвы. Их забрали отсюда, или же они смешались с этой пылью?

Она оглянулась и увидела свои мечты, всё, что она любила – всё это было превращено в прах и пепел. И она стояла здесь, голая и живая. Почему? Что произошло? Кто это сделал?

Затем она заметила птицу – огромную и чёрную.

Взгляд птицы застыл на ней, и голова наклонялась то в одну сторону, то в другую, словно ожидая, когда она заговорит, спросит что-нибудь, заплачет или же впадёт в ярость, или вообще спросит, куда она попала – в ад или в рай.

А она смотрела на ворона, ничего не понимая, затерявшись в руинах своей первой жизни и безумии второй.

Едва перевалило за полночь, когда Дэвид Левинсон получил сообщение по рации. Он только что подкрепился несколькими чашками кофе и куском пирога, когда поступили сведения о голой женщине рядом с Норт-Спрюз-стрит и Оук-стрит. Об этом заявила пожилая женщина, выгуливавшая неподалёку своего пса, и Левинсон находился ближе всех к этому участку.

Норт-Спрюз и Оук-стрит.

«Господи», подумал он, «там же был Центр по уходу за детьми».

Этой ночью ему не хватало только мамы, дошедшей до края горя, явившейся на место гибели своего ребёнка – голая женщина, сорвавшая с себя одежду и роющая в пепле. Это напомнило ему о строчках из книги Иеремии – Рахиль, плачущая из-за смерти своих детей.

Как бы то ни было, в багажнике у него есть одеяло, а если понадобится – он и наручники пустит в ход.

Если бы хоть что-то было сделано, если бы только федералы поймали ублюдков, взорвавших ко всем чертям десяток человек, то возможно, город смирился бы с этим, и раны начали бы заживать. Но у правительства кишка тонка, оно боится сунуться в гнездо шершней – этих самозванных патриотов. Чёрт, оно и неудивительно, что у родственников крыша едет.

Самым разочаровывающим было то, что все знали, кто может быть причастен к смерти твоего ребёнка, но никто даже не попытается это расследовать. Прямая дорога к сумасшествию.

– Дерьмо, – прошептал он, пересекая Норт-Спрюз-стрит.

Сообщение не было хэллоуинской шуткой. Он видел женщину, стоявшую посреди Выжженной Степи. Он не видел её лицо, но она стояла, чуть расставив ноги, и руки свисали вдоль туловища.

В этом худеньком теле чувствовалось какое-то напряжение. По крайней мере, у неё не было ножа или пистолета, а о скрытом оружии и речи не было.

Он остановил машину на обочине, решив подойти к ней пешком. Увидев полицейский автомобиль, она могла броситься бежать, а он не хотел бы гоняться за голой женщиной по сонным улочкам Хоби.

Левинсон вышел из машины и достал из багажника тяжёлое коричневое одеяло. Затем он начал подходить к ней сзади, осторожно ступая по пыли.

Когда он был в нескольких ярдах от неё, он увидел ворона. Птица сидела на колышке ярдах в двадцати от женщины. Каким бы абсурдным это ни казалось, но Левинсон подумал, что они каким-то образом общаются на таком расстоянии.

Тёмные волосы женщины скрыли от Левинсона её лицо, и на мгновение он задумался, что бы он сделал, если бы она повернулась к нему, неприлично обнажённая, и вместо лица он увидел бы хэллоуинский череп.

Он отбросил эту мысль и, остановившись в паре футов от неё, протянул одеяло и осторожно сказал: «Мэм?»

Она обернулась, и это было хуже, чем череп.

Это было лицо Эми Карлайл. Серая пыль слегка покрывала её лицо и тело, но её глаза цвета фиалок были ясными.

Внезапно одеяло в его руках стало таким тяжёлым, что он едва мог держать его. Но он боялся, что уронив его, он тем самым нарушит хрупкое равновесие между ним, Эми Карлайл и вороном. «Это не может быть правдой», сказал он себе, и если композиция дрогнет, если разорвётся линия, соединяющая этих троих, то неизвестно, какой жуткий сон может заменить всё это.

Но вдруг Эми Карлайл открыла рот и заговорила с ним голосом Эми Карлайл:

– Что... что это?

Она казалась напуганной, беспомощной и потерянной, и Дэвид снова стал полисменом, а не испуганным замечтавшимся мальчишкой. Он подошёл к ней и осторожно обернул одеяло вокруг неё. Затем он снова взглянул на ворона, сидевшего тихо, но наблюдавшего за ним с некоей напряжённостью. И он понял, что произошло и что ещё должно произойти.

Он слишком хорошо помнил историю бабушки Левензон о старом дяде Аврааме и вороне.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

– Что со мной происходит? – спросила Эми Карлайл. – Я не... Я не понимаю.

– Назови своё имя, – сказал полисмен, державший её. Ей казалось, что она узнаёт его, но рассудок... Всё было словно в тумане, и Эми не была уверена, что сможет вспомнить *собственное* имя.

– Меня...

Она взглянула на лицо мужчины, затем на ворона, сидевшего на колышке и не сводившего с неё глаз.

– Меня зовут Эми Карлайл, – она снова посмотрела на полицейского. – А это место – моё... или было моим.

Она покачала головой, вспоминая.

– Они убили моих детей. И пытались убить меня. Но не смогли... Не знаю, как...

– Эми, – сказал полицейский, – скажи мне кое-что. Расскажи о последнем, что ты запомнила.

Она посмотрела в темноту и попыталась вспомнить.

– Это было сегодня. Был ужасный взрыв... Стена обрушилась, свет погас, и дети плакали.

Она вспомнила руку ДеМарол, маленькую ручку, ни к чему не прикреплённую, и прикусила губу – достаточно сильно, чтобы пошла кровь, хоть она и не чувствовала её вкус.

– Я нашла двоих. Я пыталась вытащить их, увидела какой-то свет вдалеке, а потом... Я ничего не помню.

– Эми, меня зовут Дэвид Левинсон. Мы уже встречались раньше. Я из полиции. Пойдёшь со мной? Мы найдём для тебя одежду и что-нибудь поесть.

– Хорошо, – она кивнула, хоть и была не голодна. – А потом ты сможешь мне найти их, верно?

Лицо Дэвида Левинсона казалось ещё печальнее, чем раньше.

– Идём, – сказал он и повёл её к машине.

Посадив её на переднее сидение, он сел за руль и завёл двигатель.

– Я отвезу тебя к себе домой. Отсюда подальше.

– Ты сможешь мне найти их? – снова спросила она.

– Эми, я не могу. Детей нет... Они мертвы. Все они.

– Я знаю. Я имела в виду... найти *их*. Видишь ли, я выжила. Одна, *единственная* выжившая. Так что я должна... всё исправить.

Она посмотрела в зеркало заднего вида и увидела ворона, летящего за ними, медленно машущего крыльями, но уверенно державшегося наравне с едущим автомобилем.

– Думаю, мне нужно домой, – сказала Эми. – Мне нужно... Мой муж, Рик, должен знать, что со мной всё... в порядке.

– Займёмся этим позже.

Они проехали пару кварталов, и Левинсон включил рацию:

– Джин, по поводу того сообщения. Кто-то просто прикалывался. Дети какие-то с дурацкой куклой. Я их прогнал.

Эми не разобрала, что ответил кто-то на другом конце провода, и Левинсон продолжил:

– Джин, тут другая проблема. У меня расстройство желудка крепкое. Каждые десять минут останавливаюсь, и это реально убивает. Есть там другой патруль, чтобы подменить меня до шести часов? За мной не заржавеет.

Джин снова что-то сказала, и Левинсон ответил:

– Здорово, спасибо. Я тогда домой поеду.

Он поставил рацию на место и поехал к ряду домов в тупичке, который располагался в тихом районе.

Он заехал на подъездную дорожку, нажал кнопку на пульте, и ворота гаража открылись. Эми обернулась и увидела, как ворон садится на потемневший фонарный столб. Затем ворота закрылись, и она его уже не видела.

Левинсон повёл её из гаража через застеклённое крыльцо на кухню. Перед тем, как включить свет, он задёрнул занавески.

– Давай подберём тебе одежду, – сказал он и повёл её через маленькую прихожую в спальню, где он снова задёрнул шторы, прежде чем начать копаться в шкафу.

– От жены остались, – сказал Дэвид, вытаскивая блузку, свитер и джинсы. – Должны подойти. Если хочешь сначала смыть с себя всю эту пыль, то там есть ванная. Иди туда, потом оденься и выходи. Нам нужно поговорить.

Он вышел, и Эми сбросила с себя одеяло. Она вошла в маленькую ванную, где приняла душ. Вода не казалась ей ни холодной, ни горячей – она едва казалась влажной, но Эми видела, как пыль смывается с её тела. Затем она вытерлась насухо и оделась.

Она не могла сказать, была ли одежда удобной или нет. Она едва чувствовала её вес на своей коже, которая казалась чьей-то чужой, как и одежда. Впрочем, она ей подходила, судя по отражению в зеркале.

Эми внимательнее посмотрела на себя, изучая лицо и волосы. Ей казалось, что она могла разглядеть тонкие бледные линии на лице – даже на щеках и на лбу, хотя раньше там не было и морщинки. Её кожа выглядела, как обратная сторона листы – частички, сшитые вместе так тонко, что были почти не видны, пока на них не помотришь в упор.

Она заметила, что узор появился и на её глазах, и то же самое она увидела на других частях своего тела – даже на ногтях и гладкой коже рук и бёдер. Почти невидимые метки были повсюду.

Когда она пришла в гостиную, там её ждал Дэвид Левинсон с чайником и подносом, полным бутербродов, печенья и свежих фруктов.

– Поешь, – предложил он, но Эми покачала головой.

– Нет, спасибо. Я не голодна... Но мне нужны ответы.

Она села на диван рядом с ним, скрестила руки так плотно, что пальцы побелели, и наклонилась к нему так требовательно, что он подался назад.

– Что произошло? Как я выжила? Почему все они умерли, а я осталась жива? Ты можешь ответить мне, Дэвид Левинсон?

Какое-то мгновение он выглядел так, будто ему нечего сказать. Затем он покачал головой и отвёл взгляд, закрывая глаза. Когда он снова посмотрел на неё, его глаза были холодны, а губы сжались в полоску.

– Я могу кое-что сказать тебе, Эми Карлайл. Я могу рассказать то, что едва ли прояснит обстановку – скорее запутает нас ещё больше. Но насчёт того, как ты осталась в живых... Эми, мне жаль... Но ты *не* выжила. Ты мертва уже полгода.

Бога ради, о чём он говорит?

– Пол... *полгода*?

– Да. И даже сейчас ты мертва. Да, ты двигаешься, разговариваешь, но ты не... Ты не жива по-настоящему. Ты вернулась сюда с определённой целью.

Эми хотела поспорить с ним, ударить, обозвать дураком, но вместо этого ей казалось, что она слышала подтверждение знания, похороненного внутри неё, дарованного ей в тишине и тайне чем-то тёмным и скрытым.

Ворон. Это ворон сделал с ней что-то.

– Я знаю, что ты обеспокоена, – сказал Левинсон. – Ты хочешь узнать, что произошло, кто за это в ответе, и так далее. Но умоляю, сперва посиди и выслушай до конца историю, которую мне рассказывала моя бабушка. Возможно, это поможет тебе понять, кто ты теперь.

«И что ты должна сделать».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

– Моя семья, Левензоны, – начал Дэвид Левинсон, – они жили в Кишинёве, в Молдавии, под властью России. Для русских евреев начало XX века было ужасным временем. По сравнению с не-евреями прав у нас было немного, и хоть у властей не было официальной программы действий против нас, они делали очень мало – а то и вообще ничего – чтобы предотвратить происходившие погромы.

Погромы – это нападения разъярённой толпы на евреев. Все нас ненавидели. Поскольку многие евреи были предпринимателями, классы пониже считали всех нас капиталистами, а поскольку некоторые евреи были ещё и политическими радикалами, то правительство считало всех нас социалистами. Если нужна была причина нас ненавидеть, то они её находили.

Мой дедушка был мальчишкой, когда в 1903 году в Кишинёве произошёл погром. Толпа напала на еврейскую общину и лютовала там целых два дня. Людьюми управляли местные лидеры, а царская армия даже не пыталась их остановить. Многие евреи были убиты, многие были ранены. Семья Левензонов была одной из тех, кому не повезло, и возможно, дядя Авраам был самым невезучим.

Он потерял жену и троих детей – двоюродных братьев моего дедушки. Дедушка не пострадал – его мать два дня прятала его в нужнике. Он мог время от времени карабкаться наверх и видеть, что происходит, через трещины в стенах. Он всё видел и мог рассказать, что тогда случилось.

Дядя Авраам был крупным мужчиной, которому едва перевалило за пятьдесят. Он начинал с того, что растапливал жир, и постепенно прошёл путь до владельца успешного жирового предприятия. Он был энергичным и неутомимым. А ещё он был инакомыслящим. Когда начались беспорядки, его конкуренты увидели в них шанс покончить с его успехом – а заодно и с ним.

Авраама били и резали, но он выжил, хоть и был тяжело ранен. В итоге жандармы и солдаты пришли разгонять повстанцев, и мой дедушка вылез из нужника. Он видел, что произошло потом.

Дядя Авраам, возможно, уже умирал, но ещё воспринимал всё происходящее. Он схватился за узду лошади капитана, командира казаков, и обвинил его в бездействии. «Вы убили мою семью, вместе с этими глупыми и жадными ублюдками», сказал он. «Ваша вина даже больше».

Собственно, это была правда, но казак не хотел слышать подобное – особенно от избитого и истекающего кровью еврея. Он выхватил саблю и рубанул ею дядю Авраама по шее, почти отрезав ему голову. Дядя Авраам

упал замертво. Казак сказал всем наблюдавшим, что на него напал умалишённый жид, и у него не оставалось другого выхода, кроме самозащиты. И никто ничего не сделал – кому нужен ещё один погром?

Дядя Авраам и его семья были похоронены на кладбище в нижнем городе, на берегах реки Бык. Его конкуренты взяли под контроль жировую отрасль, а солдаты, казаки и полиция ждали следующего погрома, чтобы снова отвернуться и позволить умереть ещё большему количеству евреев. Но случилось совершенно другое.

Следующие несколько недель после погрома кладбище было очень посещаемым местом. Люди приходили сюда, чтобы отдать дань памяти своим любимым, но спустя некоторое время скорбящие удовлетворились чтением Кадиша²² в синагоге. Но мой дедушка продолжал ходить на кладбище – часто даже ночью, когда вся работа уже была сделана. Его мать, прятавшая его столь надёжно, была убита во время беспорядков, и он сидел рядом с её могилой почти каждую ночь, пока он не начинал засыпать, и лишь тогда он шёл домой, к своему отцу.

Однажды вечером, когда он сидел у могилы матери, он услышал громкий крик сверху, и увидел летящего к нему огромного ворона. Птица села на надгробие дяди Авраама, находившееся неподалёку. Затем мой дедушка увидел, что земля на могиле Авраама содрогается и расходится.

Дядя Авраам восстал из-под земли. Его погребальный наряд был частично сорван с него. Дедушка видел рану, от которой дядя погиб, но она казалась исцелённой – лишь белый шрам на том месте, куда ударила сабля.

Естественно, дедушка был напуган, но его словно сковало, он не мог бежать. Дядя Авраам взглянул на ворона, и ворон долго смотрел на него. Затем воскрешённый посмотрел на моего дедушку и улыбнулся. Дедушка говорил, что улыбка эта была успокаивающей, но это было настолько страшно, что он просто описался.

Затем ворон взмыл вверх и медленно полетел в сторону верхнего города, где жили русские и где находились казармы солдат и жандармов. Дядя Авраам направился за ним, и обрывки погребальной одежды тянулись за ним. Дедушка должен был увидеть, что там произойдёт, поэтому он последовал за ними.

Многие видели, как дядя Авраам шёл по улицам. В конце концов, в Кишинёве жило более сотни тысяч человек. Евреи бежали прочь с криками, запираясь в домах и читая молитвы до самого рассвета. Но им не стоило бояться ни дяди Авраама, ни ворона.

²² Кадиш – еврейская молитва, прославляющая святость имени Бога и Его могущества и выражающая стремление к конечному искуплению и спасению.

Птица привела мертвеца и мальчика к дому торговца жиром, который вместе с сыновьями избил и зарезал дядю и помогал убивать его семью. Дедушка смотрел, как ворон садится на край крыши, пока дядя Авраам вышибал дверь и входил внутрь. Были слышны крики, выстрелы из пистолета и другие звуки, которые дедушка описывал как *мокрые*.

Спустя некоторое время прибыла полиция. Жандармы вошли внутрь, и снова послышались крики и звуки борьбы. Некоторые выскочили на улицу и убежали прочь. Мой дедушка видел, что у одного человека с половины лица была содрана кожа.

Внутри всё стихло. Дядя Авраам вышел из дома. Его одежда пропиталась кровью, к ней прицепились кусочки плоти, и лицо его было ужасно. Жандармы, остававшиеся на улице, стреляли в него из винтовок. Пули попадали в него, но он не падал – это лишь немного замедлило его.

Один молодой жандарм напал на него с саблей. Клинок ударил почти туда же, куда пришёлся и смертельный удар капитана-казака, но Авраам устоял. Он выхватил саблю и одним ударом наотмашь снёс жандарму голову. Затем ворон снова взлетел и направился к солдатским казармам, и дядя Авраам пошёл за ним.

Должно быть, кто-то предупредил солдат, так как они все они были наготове, выставив вперёд отряд стрелков. Казак-капитан верхом на коне командовал ими, и когда дядя Авраам приближался к ним, держа саблю перед собой, казак выждал, пока тот не приблизился футов на двадцать, и приказал стрелять.

В тело дяди Авраама попало две дюжины пуль, и он пошатнулся, но не упал. Стрелки бросили винтовки и бросились бежать. Мой дедушка не видел лица дяди, но он считал, что дядя, скорее всего, просто улыбнулся им.

Капитан казаков не убежал, как и его кавалеристы. Они выхватили сабли, и капитан направил коня к дяде Аврааму, подняв саблю. Но когда он попытался ударить дядю, тот схватил клинок и просто выдернул капитана из седла. Затем он поставил ногу ему на грудь, удерживая на земле, и воткнул обе сабли, которые держал в руках, в глаза мужчины, убив его.

Кавалеристы напали на него, и дядя Авраам превратился в безумного разрушителя, рубя ноги лошадям, кроша всадников, отсекая головы, руки и ноги одним ударом сабли. Дядю тоже ранили, и не раз, но ни одна рана не останавливала его.

За считанные минуты все всадники погибли, и улица опустела. Больше никто не рисковал бросить вызов мертвецу в погребальной одежде.

Дядя Авраам отрубил капитану голову, нанизал её на солдатскую саблю и по широкой и пустой улице к собору, где заседал архиепископ

Бессарабский. Там дядя воткнул саблю с головой казака в деревянную дверь собора, оставляя доходчивое послание архиепископу и царю.

Ворон снова полетел к старому городу, и дядя Авраам – а с ним и мой потрясённый дедушка – отправились к старому кладбищу на берегу реки. Мертвец снова лёг в свою могилу. Дедушка видел, как земля разошлась, и дядя исчез под ней. Ворон в последний раз каркнул, после чего улетел за реку.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

– Мой дедушка поведал эту историю моей бабушке, – сказал Дэвид Левинсон. – Он бы никогда не рассказал нам её сам, но бабушка рассказывала много раз – сначала, возможно, с гордостью, но потом, как мне кажется, чтобы напугать нас.

– Это... просто легенда, – ответила Эми Карлайл, надеясь, что не ошибается.

– Поначалу я тоже так думал. Но когда я, или мой брат спрашивал дедушку об этом, он становился... другим. Не похожим на самого себя. Словно он заглянул в бездну и не хотел, чтобы его снова заставляли думать об этом. Тогда я и понял, что это было правдой.

– И что ты об этом думаешь? Ворон, которого мы видели, воскресил меня? Это смешно. Такого просто не может быть.

– Тогда почему ты здесь?

– Потому что я жива! – рассердилась Эми. – Начнём с того, что я никогда не умирала. Я... я потеряла сознание, забыла, кто я, меня отбросило взрывом...

– Отбросило на полгода, и никто тебя даже не заметил, когда твоя фотография появилась во всех газетах и на телевидении. А затем ты вернулась туда – абсолютно голая, вся в пыли, оставшейся от Центра по уходу за детьми. С вороном, который повсюду тебя сопровождает, куда бы ты ни шла...

Левинсон дёрнул за шнур, и занавески раскрылись: чёрная птица по-прежнему сидела на столбе. Он нажал на выключатель, и свет вырвался из окна, освещая перья птицы, превращая чёрный в насыщенный фиолетовый с голубым оттенком.

Левинсон снова сел рядом с Эми, взял её за руку и повернул её ладонью вверх так, что он мог видеть кожу на её предплечье.

– Взгляни на себя, – сказал он. – Ты видишь?

Он указал на новые тонкие линии на коже – тысячи частиц, покрывших её кожу.

– Это *кусочки*, Эми. Кусочки, на которые тебя разорвало, и которые снова собрались воедино. Они собрались из праха, когда прилетел ворон.

Эми оттолкнула Левинсона с такой силой, что тот налетел спиной на подлокотник и скривился от боли.

– Нет! – сказала она. – Нет, это неправда...

– Насколько ты сильна, Эми? – спросил Левинсон, потирая спину. – Ты была в хорошей форме, но не настолько, верно? Не могла даже подумать о том, чтобы дать отпор крупному и сильному парню вроде меня, не так ли?

Парню, увидевшему тебя голой, возбужденному и решившему немного развлечься...

Он набросился на Эми, обхватив руками и уткнувшись лицом в её шею. И она отреагировала, не задумываясь – используя не принцип рычага, но чистую силу, она отшвырнула его. Дэвид перелетел через кофейный столик и упал на пол с такой силой, что у него дух перехватило. Даже не осознавая, что она делает, Эми оказалась сверху, раздавливая его горло левым предплечьем и занеся для удара правый кулак. Только панический страх в глазах мужчины не дал ей расплющить его нос.

Эми села, опустив руки, пока Левинсон, кашляя и задыхаясь, поднял руку в знак капитуляции.

– Прости... прости, – выдавил он из себя. – Поступок не джентльменский, но я хотел доказать свою правоту. Ты сильнее, чем была когда-либо. И ты сказала, что не голодна. Как ты считаешь, почему? Ты умерла.

– Я не мертва, – ответила Эми, покачивая головой.

– Мертва, Эми, я уверен в этом, – сказал он, направляясь к противоположному краю комнаты. – Собственно, я настолько уверен, что собираюсь совершить нечто способное разрушить всю мою жизнь, если я окажусь неправ. Вот настолько я уверен. И это не подлежит обсуждению.

Одним движением он развернулся, выхватив пистолет из кобуры, взвёл курок и выстрелил.

Эми бросилась к Левинсону, и уже преодолела половину расстояния между ними, но почувствовала, как пуля попала в грудь. Удар замедлил её на мгновение, и она сразу же оказалась возле него, выхватив пистолет из руки и оттолкнув. Левинсон ударился головой, его глаза закатились, и он сполз вниз без сознания, прислонившись к стене.

Она взглянула на дымящийся пистолет, который держала в руках, затем беззвучно выронила его на ковёр и обеими руками дотронулась до груди в том месте, куда попала пуля. Сначала она почувствовала жар, потом холод, и в итоге не чувствовала ничего; Эми задумалась, не начался ли у неё шок. Она видела почерневшую по краям дыру в ткани рубашки, и пока она расстегивала её, всё казалось каким-то сном. Ей выстрелили в грудь, и она не почувствовала боль.

И Эми развела в стороны края рубашки.

Рана ещё затягивалась, уменьшалась, пока не исчезла целиком, оставив лишь бледный кружочек – лёгкую вмятину, похожую на след пальцев любовника, исчезавший на глазах. Ей выстрелили прямо в сердце, и она была жива.

Или же мертва.

Правда поглотила её – правда, о которой она предполагала, но не знала наверняка. Она взорвалась внутри неё, словно пыль из возрождённых лёгких, и Эми почувствовала, что вот-вот взорвётся снова, и миллионы фрагментов, из которых собралось её тело, снова разлетятся в тихом взрыве, причиной которого стало это жуткое осознание.

Казалось, что прошла целая вечность, пока Эми взяла себя в руки. Её глаза были открыты: это уже был не вопрос о том, *чем* она была, а новое понимание того, *почему* она здесь.

Она - дитя смерти, вернувшееся, чтобы родить не жизнь из мёртвой утробы, но смерть через силу её рук. Она не могла познать радость материнства, но теперь она стала Матерью Возмездия.

Дети, которых она опекала, как своих собственных, погибли, и она погибла вместе с ними. Но сердце её выжило – жестокое материнское сердце, познавшее глубочайшую скорбь и печальную историю о родителях, переживших собственных детей. История грустная и неестественная, слишком глупая, чтобы её рассказывать.

Кто мог совершить подобное? Кто мог быть настолько бессердечным, чтобы пойти на это? Она выяснит и свершит своё материнское возмездие. Легенда о старом еврее указала ей путь. Ворон вернул его ради мести.

Нет. Ради *справедливости*. Чтобы всё исправить. А разве может быть что-то более несправедливое?

Но старый еврей знал, кто убивал его детей, жену, его самого. У неё же такого преимущества нет. Он мог идти по улицам, зная, куда идёт, кого ищет, но она так не может. Сначала она узнает имена чудовищ, убивших её детей. Возможно, этот полисмен поможет ей.

Она встала на колени рядом с Левинсоном и прислушалась к его равномерному дыханию. На затылке у него выскочила шишка, но крови не было, и его лицо казалось спокойным.

Она вспомнила лицо Рика, когда он лежал в постели рядом с ней ранним утром, и его черты уже были различимы.

Рик.

Боже, что она могла сделать с Риком, ради Рика? Если она на самом деле была мертва, то для неё больше нет места в его жизни, или наоборот. Но она всё так же любит его, как и прежде, и любила бы даже после смерти, целую вечность.

Но вернулась она не ради Рика, а ради детей – и тех, кто их убил.

– Очнись, – сказала она, осторожно встряхнув его за плечо.

Он зашевелился и что-то пробормотал, после чего открыл глаза и посмотрел на неё.

– Ого... – прошептал он. – Ты *быстрая*...

Он перевёл взгляд на дыру от пули на её расстёгнутой рубашке.

– И ты жива, – он криво усмехнулся. – Что доказывает...

Он поднял брови, желая, чтобы Эми закончила.

– Я мертва. Ты прав, теперь я это знаю. Ворон поднял меня из праха, потому что я должна отплатить им за своих детей.

Левинсон кивнул, затем содрогнулся и потёр затылок.

– И я не сомневаюсь, что ты это поняла. Такая быстрая и сильная, как ты... неуязвимая для пуль. Настоящий кошмар для ополченцев.

– Ополченцы? – спросила она. – Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду то, что они – или кто-то, связанный с ними – заложили две бомбы, пытаюсь убить сенатора Кинга. Он так и не появился, но там была ты. Ты, другая женщина и дети, – говорил Левинсон, поднимаясь на ноги. – Кажется, я видел тебя в тот вечер, после первого взрыва. Я проезжал там и видел нескольких человек внутри. Затем взорвалась вторая бомба.

Он потупил взгляд и прикусил верхнюю губу.

– И я погибла.

– Да. Ты погибла.

– Ты сможешь найти их? Тех, кто это сделал.

– Не знаю, смогу ли. То есть, я же коп, и не могу выходить за рамки закона, подгоняя его под свои представления о правосудии.

– Зато я могу.

Эми попыталась улыбнуться, но ей самой это показалось не естественным, а странным и пугающим. Как ей казалось, она понимает, что увидели тогда те русские стрелки.

– Мне нужно убежище, – она дотронулась до пулевого отверстия. – И новая одежда.

– И способ добраться до них. Тебе много чего нужно.

Гнев Эми вырвался наружу:

– Ты говоришь, что прошло шесть месяцев, но этих ублюдков так и не нашли? Разве ты не хочешь увидеть, как они заплатят за то, что сделали? Я могу заставить их заплатить, Левинсон, но ты должен мне помочь!

На мгновение он задумался, после чего кивнул:

– Хорошо, помогу. Но ты никому ничего обо мне не скажешь. И я хочу, чтобы ты поняла: если до этих мудаков доберусь я, или любой другой представитель правоохранительных органов – они мои. И повсюду будут вершить закон и суд. Я это так не оставлю – таковы *мои* правила.

Она кивнула, поджав губы.

– Значит, это соревнование.

– Если ты хочешь это так воспринимать.

– Хочу.

– Хорошо. Здесь есть свободная спальня, я там обустроюсь – ты вообще спишь?

Она задумалась, пытаясь понять своё тело и его потребности.

– Не знаю. Я ещё не устала.

– Ладно, всё равно ты можешь занять мою спальню. Все вещи, оставшиеся от моей бывшей жены – в том шкафу.

– А как мне передвигаться? – спросила Эми. – Ворон может летать, но я-то не могу.

– Сейчас покажу.

Он снова отвёл её в гараж. До этого Эми не видела в темноте очертания чего-то длинного, покрытого брезентом. Но теперь, когда Левинсон включил свет и снял брезент, перед ней предстала чёрная спортивная машина с жёстким верхом. Капот казался в два раза длиннее салона, а фары были похожи на глаза совы.

– Это «Студебеккер Аванти», – нараспев произнёс он, – 1964 года выпуска. Я несколько лет работал над этой малышкой, и закончил буквально неделю назад. Даже не успел зарегистрировать. Машина-призрак. Теперь тебе стоит украсть где-нибудь старые номера – и сможешь кататься с ветерком.

Он жестом указал на несколько старых номеров штата Миннесота, прибитых гвоздями к стене гаража.

– Ну-ка, поглядим, что осталось от предыдущего владельца.

– Боже, – сказала Эми, всё ещё рассматривая машину, – это потрясающе. Спаси...

– *А также*, – перебил он её, сняв со стены пластинку с номером и прикручивая её к машине, – это классический автомобиль. Это драгоценность, дорогуша, всё, чем я живу, и если с ней случится что-то, я...

Он запнулся.

– Ты хотел сказать «убью», не так ли?

Дэвид явно смутился.

– Что ж, это будет лишним. Не переживай, я не позволю сделать ей больно.

Левинсон тряхнул головой:

– Делай, что тебе нужно. Может, я ради этого столько времени на неё и потратил, чтобы она пригodiлась тебе.

– Ты веришь в синхронность событий? – спросила она, дружелюбно улыбнувшись, как она умела.

– Дамочка, я после сегодняшнего верю в то, о чём раньше и не думал. Пошли в дом, я покажу тебе ещё кое-что.

Левинсон завёл её в огромное подвальное помещение, уставленное стеллажами. На полу стояли ящики с этикетками, а возле стены – три шкафа, и в каждом из них было четыре ящика для документов.

– Моя маленькая Крепость Одиночества²³, – сказал он. – Одно из моих увлечений – отслеживать деятельность антисемитских группировок, и среди них немало групп ополченцев.

Он ухмыльнулся:

– Возможно, однажды я напишу книгу. Здесь тонны сырого материала, но у меня на него не всегда хватало времени.

Он ласково похлопал по компьютеру, стоявшему на большом столе возле шкафов с документами.

– Это Пентиум 2. Триста мегагерц. Он был лучшим, когда я его покупал, и он до сих пор чертовски силен. Есть модем 57.6 и доступ к куче сайтов, к которым я из дома и подступаться не должен, – улынулся он. – Никому не говори. Но может быть, тебе это пригодится. Знаешь, как обращаться с компьютерами?

– Немного. Я всегда схватывала на лету.

– Что ж, не выкладывайся на полную. Работай наравне с медленными, только лучше и быстрее.

– Честно говоря, – сказала Эми, – не уверена, что хочу просидеть всё это время за компьютером. Во-первых, я не знаю, сколько времени у меня есть... А во-вторых... мне кажется, что я должна двигаться. Так что скажи мне, с чего бы ты начал, если бы оказался на моём месте?

Левинсон уже раскрыл рот, чтобы ответить, но вдруг в покрашенное окошко подвала постучали. Затем снова раздался стук, и Левинсон сказал:

– Думаю, кое-кто знает ответ на твои вопросы. Возможно, ты даже обойдёшься без моей информации.

Он полез в карман и достал оттуда пару ключей.

– Тебе лучше переодеться, прежде чем отправляться туда. Это пулевое отверстие выглядит немного подозрительно.

В спальне Левинсона Эми принялась копаться в шкафу, выбирая что-нибудь тёмное, что не стесняло бы движения и позволило бы передвигаться в темноте незамеченной.

²³ Место уединения и штаб-квартира Супермена в комиксах издательства DC Comics.

У задней стенки она нашла наряд, который прекрасно подошёл. «Наверное, после развода у жены Левинсона с одеждой было туго», подумала Эми.

Пластиковый пакет скрывал пару чёрных широких брюк и чёрный топ с длинным рукавом из растягивающейся синтетической ткани без отблеска.

Эми сняла с себя испорченную пулей рубашку и синие джинсы, и натянула топ. Он казался второй кожей, удобно поддерживая её небольшую высокую грудь и в то же время позволяя ей свободно двигаться. Затем она надела чёрные брюки, и они ей отлично подошли. Пара чёрных ботинок дополнила наряд.

Она отправилась обратно в гостиную. Глаза Левинсона округлились, когда он её увидел; он бросил взгляд на её грудь, но сразу же перевёл его на лицо Эми.

– Думаю, тебе нужна... куртка, или что-то вроде того.

Он подошёл к шкафу и вытащил из него чёрную кожаную куртку.

– Так... теплее будет, – произнёс он, запинаясь.

– Спасибо, – сказала она, несколько странно радуясь, что по-прежнему может возбуждать мужчину (если Левинсон был именно возбуждён), но в то же время задумываясь, не было ли это извращением. В конце концов, она была мертва. Не была ли она всего лишь одетым трупом? А вдруг то, что почувствовал Левинсон – неизвестная прежде форма некрофилии?

Она накинула куртку, но не застегнула её.

– И что теперь? – спросил Левинсон.

– Я пойду.

– Тебе нужно что-то, чем ты... смогла бы защититься. Пистолет я дать тебе не могу, но может быть, это подойдёт.

Он протянул ей нож в чехле, крепившемся на ногу. Она вытащила его и увидела слегка изогнутое шестидюймовое лезвие. В рукоятке были отверстия для каждого пальца, что делало её похожей на кастет.

– Нож для выживания, – сказал Левинсон. – Правда, в *твоём* выживании я не особо сомневаюсь.

– Спасибо, – сказала она, пристегнув ножны к ноге и прикрыв их штаниной.

Эми развернулась и направилась к гаражу. Открыв ворота, она села в машину, завела её и включила заднюю передачу.

Она думала, что двигатель будет реветь, но он лишь мягко урчал, и она задумалась, мог ли кто-либо его слышать на расстоянии десяти ярдов.

Тишина – это хорошо. Она тоже станет её оружием.

Ворон по-прежнему сидел на фонарном столбе, но теперь он повернулся к ней и раскрыл крылья, словно был готов к полёту. Эми сидела в машине, наблюдая за ним.

– Вперёд, – сказала она. – Я тоже готова.

Огромная птица расправила крылья и взмыла в ночное небо, улетающая прочь из этого тупичка. Эми последовала за ней.

«Господи Иисусе», думал Левинсон, мысленно клянясь именем пророка, «что я наделал? Что я впустил в этот мир?»

Он был напуган, но в то же время он испытывал облегчение от того, что он оказался прав, и Эми Карлайл была сверхъестественным существом, возвращённым к жизни другим существом. Если было иначе – Левинсон сидел бы в гостиной с мёртвой женщиной, и ему пришлось бы или многое выяснять, или многое объяснять.

Было много спорного в легендах, и если бы он использовал чистую логику – он не рискнул бы. Но в случае с Эми Карлайл было нечто выходящее за пределы логики. И потом, если бы Дэвид рассуждал логически, то никогда бы не доверил этой женщине своё оружие, машину и дом в качестве штаба операции.

Но если бы он поступил разумно, принял Эми за живую женщину и отвёз её в больницу, врачи обследовали бы её и сказали: *«Простите, но нет ни пульса, ни дыхания, вообще ничего нет, она мертва»*. Эми Карлайл вскрывали бы в какой-то секретной правительственной лаборатории всю оставшуюся не-жизнь, которая, как подозревал Левинсон, могла длиться вечно. И если бы Эми захотела вырваться на свободу... Что ж, она многих врачей просто разнесла на куски.

Вопрос был в том, что Эми сделает теперь? Если она выберет путь дяди Авраама, то ей нужно надрать задницу главному засранцу, а затем вернуться в объятия Смерти-Матери.

Дэвид надеялся, что она не оставит слишком много разрушений после себя. Или что-то, что может привести к нему.

И разумеется, всегда была возможность того, что Левинсон окажется там раньше. Впрочем, это казалось маловероятным: учитывая, сколько группировок ополченцев находится в этом районе, это становится похоже на поиск иглы в стоге сена, и стог этот охраняется вооружёнными бойцами.

Именно поэтому он отпустил её. Если копы не могут сделать это, а у правительства кишка тонка, то может быть, Эми Карлайл и Ворон позаботятся обо всём.

Дэвид надеялся на это, и хоть вера его рушилась, её было достаточно, чтобы заставить его помолиться.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Ворон летел высоко над скучным Хоби, не обращая внимания на дома внизу. Его чёрные глаза смотрели только на красный огонёк впереди – он был похож на красное свечение, которое излучала душа женщины, восставшей из праха, и это привлекало его взгляд. Ворон постоянно искал души, которые не могли обрести покой, которые жаждали правосудия, чтобы двигаться дальше – в царство Смерти.

Однако сейчас Ворон видел не свечение страдающей души, а рукотворный свет – верхний огонёк на радиовышке. Свет от таких огоньков стремился вверх, подобно словам ненависти, которые ползли по металлической паутине и вырывались наружу, будто вулканическая лава, выплёвывая горячий яд в воздух и распространяя его повсюду, где машины могли поймать волну и снова превратить её в слова.

Ворон медленно махал крыльями, приближаясь к зданию, где располагалась радиостанция и передатчик, отправляющий послание Уилсона Барнса ненавидящему народу, чей разум был готов ненавидеть.

«...и пришло время восстать, заговорить, высказаться. И если слова не подействуют, не смогут убедить их – есть и другие способы донести свою мысль, быть услышанными и закричать громоподобным голосом на это злое, подконтрольное жидам и либералам, безбожное правительство и тех, кто им управляет – марионетки в Белом Доме и Конгрессе, а также на тех, кто дёргает за ниточки, оставаясь в тени».

«Но разве они дёргают за ниточки ради белых христиан-американцев? Боже, нет! О вас забыли, они лишь дерут, дерут и дерут с вас налоги, чтобы отнять ваши деньги и отдать их чёрным наркоманам, благоденствующим мамашам, мексиканцам, ползущим через границу, чтобы отнять ваши рабочие места, и вьетнамцам, которые разрушили свою страну и хотят разрушить нашу! Пришло время остановить предателей Америки, предателей христианства, и я верю, что вы знаете, как это сделать!»

«Я *видел*, как вы это делали! Я знаю, кто вы и во что верите, и мы *все* должны в это верить. Сам Джефферсон говорил: дерево свободы необходимо поливать кровью тиранов. Будьте безжалостными, делая это».

«Итак, друзья мои, когда вы ухаживаете за своими садами – а я знаю, что огромное количество моих слушателей живёт на своей земле, не пуская на неё правительство, и содержит сады – вы пытаетесь искоренить то, что плохо влияет на ваш урожай. Иногда, опрыскивая растения, чтобы убить вредителей, вы можете убить и хороших насекомых, которые не делают зла. Но если ваши овощи изъедены червями, разве вы говорите, что оставите их в

покое, опасаясь случайно погубить прекрасную бабочку, невинную божью коровку или земляных червей, взрыхляющих почву?»

«Разумеется, нет. Вы уничтожаете незваных гостей, искореняете то, что необходимо уничтожить, и несколько погибших невинных – та цена, которую необходимо заплатить, чтобы получить хороший урожай! Воспринимайте это, как хотите, друзья мои – я уверен, что вы поймёте, о чём я говорю *на самом деле*. И я знаю, что вы хотите принести эту жертву, потому что знаю, что в ваших сердцах и душах... Я знаю, вы – настоящие патриоты, и я поддерживаю вас и молюсь...»

Я знаю, кто вы...

Эми Карлайл слушала голос Уилсона Барнса и следила за летящим Вороном. Она видела красные огни радиовышки над возвышающимися зданиями и понимала, куда он её ведёт. Эми почувствовала давление ножен на лодыжку, и она надеялась, что клинок скоро заблестит по-другому: это будет темный блеск, красный и влажный.

На часах было 2:45. Шоу Уилсона Барнса было в самом разгаре – он вошёл в колею, играл на любимых темах слушателей.

«Хорошо», подумала Эми, «сегодня появится новая тема. Если аудитория жаждет крови – она её получит».

Конечно, Уилсон Барнс знает об ополченцах, и возможно, даже знает, кто виновен во взрывах. Он был их героем. Естественно, что кто-то начнёт похвально, позволит ему узнать, что его слова подтолкнули этих патриотов к действиям.

К действиям против детей. Её детей.

Ворон сел на вывеску над парадным входом в здание. На ней были указаны позывные сигналы станции и надпись: «Дом Шоу Уилсона Барнса». Эми проехала мимо и остановила машину в соседнем квартале, после чего пешком вернулась на пустынную улицу.

Сквозь стеклянную дверь она увидела U-образную кабинку охраны и толстого вооружённого охранника, читавшего газету. Эми нажала на кнопку звонка, и охранник посмотрел на неё. Сначала он напрягся, но разглядев Эми, улыбнулся, кивнул и нажал кнопку на пульте. Эми открыла дверь и вошла внутрь.

– Как дела? – спросил охранник, которого, судя по бейджу, звали Дональд. – Рановато, да?

Она с любопытством взглянула на него.

– Знаешь, – продолжил Дональд, хитро поглядывая на неё, – ты могла бы сначала у меня погреться. У босса ещё десять минут, потом в эфир ворвётся новостная сеть.

Он жестом указал на небольшой радиоприёмник, из которого слышалась брань в исполнении Уилсона Барнса.

Она всё поняла. Он принял её за одну из шлюх Барнса. Похоже, этот народолобец любил устраивать ночные прогулки для своего дружка.

– Конечно, – сказала Эми, – я с радостью тебя согрею.

Она обошла вокруг стола, и глаза Дональда расширились.

– Вот дерьмо, – сказал он, – Наконец-то хоть одна согласилась. Чёрт, поверить не могу. Слава Богу, новенькую прислали.

Дональд заёрзал в кресле, пытаясь расстегнуть ширинку.

– Только мистеру Барнсу не говори, ладно?

– Мой рот на замке... или будет на замке. Эй, дай-ка я этим займусь, – Эми встала перед ним на колени.

Одновременно она потянулась к лодыжке, нащупала рукоятку ножа для выживания и резко выхватила его. Тяжёлый кастет столкнулся с виском толстяка, и Эми услышала хруст.

Дональд обмяк, словно мёртвая рыба, выскользнул из кресла и упал прямо на Эми.

Она без особого труда сбросила с себя Дональда, убрала клинок в ножны и усадила охранника в кресло, как куклу. Эми ещё не привыкла к своим способностям и ударила его сильнее, чем думала. Был он без сознания или умирал, Эми не знала, да и не интересовалась. Она обустроила всё так, будто Дональд просто спит, а затем начала рассматривать указатели возле лифтов.

Конференц-залы располагались на первом этаже, офисы были на втором, а студия – на третьем. Эми не хотела, чтобы кто-то узнал, что она здесь, поэтому пошла по лестнице.

Лестница вывела её в длинный, тускло освещённый зал. Из окон, расположенных слева, лился яркий свет. Эми медленно подошла к ближайшему из них и увидела Уилсона Барнса.

Он сидел за столом, покрытым чёрным бархатом. Одинокий торшер освещал его рабочее место. Слева от него стоял ещё один стол, заваленный газетами, журналами, и книгами. Перед Барнсом висел микрофон, а его уши закрывала пара огромных наушников. Он сидел спиной к Эми, и она могла видеть ещё одно окно – оно было повыше, и через него было видно ряд разноцветных огоньков. Она решила, что это комната звукорежиссёра.

Эми никогда не видела Уилсона Барнса, поэтому его внешность сильно её удивила. Она ожидала увидеть огромного мужчину лет сорока пяти, но Барнс оказался худым, почти истощённым, и ему могло быть как сорок, так и шестьдесят. То, что такой низкий голос принадлежит такому щедедушному

человечку, казалось неестественным; Эми подумала, что его могла съесть его же злоба. Он был хорошо одет – над воротником серого пиджака, явно сшитого на заказ, виднелся белый воротничок рубашки.

Его голос был слышен из встроенных в стены зала динамиков. Здесь некуда было скрыться от Уилсона Барнса. Но и для Барнса укрытия не найдётся.

Эми ждала, когда стрелки на часах над кабинкой звукорежиссёра покажут 2:59, и до новостей останется лишь минута. Дональд назвал это «новостной сетью»; значит, вещание пойдёт не с этой станции. Скорее всего, Барнс вместе с людьми в контрольной комнате – единственные, кто сегодня останется здесь.

Эми пригнулась и начала пробираться под окном, стараясь не попадать в поле зрения Барнса. В следующем окне было видно контрольную комнату – наверное, его сделали, чтобы люди на экскурсии видели всё, что здесь происходит, не мешая сотрудникам. Она подумала о том, сколько невежественных, недалёких, бедных белых мудаков проходило здесь, надев свои сетчатые бейсболки и потёртые футболки с надписью «Где Ли Харви Освальд, когда он так нужен?». Это как экскурсия по Рейхстагу, только масштаб не тот.

За пультом сидел всего один человек. По габаритам он был где-то между Барнсом и Дональдом, но Эми это не беспокоило. Она чувствовала себя непобедимой.

Когда Барнс закончил говорить и звукорежиссёр переключился на «новостную сеть», Эми открыла дверь и вошла в контрольную комнату. Звукорежиссёр повернулся к ней, удивлённо взглянув.

– Новая девчонка? А где Мари носит? – со злостью в голосе спросил он. – Так, ты *должна* быть *внизу*, сука, так что дуй туда. У тебя пять минут, чтобы сделать это тихо и по-хорошему.

Не обращая на него внимания, Эми опёрлась на пульт и заглянула в студию через окно. На неё смотрел Уилсон Барнс. Сначала он казался не особо уверенным в том, что он видит, но затем с его лицом что-то случилось – оно будто бы расколосось на две части. Эми подумала, что он так улыбается. Он отключил микрофон, снял наушники и встал из-за стола.

Сначала Эми была шокирована, но затем её позабавило то, что она увидела.

На нём не было ни штанов, ни даже трусов. Небольшой член был наготове. Он взял его правой рукой, а левой сделал приглашающий жест.

Она его не разочарует.

Эми повернулась к звукорежиссёру и спросила:

– Он не станет возражать, если ты будешь первым?

Не дожидаясь ответа, она схватила его за волосы на затылке и ударила его лицом о пульт. Один раз, второй, третий – пока тело не обмякло и выскользнуло в темноту.

Когда она снова взглянула на Барнса, он пялился на неё, раскрыв рот – жалкое извинение за упавший член, напоминавший приспущенный в память о павшем товарище флаг.

Одним быстрым движением Эми выхватила нож и рукояткой разбила двойное стекло, отделявшее её от мужчины. Барнс испуганно вскрикнул, но замер лишь на мгновение, когда Эми голыми руками начала выбивать зазубренные осколки стекла, карабкаясь внутрь. Он бросился к левому столу, смёл с него бумаги и выхватил «магнум». Схватив его двумя руками, Барнс начал стрелять.

Надо отдать ему должное – пистолет он держал крепко, вцепившись в него своими пальцами, похожими на паучьи лапы. Она чувствовала, как в неё одна за другой врезаются пули, пробивая её грудь и отталкивая назад. Но за каждый шаг назад она делала два шага вперёд. Она схватила пистолет за ствол и вырвала его из рук Барнса. Какое-то мгновение они смотрели друг на друга, после чего Эми заткнула пистолет за пояс и спросила:

– У тебя ещё патроны есть? Мне пригодятся.

Он раскрыл рот от испуга, а затем бросился бежать, но она схватила его за шею, как цыплёнка, вцепившись пальцами в глотку. Одной рукой она повернула его и потащила к покрытому бархатом столу. Барнс брыкался и задыхался, его маленький член болтался, словно спущенный воздушный шарик.

Она уложила его на спину, всё ещё держа за горло. В другой руке она сжимала блестящий нож. Эми медленно повертела им перед лицом Барнса:

– Ты видишь это? Возможно, это последнее, что ты увидишь в своей жизни, Уилсон Барнс. Не потому, что я тебя убью, нет. Просто я вырежу тебе глаза, если ты не скажешь мне то, что знаешь. Я задаю вопрос в первый раз; не ответишь – я тебя порежу.

Она поднесла нож к яичкам Барнса и коснулась их острием. Он сглотнул и замер.

– Вот так. Да, неплохо. Достаточно больно. Не ответишь во второй раз – отрежу язык, Уилсон Барнс. Чтобы ты больше не мог говорить эти лживые слова, заставляющие людей убивать.

Барнс испуганно всхлипнул. Посмотрев вниз, Эми увидела, что он обмочился.

– На третий раз я отрежу пальцы. Все до единого. Чтобы ты не мог писать свою ложь. На четвёртый – вырежу глаза, чтобы ты не видел слов и букв, чтобы ответить кому-либо. А потом отрежу уши, чтобы ты не слышал, когда тебя попросят постучать своими обрубками: «Один раз – да, два раза – нет». Я тебя всего покровсаю, Уилсон Барнс. Не убью, но вычеркну из мира живых – ведь ты ни с кем не сможешь общаться. Но если примешь правильное положение тела, то возможно, у тебя получится потерять обо что-то свой хер. Будешь довольствоваться этим.

Она наклонилась к его лицу так близко, что их губы едва не встретились. Его дыхание напоминало запах дерьма, смешанного с мятой.

– Это ведь больше, чем осталось у моих детей, Уилсон Барнс. Помнишь их? *Помнишь?*

– Ко... кого? – выдавил Барнс. Его голос оратора теперь был скован страхом.

– Моих детей. Помнишь этих невинных? Тех, которые иногда должны погибнуть, если ты собираешься очистить сад от вредителей? Я хочу знать, кто проводил зачистку, Уилсон Барнс. Я хочу знать, кто убил моих детей этими бомбами.

– Я... Я не знаю, честно, я не знаю, на Библии клянусь, клянусь Христом всемогущим...

Лицо Эми стало жёстким и решительным. Она надавила плоскостью клинка на мошонку Барнса, пока он не взвизгнул. Затем она провернула лезвие так, что оно врезалось в сморщенную плоть.

Визг превратился в крик, заглушивший звук из колонок в контрольной комнате. Тело Барнса дрожало, но он не дёргался, опасаясь, что нож сделает всё ещё хуже.

Когда крик затих, бодрый голос из колонок сказал: «На сегодня это все новости...» Заиграла короткая музыкальная тема, а потом было слышно лишь тяжёлое дыхание Уилсона Барнса.

– Ну что же, если мне понадобится разрезать на куски невинного, чтобы получить то, чего я хочу – я это сделаю.

Эми держала окрашенный яркой кровью нож перед его глазами. Он крепко зажмурился и стиснул зубы. Эми потянулась к микрофону кончиком ножа и осторожно включила его.

– Кто это был, Барнс? – спросила она. – Твой язык. Я обещаю.

Тощий человек ныл и всхлипывал, не открывая глаз. Тогда Эми поднесла острие ножа к его губам, медленно и нежно проталкивая его между ними, и он почувствовал вкус своей собственной крови.

Уилсон Барнс распахнул глаза и закричал:

– *Сыновья!* Сыновья свободной Америки! Прошу... прошу, не трогай меня... Это правда!

Эми услышала призрачное эхо его голоса в контрольной комнате. Она снова поднесла нож к его глазам, и он снова зажмурился. Она взяла микрофон и подтянула его ближе, к искажённому ужасом лицу Уилсона Барнса. Нож она плашмя положила на его закрытые глаза.

– Кто? Повтори. Расскажи мне, кто эти ублюдки.

– Сыновья... свободной... Америки, – пролепетал он. – Это правда. Это всё они, это они, я клянусь... Это они, это были они...

Он продолжал бормотать. Эми убрала нож и отпустила горло. Барнс наконец-то затих и начал глубоко дышать.

Открыв глаза, он увидел у своего лица микрофон. Переключатель находился в положении *ВКЛ*.

– Это признание от Уилсона Барнса, – официальным тоном произнесла Эми.

Барнс схватил микрофон и выключил его. Он был слишком напуган, чтобы переживать по поводу наготы или стекающей по тощим ногам мочи.

– Ты... ты *включила* его, – сказал он, словно обвиняя её.

– Да. И не советую тебе подолгу держать его выключенным. Уж что слушатели ненавидят, так это тишину в эфире. Тишину и стукачей. У меня есть подозрение, мистер Барнс, что скоро тишины будет гораздо больше.

Она начала разбирать предметы на столе и нашла упаковку с патронами.

– Я знала, что у такого, как ты, найдётся всё необходимое, – сказала она, с улыбкой глядя на его пах, который он стыдливо прикрывал руками.

– Спасибо за информацию, мистер Барнс. Теперь на вашем месте я бы попыталась наладить отношения со *своими друзьями*.

Она вышла из студии, прошла через зал, по лестнице, и направилась к выходу из здания. Дональд так и не очнулся.

Она слышала дрожащий, но уверенный голос Уилсона Барнса из колонок, вмонтированных в стены:

– Вот что случится, друзья мои, если правительство продолжит идти этим бессовестным путём. Как и в этой радиопостановке, его агенты – даже женщины, воодушевлённые феминистками, выступающими за аборты – могут ворваться в радиостудию – или даже в ваши *дома!* И они будут пытаться вас, чтобы вы сдались... Чтобы вы рассказали то, чего рассказывать не хотите: например, имена или названия группировок, с которыми вас связывают, как эта, э-э-э, вымышленная организация, чьё название был

вынужден назвать мой персонаж... Это могло произойти здесь, друзья мои, так что берегите свою свободу, и...

Эми пришлось позволить ему сделать это. Этот человек должен был прикрыть свою трусливую задницу. Но она сомневалась, что подобная херня пригладит взъерошенные перья «Сыновей свободной Америки» – кем бы они ни были.

Она открыла дверь, и внутрь попыталась ворваться худая рыжеволосая женщина с большой грудью. Эми схватила её за рукав красного винилового плаща и потащила её за собой, закрывая дверь.

– Забудь, – сказала она. – Поверь, сейчас ты – последний человек, которого хотел бы увидеть Уилсон Барнс.

Она вспомнила о «Сыновьях свободной Америки» и улыбнулась – так, что шлюха отступила на несколько шагов.

– Ладно, – исправилась Эми, – возможно, ты *предпоследняя*.

Ворон сел на парковочный счётчик рядом с «Аванти», и Эми кивнула ему:

– Есть имя. Осталось лишь найти тех, кто его носит...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Джуниор Фили должен был заступать на ночное дежурство. Он ненавидел ночные дежурства: в окружавших лагерь лесах было слышно множество странных шумов, не говоря уже о широком ассортименте противопехотных мин, расположенных внутри периметра. Если бы кто-то сумел перемахнуть через десятифутовое ограждение с колючей проволокой наверху, ему пришлось бы иметь дело с маленькими сюрпризами от Паудера Бёрнса.

Джуниор не знал, сколько их там, хоть и обнаружил около сотни. Впрочем, идти и считать он не собирался – однажды он увидел, что произошло с оленем, наступившим на одну из мин. Ну, они *приняли* это за оленя, хотя после взрыва это больше напоминало желе из оленя.

Однако на территории лагеря, занимавшего тридцать акров, ещё водились олени. «Сыновья», прикрываясь фальшивой корпорацией, выкупили – или же использовали ради развлечения бизнесменов, которые финансировали их – четыре квадратных мили лесных угодий.

Джуниор не должен был контролировать весь периметр лагеря, а если бы он получил такой приказ, то всё равно не стал бы его выполнять, опасаясь мин. Но из-за густоты леса единственным местом, беспокоившим Рипа Уизерса, были главные ворота, к которым вела узкая разбитая дорога – ответвление от малоиспользуемой дороги, известной преимущественно охотникам.

Джуниор стоял у ворот и смотрел на грязную дорогу, охраняя лагерь, который никто ещё даже не пытался зачистить, поэтому кроме звуков, которые его настораживали, Джуниор захватил с собой маленький радиоприёмник и слушал его на небольшой громкости.

Он слушал Уилсона Барнса, когда произошло кое-что по-настоящему странное. Новости закончились, и радио затихло; Джуниор подумал, что у него просто сели батарейки. Но вдруг он услышал женский голос, сказавший что-то о языке, и это заставило его напрячься.

А потом Барнс вдруг заорал о «Сыновьях свободной Америки», и Джуниор едва не наложил в штаны. Проклятье, это название было *секретным*, и *никто* не должен был слышать его без одобрения совета. Чёрт, для всех они были Охотничьим лагерем «Белый Дуб» - это можно было прочитать на вывеске, если бы кто-нибудь подъехал достаточно близко. И теперь Уилсон Барнс кричал о них тысячам слушателей... Мудила.

Женщина сказала что-то об ублюдках, и будь он проклят, если Уилсон Барнс не повторил название и не сказал, что это были они – что они в чём-то виновны. И затем женщина сказала, что это было *признание*. Джуниор Фили

не знал, что за хрень там происходит, но он чертовски хорошо понимал, что Рип и остальные должны об этом знать – даже если он огребёт за то, что слушает радио на дежурстве.

Он покинул пост, побежал к домику Рипа и постучал в дверь. Но вместо Рипа дверь открыл его брат, Рей. Внутри были Рип, Уилл и Санни Армитедж. Все они собрались вокруг радиоприёмника, слушая «Шоу Уилсона Барнса». Рей жестом велел Джуниору молчать.

Великолепно, блин. Они уже всё слышали, и теперь Джуниор нарывается на проблемы без повода – если только он не скажет им ещё что-нибудь. Однако они не казались заинтересованными в том, что он собирался им сказать. Они то смотрели на приёмник, то переглядывались между собой.

Уилсон Барнс продолжал говорить, будто ничего не произошло, но Рип, Уилл и Санни явно не были довольны тем, что они услышали. Рип и Санни казались злее чёрта, Уилл был немного напуган, а Рей выглядел так же, как и всегда.

Началась рекламная пауза, и они заговорили.

– Вот уёбок, – сказал Санни. – Блядь, Рип, он же нас сдал!

– Сдал, – ответил Рип. – Мелкое тупое дерьмо.

– Но *кто* это был? – спросил Уилл. – Кто эта женщина?

– Не знаю, но скоро мы эту суку найдём. Сейчас нужно заняться Барнсом.

– О чём ты, Рип? – Уилл снова казался испуганным. – Хочешь сказать...

– Всё ты понял, – Рип покачал головой, скрипя зубами. – И он пытается всё прикрыть вымышленной организацией, блядь! Рей, найди Эйса. Скажи, что для него есть работа, пусть развеется.

Затем Рип наконец-то заметил Джуниора:

– А ты какого хера здесь забыл?

– Я, ну... – Джуниор быстро придумал ответ. – Я что-то слышал, решил доложить.

– Что слышал?

– Э-э-э, кто-то бродил неподалёку... За ограждением.

– Что? – Рип вскочил на ноги. – Господи, почему ты не стрелял?

– Ну, я... Я не хотел их вспугнуть, вот и решил ещё кого-то позвать.

– Идём! – Рип схватил оружие со стены, и все пошли за ним.

«Дерьмо», подумал Джуниор. Они погнались за воздухом, потому что он побоялся признаться им в том, что слушает радио на дежурстве. А ведь он был грёбаным *казначеем*, и он мог бы слушать радио, когда ему заблагорассудится. И вдобавок ко всему, он мог бы перемолоть в фарш любого из них.

Суть в том, что Джуниор Фили был трусом. Да, он не раз участвовал в драках, избил не один десяток человек, а парочку даже убил голыми руками. Но его не радовала перспектива быть раненым. Он был крупным и сильным, и всегда находились люди, способные бросить ему вызов. Но он ненавидел боль, хоть и любил причинять её другим.

Вот почему он любил причинять боль женщинам – он их не боялся. Это была единственная возможность побыть жестоким с кем-либо и не получить отпор. Проблема была лишь в том, что среди «Сыновей» женщин не было.

«Чёрт», сотню раз повторял Рип, смеясь, «тогда мы назывались бы «Сыновья и Дочери», а это звучит хреново».

Он знал, что Рип прав, но от возбуждения это его не удерживало.

Через пару недель у него появится такая возможность. Они с Санни должны были поехать на оружейную выставку, а там всегда было много горячих цыпочек, ходивших между столами или демонстрировавших оружие. Они держали и поглаживали стволы так, будто собирались вставить их туда, куда солнце не светит.

Но сейчас он должен был волноваться из-за Рипа, который на него злился, и остывать он не собирался. Прожекторы были включены и направлены на небольшой участок перед воротами. Рип стоял на вышке, держа в руках автомат Калашникова и вглядываясь в заросли.

– Открыть ворота и послать туда поисковый отряд! – прокричал он.

Джуниор открыл ворота. В это время Санни отправился в бараки и поднял полдюжины бойцов, которые выбежали через ворота с оружием наперевес и принялись прочёсывать местность, как их учили. Но спустя десять минут они вернулись, покачивая головами и недовольно глядя на Джуниора.

– Там никого нет, Джуниор, – сказал Санни. – У тебя глюки?

– Я что-то *слышал*, – упрямылся Джуниор. – Должно быть, это олень.

– Чёрт, – сказал Рип, – как будто нам этого говнюка Барнса не хватает.

В следующий раз используй свою сраную голову, Джуниор – посвети грёбаным фонариком, ладно?

«Чёрт бы побрал этого Джуниора», думал Рип. Для такого большого парня он был туповатым. Вот и сейчас он поднял весь лагерь. Свет и шум заставили многих выйти из барачков, и они стояли, дрожа от холодного ночного воздуха, спрашивая, что происходит. Не похоже, что они спали. Рип заподозрил, что кто-то из них слушал Барнса, а потом рассказал всем остальным.

– Ложная тревога, – сказал им Рип. – Если только вы не слушали Уилсона Барнса.

По лицам мужчин он понял, что так и есть. Они были в ярости.

– Мы все это слышали, – сказал он. – И мы с этим разберёмся. Нельзя предать «Сыновей свободной Америки» и остаться безнаказанным. Теперь идите спать и не беспокойтесь об этом. Впрочем, можете дослушать шоу Уилсона Барнса. Это его последний эфир.

Многие ухмылялись и кивали, уходя в бараки и домики. Но шире всех улыбался Эйс Людвиг, направляясь к Рипу.

– Рей сказал, что ты искал меня.

– Знаешь, зачем? – спросил Рип.

– Думаю, чтобы крыс травить. Маленьких, худеньких, болтливых крыс, у которых даже своя крысиная радиопередача есть.

Рип кивнул:

– Если захочешь сделать ему больно – не сдерживай себя.

Уилсон Барнс удивлялся тому, как он смог добраться до своей машины. Не боль в яичках мучила его, хоть их едва не отрезали; ноги тряслись так, что он сомневался, что вообще сможет идти.

Боже, эта ночь была сущим кошмаром. Этой сумасшедшей женщины ему было достаточно, но вести передачу ещё три часа было ужасно. Слава Богу, звукорежиссёр Фил пришёл в себя. У него был сломан нос, и возможно, он получил сотрясение мозга, но он закончил шоу вместе с Барнсом, зажимая нос ватой, пытаясь унять кровотечение. Барнс обернул мошонку ватой, но кровь из маленького пореза почти не шла.

Дональд, охранник-недоумок, вошёл в студию в пять утра. На его жирном лице красовался синяк, и Барнсе уволил его, пока шли новости. Парень грозился рассказать о женщинах, приходивших в студию, но Уилсон сказал ему, что это не самая удачная идея, так как у него много жестоких друзей, которые не стали бы по-доброму обращаться с тем, кто выдвигает ложные обвинения. Неудивительно, что Дональд изменил своё мнение. Барнс не передумал, и охранник вылетел с работы.

После окончания шоу Барнс объяснил Филу, почему о случившемся лучше молчать, и Фил, не жалуясь на работу и зарплату, согласился с ним. Он скажет врачу, что на него напал кто-то, кого он не разглядел.

Уилсон Барнс нетвёрдой походкой шёл к главному выходу. Проходя мимо пустого поста охраны, он думал, кем была та женщина. Не коп, но возможно, это агент правительства, как он и говорил. Кто ещё мог быть так обучен мастерству допроса? Конечно же, он поговорит с Уизерсом, убедит

его в том, что ущерб не нанесён, и то, что она знает название, ничего дурного...

Он был на середине этой мысли, открывая дверцу машины, когда его настиг первый выстрел. Пуля попала в спину, прямо в правую почку, и вылетела спереди, разбрызгав кровь и мочу на блестящий «Бьюик» Уилсона Барнса. Минуту он простоял, не понимая, что происходит, а затем вторая пуля ударила его в плечо, развернув его. Он упал на дверцу и сполз по ней на чёрный асфальт парковки.

Он увидел человека, высунувшегося из пассажирского окна зелёного микроавтобуса в сотне ярдов от него. Он держал винтовку и целился в Уилсона Барнса, а тот лишь качал головой и бормотал слова, которые этот человек никогда услышал бы.

Он снова выстрелил, и Барнс почувствовал, как взрывается его желудок. Боль, причинённая женщиной, позабылась, и Барнс пытался пошевелить пальцами, пытаясь смотреть на человека, сказать ему взглядом, что он не должен этого делать.

Но мужчина оторвался от снайперского прицела и улыбнулся ему. Он произнёс лишь одно слово, но достаточно громко, чтобы Барнс смог его услышать:

– Трепло...

Между мгновением, когда Барнс услышал слово, и мгновением, когда стрелок снова прицелился, до Барнса дошло: он ничего не смог бы объяснить Рипу Уизерсу, Рип уже принял решение.

Уилсон Барнс не слышал звук выстрела, который убил его, и не увидел пулю, которая вошла прямо между глаз.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Эми Карлайл не вернулась в дом Дэвида Левинсона. Покинув радиостудию, она поехала к месту, где когда-то находился Центр по уходу за детьми «Дружба», и смотрела на развалины, пока рассвет не сделал чёрный пепел серым.

Она не выходила из машины – Эми казалось, что если она это сделает, её заберут обратно, снова превратят в прах, и работа её не будет завершена. Разумеется, эта сила, возродившая её из агонии и любви – чем бы она ни была – не сделала бы этого так рано.

Но она всё равно не открывала ни окно, ни дверь, пока не подул ветер с востока, несущий первые лучи солнца. Он перемешивал пыль, поднимая её в воздух. Эми не могла видеть эту пыль, но знала, что её несёт порыв ветра. Открыв окно, она сделала вдох, думая, что вдыхает частички, оставшиеся от её детей.

Наполните меня. Будьте со мной. Войдите глубоко в меня и никогда не покидайте. Сделайте меня сильной.

Теперь они были внутри неё, стали с ней единым целым – дети, которых она никогда не могла иметь, дети, которые никогда не вырастут. На языке она чувствовала горечь от их боли, их любви и потери – мужа и жёны, отцы и матери, которыми они никогда не станут, и не проживут свою жизнь.

И всё из-за них. Из-за «Сыновей свободной Америки», объявляющих о своей свободе, убивая детей, ворую не просто годы жизни, но целые грядущие поколения.

Она опустила голову и заплакала, но без слёз. Возможно, в ней слишком много пыли. И возможно, сотворившая её сила знала, что ей нужны не слёзы, а кровь.

Она пролила кровь, и прольёт ещё больше, прежде чем обрести покой. Но оставалось кое-что, что Эми должна сделать до начала этой охоты. Она знала, что не должна, но не могла остановиться – это было бы равносильно попытке заставить ярко-жёлтый шар скрыться за горизонт на востоке.

Рик Карлайл любил дом, который он построил вместе с Эми.

Он располагался недалеко от центра города, но деревья изолировали его. Можно было ходить голышом, не задёргивая занавески, и это заметил бы лишь счётчик воды. Кроны деревьев раскинулись над единственным этажом дома, и когда Рик и Эми сидели на крыльце, выходящем на задний двор, им казалось, что они живут посреди леса.

Хоть Рик и построил этот дом вместе с Эми, теперь он жил в нём со своей второй женой, Нэнси, которая была подругой Эми, и её дочерью Карен.

Иногда это казалось странным, словно он изменял Эми, но после той потери они с Нэнси нуждались в ком-то другом. То, что они подходили друг другу, было естественным.

Поначалу Рик собирался продать дом и переехать куда-нибудь. Всё напоминало об Эми, её *присутствие* чувствовалось во всём.

Нэнси отговорила его от этой идеи.

– Проблема не в физических вещах, – сказала она, – а в твоей голове. Ты должен смириться с этим, Рик. Эми всегда будет с тобой. Ты всегда будешь помнить о потере – просто со временем будет не так больно.

Он знал, что она права, и решил остаться в этом доме. Но одной болезненной ночью он очистил его от вещей Эми. Всё, что они приобрели вместе – например, картины, гравюры или книги – осталось на месте. Он избавился от вещей, которые для него были тесно связаны с Эми – книги, которые он дарил ей, не собираясь их читать, фотографии родителей Эми, погибших пять лет назад в авиакатастрофе, и даже оригинальный постер «Незабываемого романа»²⁴, висевший в рамке на стене подвала. Это был один из её любимых фильмов.

Так Энн Тайлер и Луиза Эрдрих покинули его полки, а Дебора Керр исчезла со стен. Но Эми осталась в шкафах, и ещё во многих местах. Рик пытался это исправить, раздавая её вещи благотворительным организациям и отправив её украшения сестре Эми, Френ.

Он хранил все фотографии и видеозаписи, спрятав их в ящик и оставив его в шкаф, стоявший в спальне. Впрочем, одну фотографию он торжественно поставил на книжную полку в гостиной – за перегородкой, где она не была видна из других частей комнаты. Он решил, что она останется там, что бы ни случилось.

После женитьбы на Нэнси он не слышал ничего об этом снимке, кроме того, что ей всегда нравилась эта фотография. Рика радовало то, что Нэнси не возражала. Ему нужно было это напоминание о ней. Рик также установил небольшой надгробный камень в мемориальном парке за городом, но он осознавал, что под ним нет Эми. На нём было написано: «Эми Карлайл, возлюбленная жена». Были указаны даты рождения и смерти. Но он знал, что её там нет.

Эми всегда хотела, чтобы после смерти её прах был развеян по ветру. Они никогда об этом не договаривались, но оба предпочитали кремацию гниению в земле. Мысль о чём-то подобном была для них немного пугающей. Но если поместить прах в колумбарий или могилу, что больше

²⁴ «Незабываемый роман» (англ. «An Affair to Remember») – голливудская романтическая комедия 1957 года с Кэри Грантом и Деборой Керр в главных ролях.

устроивало Рика и Эми, то скорбящие могли бы приходить и стоять возле места, где покоятся останки.

Но теперь это было невозможно. Рик подумывал о том, чтобы набрать в урну прах и пепел с места трагедии, но была вероятность того, что от Эми там не окажется вообще ничего. Именно поэтому он остановился на камне, возле которого был лишь один раз. Его сердце станет памятником Эми.

Наконец-то прозвенел будильник, избавляя его от мыслей о ней. Он поцеловал Нэнси, когда она проснулась, и они вместе готовились к новому дню, собирая Карен в школу. Рик собирался работать дома в тот день, но вместо этого он приготовил завтрак и кофе, и отправил свою новую семью в школу и на работу с тёплыми объятиями и поцелуем.

Оставшись в одиночестве, он откинулся на стуле, держа в руках чашку с кофе и думая о последнем завтраке с Эми. Они оба были так увлечены грядущим визитом сенатора, но с тех пор не прошло ни дня, когда Рик не проклинал бы этого человека. Если бы он не отменил визит, его телохранители могли бы войти в здание и найти взрывчатку. Но отмена разбила сердце Эми и оборвала её жизнь.

Он знал, что винить стоило бы людей, установивших те бомбы. Но как можно ненавидеть тех, чьё имя тебе неизвестно, и чьего лица ты никогда не увидишь? Рик пытался думать о тех четверых в машине, которую видела Эми, и когда он это делал, ярость переполняла его. Словно тонны воды за треснувшей плотиной. Тогда он прогонял эту мысль, впуская в свой разум лицо Эми.

Он думал о её нежности, её доброте, о том, как она его любила. Рик часто ловил себя на том, что думая о ней, он плачет. Без всхлипов – слёзы просто стекали по щекам к уголкам рта, и он чувствовал их вкус.

Он должен был увидеть её, взглянуть на то, что осталось от неё в этом доме. Рик встал и пошёл в гостиную, за перегородку, и взял в руки фотографию в рамке. Эми стоит, освещённая солнцем, её тёмные волосы отблёскивают золотом, она щурит свои фиолетовые глаза от солнца и улыбается лишь для него.

Слёзы затуманили его взгляд, и он перевёл его на окно.

Образ остался перед его глазами. Но лицо Эми больше не освещалось солнцем, а было в тени, и она смотрела на него через окно.

Его сердце лихорадочно забилося, и он безумно моргал, пытаясь что-то разглядеть. Он заметил какое-то движение, но за окном никого не было. Рик бросился к окну и посмотрел наружу, но увидел лишь колебание зелени, скрывавшей его дом.

Рик побежал к парадной двери, распахнул её и выскочил наружу. Там он увидел только огромного чёрного ворона, рассекавшего воздух, летящего к дороге. Рик открыл рот, чтобы выкрикнуть имя Эми, но усомнившись, закрыл его.

Эми была мертва. То, что он видел – всего лишь негатив, отпечаток фотографии на светлом окне. Конечно. Всё именно так. Лицо, освещённое солнцем, было в тени, и белая одежда стала чёрной.

Но он видел её глаза. Даже сквозь слёзы он видел её глаза глубокого фиолетового оттенка, смотревшие на него с любовью и тоской. Нет, это не отпечаток, не иллюзия и не обман зрения. У окна стояла Эми, или же её призрак.

Возможно, это и было объяснением, потому что всё остальное казалось ему бессмыслицей. Чего она хотела? В этом было что-то глубже, чем печаль, что-то ещё.

И тогда он всё понял. Ради чего призраки приходят в наш мир? Из-за несчастья, которое не даёт им обрести покой. Из-за несправедливости, которая не была отомщена. Из-за убийства, которое не раскрыли. Он множество раз смотрел «Гамлета», читал истории о призраках и знал, как это работает. Просто раньше он в это не верил.

Зато поверил сейчас.

Полиция и правительство оказались совершенно бессильны в поисках людей, взорвавших детский сад и убивших жену Рика вместе с детьми. Призрак Эми вернулся к нему, чтобы сказать ему, что необходимо сделать. Если полиция не смогла, то он сможет.

Он сделает это ради Эми.

* * *

Она уезжала слишком быстро, но это не помогало ей. Она не могла удержаться от того, чтобы поехать к дому и снова увидеть Рика.

Сейчас Эми думала, что ей не стоило этого делать. Она хотела бы не знать, что он женился на Нэнси, и теперь у него есть семья, и на этот раз у него есть ребёнок.

Она не хотела, чтобы Рик был несчастлив. Она любила его, и желала ему счастья и лучшей жизни. Но в ней ещё был жив эгоизм, и это было больно – даже больнее, чем тот груз, который она уже несла с собой.

Но правда медленно доходила до неё, пока она смотрела в окно. Сначала она была шокирована, увидев Рика в постели с Нэнси. Кольца на их пальцах её потрясли ещё сильнее – вместо широкого обручального кольца,

которое она надела на палец Рика целую вечность назад, он теперь носил узенькое золотое. Эми хотела убежать, но её будто приковало к месту, и она не могла отвести взгляд.

Она просто глупо смотрела, как они встают с постели, завтракают вместе, как Карен обнимает Рика, уходя в школу. Нэнси нежно целует его перед тем, как выйти из дома. Она смотрела на Рика, пьющего кофе, и хотела бы постучать в дверь и обнять его, когда он откроет.

Затем Эми увидела, как он плачет, и поняла, почему. Она последовала за ним и увидела, как он берёт в руки фотографию. Она поняла то, что и так знала: Рик по-прежнему её любит, и будет любить всегда. Эми почувствовала радость и скорбь одновременно, и даже когда он заметил её через окно, она не могла сойти с места.

На мгновение Эми застыла, после чего побежала, надеясь, что Рик всё-таки не увидел её лицо. Она бежала через кусты, но не чувствовала боли, когда ветки били её. Всё это затмила дыра в её сердце.

Теперь, проезжая по улицам, она знала, что ей следует выбросить Рика из головы. Он был не её мужем, а вдовцом, и вдовец этот женился на женщине, которую Эми любила, как сестру. Со временем его раны заживут. У него есть семья, они любят друг друга, и всё будет хорошо.

Чёрный «Аванти» подъехал к дому Дэвида Левинсона. Эми не видела ни одной машины, выезжавшей из тупичка. Она оставила машину в гараже и отправилась на кухню, где сидел Левинсон. На нём был банный халат, в руках он держал большую чашку кофе.

– Дай мне руки, – потребовал он.

Она протянула руки, и Дэвид понюхал пальцы.

– Хорошо. Пороха нет. Значит, это не ты застрелила Уилсона Барнса.

Она попыталась не выдать удивление.

– Кто такой Уилсон Барнс? – прохладным тоном спросила она.

– Вот это мне нравится, – сказал Левинсон. – Ничего не вижу, ничего не знаю. Я покрываю... беглянку?

Она кивнула:

– Бежала от смерти. Мне нужен твой компьютер.

Левинсон указал на дверь, ведущую в подвал.

Примерно за полчаса она нашла след. Запрос *Сыновья свободной Америки* не дал результатов, но *Свободная Америка* привела её к сообщению с адреса alt.militia.freedomfight, оставленное неким У. Дж. Стендишем. Оно гласило:

Слишком часто нашу свободу – и как следствие, наши

драгоценные жизни – отнимало наше правительство. Мы все должны присягнуть на верность Свободной Америке, стать Сыновьями свободной Америки – даже если за это придётся заплатить собственной кровью.

Электронный адрес Стендиша – wstandish@rangenet.com. После подробных поисков Эми узнала, что Rangenet – это сеть, расположенная в Гранд-Рапидс и обслуживающая северную и центральную Миннесоту. Теперь пора выяснить, где находится Стендиш.

Она отправила сообщение, замаскированное под спам, в котором говорилось о продаже грузовика «Шевроле» в Сент-Клауде. Целью была проверка действительности адреса. Он таковым не был – спустя минуту Эми увидела уведомление о невозможности доставки сообщения. Тогда она взяла в руки телефонный справочник, в котором нашла одного Уильяма Дж. Стендиша из Хоби. Но когда она набрала номер, голос на плёнке сообщил ей, что номер не обслуживается.

В районе Хоби был ещё один Стендиш – Дороти Дж. Стендиш из Килтона. Это маленький городок в пяти милях к северу от Хоби. Эми набрала этот номер, но никто не ответил. В тот вечер она решила отправиться в Килтон.

Всё остальное время она посвятила изучению файлов Левинсона. Его данные на членов ополчения были весьма объёмными, но практически нигде не упоминался Уильям Стендиш – кроме нескольких писем в редакцию «патриотических» журналов.

Их содержание было похоже на то, что он писал в Интернете; разница заключалась в том, что письма эти были не такими резкими, но гораздо более красноречивыми. Адрес отправителя был указан как «Хоби, Миннесота», и последнее письмо было напечатано более года назад.

Около пяти часов вечера уже было темно, и Эми уехала в Килтон, не повидавшись с Левинсоном: судя по всему, он отправился на дежурство. Целый день он не появлялся перед ней, кроме предложения позавтракать. Она отказалась.

Эми вела машину, и Ворон летел перед ней, словно проводник. Она знала, куда её ведут, но считала его присутствие внушающим уверенность. Связь между ними была чем-то таким, что Эми понять не могла, но знала, что он здесь из-за неё, что он воплощает ту силу, которая вернула её к жизни. В его присутствии она чувствовала себя так же спокойно, как христиане чувствуют при виде креста.

Дороти Стендиш жила в трейлере, стоявшем на небольшом участке. За трейлером находился густой лес; к самому жилищу вела подъездная аллея, вымощенная камнем. На неё Эми и заехала. Подойдя к двери, она заметила, что выкрашенный в бледно-зелёный и белый цвета металл ржавеет во многих местах. Листы металла, покрывающие низ трейлера, проржавели насквозь.

Не успев даже постучать в дверь, она увидела старуху, смотревшую на неё через тусклое окошко. Грязная поверхность стекла сделала её лицо искажённым и чудовищным, но Эми вспомнила, что это *она* здесь чудовище.

Дверь открылась со скрипом, и Эми увидела, что помещение затянуто сигаретным дымом. Женщина низким голосом спросила Эми, кто она такая.

– Я Маргарет Эванс, из «Паблицерс Клиренс», – ответила она. – Я ищу Уильяма Стендиша. Это ваш родственник?

– А зачем он вам? – спросила женщина, едва двигая губами. Зажатая во рту сигарета её волновала больше, чем внятность речи.

– Он выиграл приз в одном из наших розыгрышей, но по тому адресу, который он указал, мы его не можем найти.

Лицо старухи немного просветлело:

– И что он выиграл?

– Ну, – с сомнением в голосе произнесла Эми, – чтобы рассказать это, я должна встретиться либо с самим мистером Стендишем, либо с его представителем.

– Я его мать, – сказала Дороти Стендиш, наконец-то вытащив изо рта сигарету. – Что, не подхожу?

– Простите, миссис Стендиш, но я могу говорить с третьим лицом только в том случае, если мистер Стендиш предоставит письменное подтверждение. Вы не знаете, как мне его найти?

– Его здесь нет. Никак вы его не найдёте. Так что он выиграл?

Эми улыбнулась в ответ на упрямство женщины.

Подбородок матери Стендиша был покрыт тонкими белыми волосками, а её зубы, или протезы, оказались коричневыми. Дыхание было зловонным из-за табака, чеснока и кариеса.

– Я же говорила, что не могу об этом распространяться. Он мог бы связаться с нами. Он появится у вас на днях?

Она кивнула:

– Завтра. Он завтра собирался подъехать.

– Что ж, тогда я оставляю вам свой номер. Возможно, он позвонит мне, и мы договоримся о том, как он получит свой приз.

– Слушай, ты скажи мне сначала, что он выиграл. Откуда мне знать, что это не один из тех случаев, когда ты выигрываешь что-то на ярмарке во

Флориде, а потом оказывается, что ты должен за это заплатить? Это не такой случай?

Разговаривая, она описывала рукой круги в воздухе, и сигаретный пепел разлетался во все стороны, похожий на крохотных жуков.

Эми кивнула и улыбнулась, словно её похвалили.

– Вижу, никак вас не обойдёшь, миссис Стендиш. Ладно, ваш сын выиграл пятьсот долларов.

– Пятьсот? – на лице старухи читалась смесь алчности и раздражения. – Я думала, что ваши ребята выдают десять миллионов долларов. В рекламе так говорилось.

– О, это по части Эда Макмехона. У нас компания поменьше. Но наш главный приз составляет пятьдесят тысяч, его выиграла женщина из Сент-Пола.

– Ждите, – бросила миссис Стендиш, закрывая дверь перед Эми.

Женщина вернулась с карандашом, бумагой и новой сигаретой в зубах. Она записала имя и номер, которые назвала Эми, после чего снова захлопнула перед ней дверь – Эми надеялась, что на этот раз окончательно.

Она выдумала и номер, и имя. Если Стендиш позвонит ей, то решит, что мать что-то не так записала. Но к тому времени Эми уже доберётся до него. Она вытащит из него необходимую информацию – имена и местонахождение остальных убийц, этих «Сыновей свободной Америки». И тогда единственной свободой, которую она им позволит, будет выбор – кричать перед смертью или нет.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

На следующий день, в восемь часов утра, Эми Карлайл снова отправилась в Килтон. Она оставила машину в четырёх кварталах от трейлера миссис Стендиш. Она прошла через пустую грядку к лесу, обходя вокруг трейлера, пока не смогла увидеть из своего укрытия подъездную аллею из камня и дверь. Она ждала.

Эми никогда не умела ждать, но сейчас она казалась самым терпением, сделанным из чёрного камня. Она села на упавшее дерево в нескольких ярдах от густой тьмы леса, и Ворон неподвижно сидел рядом с ней на изогнутой ветке, напоминая руку тонущего человека. Его сосредоточенность наполнила её, и она пыталась повторить его спокойствие и неподвижность, сохраняя энергию для того момента, когда она действительно понадобится.

Теперь можно было отдохнуть, хоть Эми и не знала, нужен ли ей отдых. Она понятия не имела, на что способно её тело, но поскольку она ничего не ела и не спала ни секунды с момента воскрешения, она подозревала, что её силы весьма внушительны. И если у неё были неуязвимость, ужасающе продемонстрированная Левинсоном, и лёгкость, с которой она захватила радиостанцию, то было очень мало ситуаций, с которыми она не справится.

Она сидела, а день становился ярче, солнце поднялось в зенит и снова ушло во тьму. Лишь после шести вечера на подъездную аллею заехал автомобиль, и из него кто-то вышел. Эми чётко его видела: высокий, худой человек – настолько худой, что казался ожившим трупом. Он шёл, опустив голову, словно бы на его душе лежал тяжкий грех.

«О да», подумала Эми. Это определённо был тот, кого она искала.

Она пошла через траву с лёгкостью ветра и пригнулась, остановившись под окном. Поначалу бормотание внутри казалось неразборчивым, но когда она напрягла слух, разговор сына и матери стал понятен.

Приподняв голову, она увидела их – они сидели в задымленной и захламлённой комнате. На всех подлокотниках кресел и прочей мебели висели салфетки, по полу были разбросаны кипы журналов и романов в мягкой обложке. На столах и огромном ламповом телевизоре стояли дешёвые фарфоровые статуэтки. Повсюду были пепельницы, и большинство из них были заполнены. Пачки сигарет были разбросаны так, что курево лежало на расстоянии вытянутой руки.

Миссис Стендиш сидела в кресле, повернутом к телевизору. Её взгляд был прикован к нитке фальшивого жемчуга, который продавали через телемагазин, но звук она отключила. Её сын (как показалось Эми, ему было за сорок) ходил туда-сюда, что казалось не такой простой задачей в этой

забитой комнате. Говорил он быстро, словно учитель, торопящийся забить чем-то головы учеников до звонка.

– Я не могу остаться после этого, – говорил своей матери Уильям Стендиш. – То есть, с бомбами и так паршиво получилось – так они ещё и расстреливают Барнса среди бела дня. И это ещё цветочки по сравнению с тем, что они только планируют сделать. Я не могу участвовать в этом, мама, просто *не могу*.

Уильям Стендиш едва не плакал, но старая женщина не отводила глаз от экрана, словно она не слышала слов сына.

– В смысле, я верю в то, что говорил и писал раньше, но это... Я представить не мог, что так получится, и все эти дети мертвы, бессмысленно...

Если бы мёртвая кровь Эми была горячей, то сейчас она точно заледенела бы в её жилах. Это был один из тех людей, из «Сыновей свободной Америки», которые убили её детей. Он сам в этом признавался.

Эми почувствовала триумф, ярость и ненависть одновременно. Она хотела ворваться в дом через окно и сломать ему шею. Но это подождёт: сейчас ей нужна не месть, а информация.

– Я должен выходить из игры. Я знаю, «Сыновья» попытаются меня убить, но может быть, мне удастся вырваться. Если я скажу всё, что знаю, меня защитят.

– *Кто* тебя защитит? – наконец-то спросила миссис Стендиш.

– Пра... правительство, – Уильям Стендиш произнёс эти слова так тихо, что Эми едва расслышала их. – Или пресса – я мог бы рассказать им всё, и они отдали бы меня правительству. Так вся правда выйдет наружу, и они не вернуться... Не вернуться к тому, что было в Руби Ридж и Уэйко... Там, в этом лагере, куча хороших парней, и они не могут повлиять на то, что творят их главари... *Боже мой*, мама, я не знаю, просто не знаю...

Мужчина заплакал, но мать не сказала ни слова утешения. Вместо этого она перевела взгляд с телеэкрана на всхлипывающего сына:

– Ты понимаешь, что значит быть Стендишем? Когда в твоих жилах течёт кровь патриота?

Он вытер слёзы и посмотрел на неё.

– Я знаю, мама. Я знаю...

Он бросился к двери и распахнул её. Эми побежала к нему, но было поздно: выскочив из-за угла, она увидела, как его машина выезжает с каменной дорожки. Единственный способ его догнать – сесть в «Аванти».

Она возвращалась к машине не через лес: темнота была хорошим прикрытием, и Эми бежала прямо по улицам, удивляясь тому, какой быстрой и неутомимой она стала. Добежав до машины, она даже не запыхалась.

Эми завела машину и последовала за Стендишем.

Из города можно было выехать по нескольким дорогам, но ей не пришлось угадывать маршрут Стендиша. Над ней летел Ворон; он держался в поле зрения, и крылья его слегка дрожали на поворотах. Казалось, будто он летит без особых усилий, как бежала Эми, и она мечтательно подумала, что в смерти есть лёгкость.

Она перехватила белый пыльный «Форд Темпо» в нескольких кварталах. За ним шёл пикап, но Эми не пыталась его обойти, надеясь, что он её прикроет.

Эми решила, что не стоит ловить Стендиша. В конце концов, она ничего не потеряет, следя за ним. Насколько она знала, он мог вернуться на базу, и тогда она встретится с убийцами лицом к лицу. Но с другой стороны, он мог выполнить свою угрозу и отправиться к журналистам. Тогда Эми остановила бы его: это должно быть её возмездие, а не полиции. Её закон, а не закон штата.

Они поехали обратно к Хоби. Эми старалась держать пикап между собой и Стендишем. Выехав на магистраль, ведущую к городу, она заметила, что грузовик следовал за Стендишем, повторяя его манёвры. Вскоре она поняла, что водитель пикапа тоже следит за Стендишем.

Она задумалась о том, кто это может быть. Копы? Или «Сыновья свободной Америки» настолько не доверяют ему, что послали за ним «хвост»? Это вероятнее. На бампере была наклейка «Импичмент Клинтону», на заднем стекле висели флаги США и Национальной стрелковой ассоциации. Возможно, кто-то уже сидел на хвосте у Стендиша. Скоро она это выяснит.

Скоро они въехали в центр города. Хоби спал. В шесть многие офисы и магазины закрываются, и улицы пустеют. Даже на парковках после восьми работали системы оплаты по билетам.

Зелёный свет сменился жёлтым, и Эми приготовилась гнаться за Стендишем, если тот попытается проскочить. Но он остановился, а за ним и грузовик. Свет галогенового уличного фонаря падал прямо в кабину пикапа, и Эми могла разглядеть верхнюю половину лица водителя в зеркале заднего вида.

Он смотрел прямо перед собой, но Эми всё равно видела его. Её лицо стало жёстче, зубы стиснулись, губы расплылись в злобной ухмылке. Это

был один из тех людей, смотревших на неё через окно тёмной машины, один из четверых, находившихся там в ту роковую ночь.

Эми подавила в себе желание въехать прямо в зад грузовика и увидеть, как водитель шмякнется головой.

«Не надо торопиться», сказала она себе. У неё уже было двое; сначала один из них заговорит, а потом оба умрут.

Сигнал светофора снова сменился, и они поехали дальше. Впереди виднелось здание «Стража Хоби» – одиннадцатизэтажная постройка, самое высокое здание в районе. Редакция газеты занимала восемь этажей, начиная с четвёртого; типография же находилась на первых трёх этажах. В прошлом году Эми водила туда на экскурсию старшую группу.

К зданию примыкал гараж. Уильям Стендиш заехал в его узкие ворота, и это означало лишь одно: он решил выполнить свою угрозу, рассказав всё газетчикам. И Эми должна была добраться до него первой.

Грузовик замедлился у въезда, словно водитель не хотел, чтобы Стендиш заметил его. Эми с нетерпением ждала, пока он направится в коридор гаража, который казался ей похожим на жёлоб с высокими бетонными стенами.

Но вместо того, чтобы ехать прямо, пикап остановился на въезде в самую парковочную зону. Пассажирская дверца открылась, и водитель, выскочив из машины, скрылся за углом.

Сукин сын запечатал её здесь, и она не могла даже приоткрыть дверь, чтобы выскользнуть из «Аванти». Пылая внутри от ярости, она опустила окно и начала карабкаться из машины.

«Это её остановит», думал Санни Армитедж, шагая к лифту. Он не знал, откуда эта сучка, которая пасла его ещё тогда, когда он въехал в город. Может, просто шлюха какая-то на ночную смену выехала. Но учитывая то, что он собирался сделать этой ночью, свидетели ему не были нужны.

Грузовик должен был пойти в расход: он украл его чуть раньше. Ему крайне не хотелось воровать у члена Национальной стрелковой ассоциации и ненавистника Клинтона, но пришлось брать то, что есть.

Он услышал рычание старого «Темпо», принадлежавшего Стендишу, и побежал к лифту. Уилл поднимется на третий этаж, после чего ему придётся спуститься к главному входу на первом. Но на втором его встретит кое-кто с огромным сюрпризом для Предателя Уилла Стендиша.

Нажимая на кнопку, Санни думал, что Рип был прав, не доверяя этому мудаку – особенно после того, как тот в штаны наложил после взрыва Центра. Надо было ещё тогда убить его и избавиться себя от стольких проблем.

Если человек проявил слабость, его нужно устранить; а если человек знает столько, сколько знал Уилл Стендиш, то устранить его нужно с особым пристрастием.

Санни Армитеджу нравились эти слова. В этом ведь была вся суть, не так ли? Особое пристрастие – для жидов, чёрных, мексикашек, азиатов и прочих отбросов, считавших, что все люди под этим херовым солнцем братья. Нет, с Санни хватит *этого* дерьма, пошли все на хер.

Он воевал во Вьетнаме вместе с этими «чёрными братьями». Чёртовы ублюдки больше интересовались тем, откуда привезён очередной косяк, чем убийством противника. Они были животными, недочеловеками, как и узкоглазые. Если ниггеры были обезьянами, то азиаты были мартышками – мелкими и косоглазыми, скакавшими через джунгли, словно привидения. Санни никогда в этом не признавался, но они пугали его до чёртиков. Если бы они дрались открыто, как мужчины, а не прятались в листве или в крысиных норах, то возможно, он немного уважал бы их.

Когда он наконец-то вернулся домой, эти маленькие мерзавцы *преследовали* его. Казалось, что узкоглазые настолько любили убивать американцев, что думали, будто могут просто прийти и убить и американскую экономику. Поэтому они получали рабочие часы, на которые ты уже и надеяться не можешь, получают зарплату, чтобы купить рис для своих мелких узкоглазых детёнышей, а чтобы добавить туда мяса, убивают крыс и собак. И выгоняют ветеранов с работы, как это было с ловлей креветок в Галвестоне.

И те небольшие деньги, которые ты *мог бы* заработать, правительство забирало и отдавало неграм-торчкам, педикам, больным СПИДом, или школам, в которых учились дети, само пребывание которых в этой стране было незаконным. Остальное шло в карман евреев, управлявших этой чёртовой машиной. И у них ещё хватало наглости обвинять патриотов в заговоре.

Вонь от всего этого распространялась до самого неба, и Санни каждый день благодарил Яхве за то, что он мог найти единомышленников, которые видели, что нужно сделать, и не боялись этого, как этот педик, Уилл Стендиш.

Наконец-то Санни услышал звонок, и дверь лифта открылась. В кабинке стоял Уилл Стендиш во всём своём бесславии, глядя на Санни так, будто он где-то не туда повернул и не знал, куда попал, будто весь мир повернулся к нему задницей. Так оно и было. Да, именно так.

– Эй, Уилл, – сказал Санни, и его зубы его блестели, словно лезвие ножа в его руках, – ты газету купить заскочил?

Уилл попытался проскочить мимо Санни, но тот с лёгкостью оттолкнул его к стене. Дверь закрылась, и Санни остановил лифт. А потом он нежно вонзил лезвие между рёбер Стендиша.

– Ты хренов говнюк, мерзкая баба, либеральный педик-предатель, – мягко прошептал Санни на ухо Уиллу, удерживая его от падения и проталкивая нож, пока тот не вошёл в грудную клетку на всю длину, а потом вытаскивая его обратно. Он чувствовал кровь на своих руках, и ему это нравилось. Это была кровь предателя, который лизал задницы и отсасывал у тиранов, и Санни почувствовал себя сильнее.

– Предатели своей смертью не умирают, – сказал он, снова вонзая нож – на этот раз в живот – и проворачивая его.

Уилл был слишком потрясён, чтобы кричать, хотя он пытался что-то сказать. Санни чувствовал запах мочи и дерьма и смеялся.

– Мамочке придётся стирать твои штанишки, Уилл, – сказал он, после чего нажал на кнопку «Шесть» - верхний этаж гаражной парковки. Он оставит Уилла там: до утра его никто не найдёт.

Лифт полз вверх, и Санни усмехнулся:

– Медленно едем, Уилл, но это ведь ещё не всё веселье, да?

Он снова провернул нож, наслаждаясь гримасой Уилла, и вытащил его, как только дверь открылась на шестом этаже.

– А ты грубо играешь с другими.

Мягкий женский голос заставил обернуться Санни, и у двери он увидел женщину из спортивной машины, которую, как он думал, он оставил в ловушке. Она была одета в чёрное, и её фиолетовые глаза презрительно сузились, но ровные белые зубы обнажились в улыбке. Бледные руки с длинными пальцами были опущены.

Санни не знал, почему она улыбается. Это ведь у него был нож. Он держал его в руке, не зная, что делать дальше. Кровь капала с кончика ножа.

Женщина посмотрела на него и покачала головой.

– Бегаешь с ножницами, – сказала она, и улыбка погасла, словно свеча на ветру. – И убиваешь детишек. Три нарушения. Ты будешь наказан.

– Иди-ка ты на хер, – ухмыльнулся Санни и сделал выпад.

Но она была быстрой – даже быстрее, чем он мог представить. Она отскочила в сторону, и сила выпада заставила его потерять равновесие и упасть на бетон.

У него перехватило дух, когда она ударила его ногой в бок. Было даже больнее, чем в любой драке – а он не раз дрался.

«Ну всё, довольно», подумал он, морщась от боли и поворачиваясь, чтобы выхватить небольшой пистолет, который он носил на поясице. «Она чертовски быстрая, просто стреляй, быстро стреляй, сейчас же».

Он трижды выстрелил, лёжа на полу, поднимая руку, и увидел, как пули врезаются в неё, отталкивая назад – одна в живот, одна в грудь и ещё одна в мягкую точку под её подбородком.

Но она не упала. Она стояла на ногах, словно уснула на мгновение. В одежде были дырки от пуль, и Санни знал, что попал в неё, но место под подбородком, где пуля вошла в неё – он *видел* это, чёрт возьми! – было целым. Рана затянулась, как дыра в пудинге.

Секундного замешательства ей хватило для того, чтобы выхватит пистолет из его руки, словно игрушку у ребёнка. Она швырнула его во тьму, и он долго отскакивал от бетона. Затем она выхватила из ножен свой нож для выживания, продела пальцы в отверстия кастета и нагнулась над Санни.

– Смотри на меня, – сказала она. – Знаешь, кто я?

–Ага, – Санни был напуган, но старался не показывать этого. – Ты просто грёбаная шлюха.

Подняв кулак, она ударила его в область желудка с такой силой, что он почувствовал треск ребра и вскрикнул от боли.

– Нет, – она покачала головой. – Внимательнее посмотри. Помнишь меня? Ты мог видеть меня в газетах.

Вспомнив статьи в газетах, посвящённые взрыву в яслях, и фотографии жертв, Санни Армитедж испугался ещё больше.

«Господи хренов Иисусе, этого не может быть».

Но это было.

–Ты... она. Та, кого мы...

–Та, кого вы убили, – закончила она. – Но не единственная. Вы убили и моих детей. Я о них заботилась, а вы их убили. Ты, и другие.

Она выплёвывала слова:

– «Сыновья свободной Америки». Теперь я хочу знать, кто был с тобой и *где* они сейчас.

– Я не верю, – сказал Санни, его разум едва держался на плаву. – Это неправда, это не происходит. Я сплю, или это фокус, или что-то ещё...

– Ну, раз уж это не происходит, и ты спишь, то неважно, скажешь ты мне или нет, и...

Она снова его ударила – на этот раз в челюсть, и его зубы лязгнули. Когда вспышка боли стихла, он почувствовал, что несколько зубов начали болтаться в дёснах.

– И ты избавишься от этой боли.

– Если это сон, – сказал Санни, сглотив кровь, – то иди на хер. Можешь убить меня. Тогда я проснусь. И знаешь, что я тогда сделаю? Я снова найду чёрных, узкоглазых и еврейских детишек, прострелю их маленькие порсячьи глазки, а потом вые...

Он не закончил предложение. Нож опустился, но не кастетом, а лезвием – прямо в его раскрытый, окровавленный, извергающий проклятья рот.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

– Проснись же, – шептала Эми. – Проснись в аду.

В гневе она вонзила нож с такой силой, что лезвие проткнуло шейные позвонки мужчины и вошло в бетон. Она вырвала его и встала.

Уильям Стендиш ещё дышал. Его глаза были широко открыты, и он пытался зажать свои ужасные раны мокрыми от крови руками. Эми вернулась в кабину лифта, заблокировала её, чтобы она не поехала вниз, и посмотрела ему в глаза.

– Ты умираешь, – сказала она. – Но у тебя есть шанс помочь всё исправить. Я знаю, ты этого хочешь. Скажи мне, где они?

Он хотел рассказать ей, но не мог. Назвать номер шоссе, сказать, где свернуть на окружную дорогу, описать место, где с неё нужно выехать на разбитую тропу – на всё это Уилл Стендиш уже не был способен. Он пытался показать взглядом, как сильно он хотел помочь, и надеялся, что она поняла его правильно.

Она сказала что-то ещё, и он едва мог расслышать эти слова из-за шума крови в ушах. Уиллу казалось, что он слышит, как его покидает жизнь. Затем женщина встала прямо перед ним, и её губы сложились в О. Уилл не слышал её, но знал, что она спрашивает: *Кто?*

Может, с этим он справится. Может, у него получится назвать имена.

Он попытался вспомнить, кто был с ним в машине в тот вечер, затем сформулировал слова в голове. Его лёгкие были пробиты, и воздуха не хватало, но он выдохнул первое имя, всплывшее в его умирающем мозгу:

– Ра... Реп... Уизус...

– Уизерс? Рип Уизерс? – повторила она, и он попытался кивнуть, после чего продолжил.

Он мог назвать всего лишь имена троих, и она повторяла каждое, чтобы убедиться, что правильно расслышала. Уилл не помнил, кто был с ним в машине, поэтому назвал тех, кого вспомнил.

Джуниор Фили. Паудер Бёрнс... Да, он знал, что Паудер был там, но насчёт Джуниора сомневался. Последнее имя, которое он вспомнил – Чип Портер, и он произнёс это имя до того, как клетки мозга, отвечающие за его память, отключились от нехватки крови.

Оставалось лишь одно. Он хотел сказать это женщине, и он ещё мог протянуть ей левую руку, чтобы показать ей, насколько это важно. Спустя несколько минут Уилл Стендиш всё-таки смог сказать:

– Прости меня. Скажи маме, что я пытался.

Эми Карлайл ответила:

– Я прощаю тебя. Я передам.

Она держала окровавленную руку Уильяма Стендиша ещё минуту, пока он не перестал дышать, и его взгляд не застыл. Затем она вытащила его из лифта на грязный бетонный пол и уложила его на спину.

Она подошла к другому мертвецу. Эми вытащила деньги из его бумажника, плюнула ему в лицо и побежала по лестнице на улицу.

«Аванти» стоял на прежнем месте. Она проскользнула внутрь машины через окно, завела её и задним ходом выехала из жёлоба. Ещё одно доказательство того, каким сонным Хоби бывает ночью: никто даже не заметил, что въезд в парковочный гараж был перекрыт.

Эми поехала в Килтон, чтобы выполнить последнюю волю Уильяма Стендиша.

Около полуночи она остановила машину в нескольких кварталах от трейлера миссис Стендиш. Она быстро преодолела оставшийся путь и обрадовалась, увидев мерцающий свет телевизора. Она подошла к двери и осторожно постучала. Телевизор замолчал (миссис Стендиш отключила звук), и Эми постучала ещё раз.

Она услышала шаги за дверью, и над её головой зажёгся свет. За окном возникло лицо миссис Стендиш – стекло ещё сильнее исказило её черты. Затем дверь приоткрылась на несколько дюймов, и Эми почувствовала дурной запах дыма и дыхания женщины.

– Опять вы? Почему в такое позднее время? Я сказала ему о ваших деньгах, но он и слышать не захотел. У него другие проблемы были.

– Я знаю, – сказала Эми.

Миссис Стендиш настороженно посмотрела на неё.

– Ты *знаешь*?

– Думаю, вам лучше меня впустить, миссис Стендиш. Ваш сын погиб.

Лицо женщины смягчилось, и Эми подумала, что она наконец-то выглядит, как мать. Она вошла внутрь и закрыла за собой дверь. Комната освещалась лишь небольшой настольной лампой, телевизором и красным огоньком электрического обогревателя, решётка которого давным-давно отвалилась.

– Садитесь, мэм, – сказала Эми.

Она ждала, пока миссис Стендиш сядет в своё небольшое кресло, нащупает сигарету и закурит, делая глубокие затяжки.

– Уильям умер храбро. Достоинно. Он просил передать вам, что он пытался.

– Так ты не из того журнала.

– Нет.

– Как он умер?

– Он хотел рассказать правду. Газетчикам. Но его остановил человек. Убил. Перед смертью он просил меня найти других убийц, которые... которые взорвали тот детский сад.

Старуха долго молчала. Затем её лицо исказила гримаса отвращения, и она яростно тряхнула головой.

– Маленький педик, – сказала она так горько, что эти слова обожгли разум Эми. – Чёртов мелкий гомик, я должна была убить его ещё в утробе. Я знала, я *знала*, что он испортит всё, куда бы он ни ввязался. Маленький *трус*...

Эми почувствовала во рту привкус крови и металла.

– Он умер, пытаюсь рассказать правду.

– Он умер, предав *патриотов*, – ответила старуха. – Он ведь хотел всех сдать, не так ли? Всех славных парней! Его отец, упокой Господь его душу, прикончил бы его сам, узнав об этом!

– Вы с ними... – сказала Эми. – Вы их *поддерживаете*...

– А откуда, по-твоему, Уилл набрался этого – от телика, что ли? Да, чёрт возьми, это отец притащил его к Сыновьям. Его отец был из Ку-Клукс-Клана, как и его отец, и все гордились этим.

Старуха воткнула сигарету в пепельницу и встала на ноги.

– И ты думаешь, что расскажешь кому-то о том, что он сказал тебе? Да хрен тебе, пока я ещё жива...

Миссис Стендиш потянулась вправо, где под подушкой на кресле хранился небольшой револьвер с огромным стволом. Но как только она спустила курок, Эми обхватила пистолет руками.

Звук был громоподобным, и Эми показалось, что по её рукам прошлись отбойным молотком, но она выхватила пистолет и бросила его на пол. Затем она поднесла руки к глазам женщины, чтобы она смогла их увидеть.

Её левая ладонь была прострелена, и вокруг отверстия виднелся пороховой ожог. Но в мгновение ока рана затянулась на глазах у миссис Стендиш, и ожог растворился в белой плоти. Миссис Стендиш с благоговением посмотрела на руку, затем перевела взгляд на лицо Эми.

– Ты *дьявол*, – прошептала она.

Эми обхватила руками её голову.

– Да, – сказала Эми, – я сам дьявол. И ангел. Я вернулась из мёртвых ради своих детей. А теперь ты *умрёшь*, и будешь просить прощения у своего сына.

И она дёрнула голову женщины назад, повредив мозговой ствол; шейные позвонки треснули, и глаза закатились в глазницах. Её лицо стало таким же пустым, как и её сердце. Эми знала, что сейчас она находится там, куда уже отправился её сын – тёмный край, из которого Эми вернулась, чтобы нести смерть таким, как она.

Эми отпустила голову женщины, позволяя ей упасть на пол с тяжёлым звуком, который отдался эхом во тьме под трейлером.

На секунду она застыла, ожидая реакции на выстрел. Но было тихо, и она начала обыскивать трейлер, открывать ящики, читая бумаги и письма, чтобы найти что-то, что приведёт её к «Сыновьям свободной Америки».

После двадцати минут поисков Эми пришла к выводу, что эта сторонница Сыновей осторожно заметала следы. Нигде не упоминались имена, которые назвал Уилл – ничего не было даже во второй спальне, в которой хранилась коллекция вещей, связанных с Ку-Клукс-Кланом, и небольшая библиотека, содержащая расистские книги и памфлеты. В шкафу было два ящика с книгами для мальчишек; это доказывало, что семья Стендишей жила здесь довольно давно.

Эми подумала, что этот трейлер был своеобразной почвой, поглотившей мальчика, любившего книги о приключениях, и превратившей его в человека, обученного ненавидеть. Он остановился лишь тогда, когда увидел, что сделала эта ненависть.

Уилл Стендиш, наверное, был умным человеком. Его умение писать такие сочинения и статьи подтверждало это. Но он не был достаточно умным, чтобы разглядеть ложь. Возможно, он пошёл в ополченцы лишь потому, что хотел доказать своё мужество, чтобы доказать себе и другим, что он не гомосексуалист (если он таковым был), в чём его обвиняла мать.

Для этой больной и сумасшедшей части человечества, прикрывавшейся лживым ярлыком патриотизма, все, кто верил во что-то другое, были педиками, либералами, любителями негров, узкоглазых и жидов.

Эми была всем этим одновременно, и даже чем-то большим. Они ненавидели всё это, потому что боялись. И Эми даст им ещё одну вещь, которой стоит бояться.

Смерть.

Двое из них были мертвы, включая старуху. Это должно их напугать. И скоро она уничтожит их всех, сожжёт это змеиное гнездо.

Мысль об огне напомнила Эми о том обогревателе, который она видела. Хороший способ начать очищение. По крайней мере, из этого логова больше никогда не выйдут чудовища.

Она передвинула обогреватель к дивану, на подлокотниках которого висели разнообразные платки и салфетки. Эми швырнула их на прибор и смотрела, как начинают тлеть куски ткани. Через несколько секунд подлокотник уже задымился. Ещё через пару минут он вспыхнул.

Эми вышла из трейлера, плотно закрывая за собой дверь.

«Пусть всё превратится в пепел», думала она. «Пусть огонь выбьет окна и вынесет дверь. Пусть начнётся правление огня и смерти».

«Пусть пламя всё поглотит... и придёт страх».

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Эми вернулась домой к Дэвиду Левинсону в три часа ночи. Несколько минут спустя он вышел из гостевой спальни в банном халате.

– По крайней мере, на этот раз я хоть поспал пару часов, - сказал он, затем посмотрел на её руки. – Это кровь. Расскажешь мне, откуда она взялась?

– Да нет. Зачем?

– Если я узнаю, что этой ночью произошло хоть одно нераскрытое убийство, у меня возникнут серьёзные подозрения.

– А если так, то что ты сделаешь? Арестуешь мёртвую женщину? Скажешь начальству, что эти преступления совершила Эми Карлайл, которую разорвало на мелкие кусочки?

– Эми Карлайл существует. Значит, её не разорвало. Она пережила взрыв и теперь вершит свою месть. *Это* я им и скажу.

– Ты сам в это не веришь. Ты мог поверить в это в самом начале, когда впервые увидел меня, но не поверил.

– Нет. Из-за Ворона, и из-за того, что я... ну, я знал. И оказался прав. Но вдруг тебя здесь увидят?

– Не увидят. Кроме тебя, ни одна живая душа не знает о моём существовании.

– *Живая* душа? С нетерпением жду завтрашний полицейский отчёт.

– Левинсон, – сказала Эми, – либо ты со мной, либо против меня. Если против – скажи прямо сейчас. Я уйду, и ты больше никогда меня не увидишь. Я найду себе укрытие. Но если ты со мной – позволь мне остаться. Позволь мне сделать то, ради чего я вернулась – ты знаешь, я *должна* это сделать. Ты знаешь, что я вернулась сюда ради крови и мести. Это моя работа. Ты позволишь мне её выполнить?

На мгновение Левинсон затих, потом кивнул:

– Просто постарайся сделать так, чтобы больно было лишь плохим ребятам.

– Будет. И уже *было*.

– Этого я и боялся. Кстати, может, о твоём существовании никто не знает, но голос твой слышало очень много людей.

– Ты о чём?

– Шоу Уилсона Барнса. Запись крутится в новостях каждые полчаса. Я даже запомнил: «Кто это был, Барнс? Твой язык. Я обещаю». Потом было: «Расскажи мне, кто эти ублюдки». И в самом конце: «Это признание от Уилсона Барнса». Барнс попытался блефовать, но очевидно, «Сыновья

свободной Америки» отнеслись к этому серьёзно. Я – и ещё целый мир – подозреваю, что это они его продырявили.

– Кто такие «Сыновья свободной Америки»? – спросила Эми, не показывая никаких эмоций. Она знала, что должно случиться подобное.

– Никто не знает. Ни следов, ни малейшего шёпота о них. Считается, что они из ополчения, но точно неизвестно ничего. На частных землях в этом штате большой лес – можно целую армию тренировать, и никто не заметит. И даже если полиция или ФБР выяснят их местоположение – что они могут сделать? Они ни с чем не связаны – разве что со смертью Уилсона Барнса. Нет, только лицо неофициальное может по-настоящему что-нибудь *сделать* с этими людьми.

Левинсон поднял голову:

– Никого такого не знаешь случайно?

Эми не ответила.

– Буду в подвале, – сказала она.

* * *

Дэвид Левинсон думал, что сейчас она была чертовски пугающей. Когда она говорила с ним, её глаза были так холодны, что можно было легко поверить в отсутствие жизни в них.

Но опасаясь её, Левинсон в то же время наслаждался осознанием того, что существует мститель – решительный и неуязвимый. Глядя, как Эми входит в подвал, в своё логово, он радовался, что она была здесь и могла обращаться с этим антисемитским мусором так, как они обращались с его народом при первой же возможности.

Ему хотелось бы найти их и дать Эми то, что она заслуживает. Но у неё было страстное желание, мотив и власть судить их вне залов суда, и казнить без апелляций. Апелляции – лишь трата времени для Эми Карлайл.

Но что, если всё пошло по наихудшему сценарию, и Эми приведёт кого-нибудь к нему? Он не думал, что она позволит этому случиться, но всё же?.. Впрочем, пошло оно всё. Он не знал и знать ничего не хотел. В Детройте он был сыт по горло тем, как ублюдки свободно убивают людей, и он пытался избежать этого. Но иногда приходится остановиться и принять бой.

То, что он укрывал Эми Карлайл, не было чем-то активным; по сути, это была пассивная деятельность. Но это было лучшим из того, что он мог сделать для неё, и он продолжит делать это, пока эти мерзавцы не умрут, или пока его не остановят.

Первая попытка Эми найти кого-нибудь из тех, чьи имена назвал Уилл Стендиш, увенчалась большим успехом. У Чипа Портера был собственный сайт, и когда Эми закончила ознакомление с его содержимым, она уже знала, что нашла нужного человека.

Чип занимался Rangenet, и на его сайте была размещена фотография молодого человека с короткой стрижкой и длинным худым лицом. На его лице было несколько странных бледных пятен. Эми подумала, что Портер, скорее всего, путём цифровой обработки удалил прыщи. Если за каждым из этих пятен скрывался изъян, то у этого парня гной был на всём лице.

Впрочем, было разумно посчитать, что у него в голове гной вместо мозгов. Содержимое сайта было выражением ненависти: короткие эссе о прелестях превосходства белой расы, написанные Портером, стандартная хрень о евреях, контролирующих правительство, и дюжина ссылок на другие антисемитские и «белые» сайты.

Но как выяснилось, Портер был не просто расистом, а киберрасистом. Он разбирался в компьютерах и посвятил один из разделов своего сайта розыгрышам онлайн-противников, будь это правительственный сайт или просто люди, чьи фамилии оканчивались на «штейн». Спам, бесконечные факсы, фальшивые электронные письма, блокирование сетей либеральных, еврейских или афроамериканских организаций – список был очень длинным, и везде было предупреждение: вы *можете* делать всё это, но владелец сайта не будет вам *помогать* в этом.

Страсть Портера к таким шуточкам могла сравниться лишь с его любовью к музыке скинхедов. На сайте был огромный раздел со страницами таких «исполнителей» и обзорами альбомов, которые наверняка можно было заказать лишь по почте или на особых шоу. Эми думала, что «Сэм Гуди»²⁵ вряд ли продавал бы «Подожги Их» от Yidkickers или «Чёрный Не Прекрасен» от Krazy Klanboyz.

И кое-что по-настоящему удивило Эми. Хотя она и ознакомилась с краткой информацией о Чипе Портере, она выяснила, что он играет в «белой» группе под названием Shoktrupz; она решила, что это читается как *shock troops*²⁶. Её позабавило то, сколько таких «анти-ниггерских» групп использовали в названиях множественное «z», которое стало популярным благодаря тем самым «ниггерам» и «парням с района», которых они ненавидели.

Банда Портера не выпустила ни одного альбома, но он выложил слова их самой известной песни, «Белые – Это Сила». Они оказались такими же

²⁵ Сеть магазинов, торгующих аудио- и видеопродукцией.

²⁶ В переводе с английского «Штурмовики».

глупыми и невежественными, как Эми и ожидала. Также там был снимок группы: все «арийцы», бритоголовые, в кожаной одежде. И там было расписание выступлений: один концерт в ноябре, в декабре выступлений нет, и ещё один концерт в январе.

Указанный ноябрьский день приходился на следующее воскресенье. «Белое Христианское Братство» проводило фестиваль на полях к северу от О-Клэр, в штате Висконсин – от Городов-Близнецов нужно лишь немного проехать на юго-восток. Ожидались известные на всю страну ораторы, выступления групп на двух сценах, и еда в двух разных зданиях. Приглашались «все, кто ненавидит евреев, нечистокровных и всех, кто против христианства».

Эми подумала, что от такого приглашения отказываться не стоит. Но до этого мероприятия оставалось целых два дня. Эми не могла сидеть без дела, поэтому начала искать следующее имя из списка – Джуниор Фили. Имя, которое подошло бы какому-нибудь гиганту мысли.

Она искала «Фили, Дж.» и нашла его настоящее имя – Кларенс Филимладший – в списке легальных торговцев оружием. После небольших поисков Эми выяснила, что он будет на оружейной выставке в Хоби, которая состоится в субботу.

Выставка проводилась раз в три месяца; на странице были указаны контактные данные. Эми решила подождать до утра (благо, оставалось несколько часов), чтобы позвонить по указанному номеру.

Тем временем она решила найти Рипа Уизерса и Паудера Бёрнса. Как она подозревала, в обоих случаях это были не имена, а клички. Её поиски окончились ничем. Бёрнс – фамилия распространённая, да и Уизерсов в округе было превеликое множество.

Закончив, Эми набрала номер оружейной выставки.

– Мой муж попросил меня позвонить, – сказала она ответившему на звонок мужчине.

Она говорила быстро, пытаясь изобразить торопящуюся мамашу с плаксивым голосом.

– Он спрашивал, будет ли выставляться на завтрашнем шоу Джуниор.

– Джуниор? – задумчиво ответил мужчина.

– Да, Джуниор, как его там... Он назвал мне фамилию, но я помню только имя. Есть у вас торговец оружием по имени Джуниор?

– Может, Джуниор Фили?

– *Точно!* Да, спасибо, это он. Так будет он там или нет? Муж интересуется.

– Думаю, да, у Джуниора зарезервирован стенд. Обычно он заказывает место.

– О, спасибо, спасибо вам большое. Я просто *не могла* вспомнить его имя, и мой муж сильно разозлился бы, потому что он собирался отпроситься с работы завтра, если бы Джуниор был там, и если бы вы не знали, он бы винил меня. Знаете, он говорит, что у меня память короткая, и кажется, он так прав.

– Ладно, что-нибудь ещё? – нетерпеливо спросил мужчина?

– О, нет, спасибо, это всё.

Мужчина повесил трубку, даже не попрощавшись. Возможно, он думал, что только что спас очередную тупую суку от порки. Придурок. Пусть расслабляется, пока может, потому что его небольшая оружейная выставка завтра взорвётся.

Это было её свидание с Джуниором Фили. Она знала время и место. Осталось лишь выбрать наряд.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Чтобы его приняли, он должен быть похож на них во всём. Хотя «быть принятым» - наверняка не самое подходящее выражение. Наибольшее, на что он мог надеяться для начала – терпимость.

Рик был уверен, что эти люди будут самыми недоверчивыми из тех, кого он встречал, и у них есть на то причины. В книгах, которые он читал, проходя своеобразный краткий курс истории ополченцев, было сказано, что правительственные агенты тихо внедрялись во многие группировки, чтобы собрать информацию и улики, которые могли быть использованы против них. Поэтому его прикрытие должно быть крепким и непробиваемым. И возможно, ему придётся подтвердить свою лояльность – и способ этот ему будет не по душе. Но он сделает то, что должен, ценой малой крови.

Партнёрам по фирме Рик сказал, что хочет взять отпуск на пару недель, и они согласились. Он продолжал работать после смерти Эми, чтобы как-то отвлечься, и лишь однажды взял недельный отпуск после свадьбы с Нэнси.

Нэнси согласилась не так легко. Теперь она была его женой, и он чувствовал, что должен быть с ней честным. Поэтому Рик рассказал ей то, что не мог рассказать партнёрам – он хотел расследовать взрыв. Вот только о том, что он видел в окне Эми, он не сказал: это было слишком уж личным.

– Ты ведь не всерьёз это говоришь, – недоверчиво сказала Нэнси. – Рик, эти чудовища отняли у меня лучшую подругу и детей, которых мы обе любили. Я не хочу, чтобы они забрали и тебя. Пожалуйста, не делай этого.

– Ничего... такого, – ответил он. – Я просто собираюсь посетить их собрания, места, где они могут появляться, просто послушаю, и если что-нибудь услышу – сразу же пойду в полицию.

– Но почему бы не доверить это им? Единственное хорошее, что из всего этого получилось – *мы*. Мы склеили все осколки. Не надо от этого отказываться.

– Я ни от чего не отказываюсь. Не беспокойся, Нэнси, я не отказываюсь от *нас*. И я не буду рисковать.

– Зачем тебе это?

– Ради Эми.

– Но Эми нет, ты ничем ей не поможешь.

– Думаю, что смогу. И себе помочь я тоже должен. Так что я делаю это и ради себя тоже.

Нэнси разозлилась и вышла из комнаты. Рик хотел пойти за ней, но не сделал этого. Он знал, что если позволит себе подобное, если даст слабину – она отговорит его от этой затеи, а он не хотел этого.

Рик понял, что принял верное решение, через час, возвращаясь из местного магазинчика, где он покупал подходящую одежду. По радио он услышал голос Эми. Это была запись из студии шоу Уилсона Барнса, сделанная в ночь перед его убийством. Услышав её, Рик стал одним из немногих, кто понимал, о чём на самом деле шла речь.

К взрывам причастны «Сыновья свободной Америки»; но лишь он, Эми и Дэвид Левинсон знали, кем на самом деле была та загадочная женщина.

Звук её голоса настолько шокировал его, что он съехал на обочину и сидел в машине, с содроганием дослушивая репортаж. Что, чёрт возьми, это всё значит?

В том, что голос принадлежал Эми, никаких сомнений не было. Появлялась ли она ещё где-нибудь (в той же студии, например) во плоти? Но почему? Чтобы он узнал – чтобы *весь мир* узнал – на ком лежит ответственность за взрывы?

Но ведь мир не знал, не так ли? Они не знали, в чём признавался Уилсон Барнс. Знал только Рик, потому что только он узнал голос Эми. Он один видел её и знал, почему вернулся её дух.

Осознание этого придало ему уверенности. Он поехал дальше, готовясь замаскироваться, изменить свои взгляды, поведение, желания. Он готовился возненавидеть правительство и всех, кто на него работает. Он станет одним из них, и найдёт тех, кто убил её.

– Они убили Санни, – сказал Джуниор Фили дрожащим голосом.

Рип Уизерс оторвался от своего ланча:

– Чего?

– Санни мёртв, – громче повторил Джуниор. Его расстроенный голос заставил остальных присутствующих в зале поднять головы и слушать.

Рип почувствовал жар в животе и кровь, прилившую к лицу.

– Копы?

– Нет... они сами не знают. Я слышал по радио, они...

Дверь зала широко распахнулась. Чип Портер вошёл, держа в руках лист бумаги.

– Это с местной службы новостей, – сказал он, вручив лист Рипу.

Рип быстро ознакомился с его содержанием, затем перечитал медленнее, и снова заговорил, обращаясь к двум десяткам человек, сидевшим за столами.

– Странно... Прошлой ночью дерьмо было устранено, ребята. Для начала позвольте рассказать вам о том, что среди нас завёлся предатель. Наш

брат, Уилл Стендиш, вовсе не был нам братом. Он нас предал. Он пошёл к газетчикам.

Люди внезапно загудели, и Рип поднял руку, жестом требуя тишины.

– Не нужно беспокоиться, – продолжил он. – Он так и не сделал этого. Мы видели, что происходит, и за ним был послан Санни Армитедж. Если бы Стендиш проявил готовность капитулировать – Санни должен был немедленно его устранить. И он сделал это, когда Стендиш поехал к зданию «Стража».

– Но что-то пошло не так. Санни был убит, зарезан. Они не говорят, кто это сделал. Но и Стендиш, и Санни мертвы. Полагаю, мы можем уверенно сказать, что Санни пожертвовал собой ради Сыновей свободной Америки.

Рип посмотрел на лица мужчин.

– Не забывайте его, и не забывайте о том, что любой из нас должен быть готов принести себя в жертву во имя нашей свободы. Времена сейчас опасные, и когда наши попытки свергнуть это злое, безбожное правительство задевают этих мерзавцев так близко к дому, нам как никогда нужна помощь Яхве, чтобы поддерживать нашу храбрость и огонь в наших сердцах, горящих ради Него. Помолимся же.

Рип Уизерс молился вслух об упокоении души Санни Армитеджа, и когда он закончил, все сказали «Аминь», положила руку на сердце. Затем Рип позвал Рея, Джуниора, Паудера Бёрнса и Чипа Портера, и они отправились в домик Рипа.

– Итак, – сказал Рип, – есть кое-что, о чём я не сказал, так как не уверен, что для них это что-нибудь значит – да и для меня тоже, если говорить откровенно. Миссис Стендиш тоже убита.

На лицах присутствовавших отобразилось удивление, и Рип кивнул:

– Знаю. Чертовски хорошая женщина была. Посылала нам по двадцать долларов в месяц. Я пару раз встречался с ней и не понимаю. Как такая хорошая женщина могла дать жизнь такому ушлёпку, как Уилл Стендиш.

– Он был хорошим писателем, – сказал Рей.

Рип подумал, что на это отвечать не стоит.

– Миссис Стендиш нашли в своём трейлере. Внутри всё было здорово разрушено, всё сгорело, но от неё осталось кое-что, что позволило написать в отчёте о её сломанной шее. От огня такое не случается. Газетчики понятия не имеют, как это всё случилось – вероятно, они хотят подать свои статьи в максимально невыгодном для патриотических движений свете. Но я вижу парочку возможных версий, и суть первой из них такова: Санни пырнул Уилла, а затем Уилл зарезал Санни.

– Хрень, – сказал Джуниор Фили. – Санни не позволил бы такое Уиллу – особенно после того, как сам его проткнул. Блин, да ты сам знаешь Уилла. Если бы он поранился, то начал бы скулить, как щенок, и ждать смерти.

– Ты прав, Джуниор, – сказал Рип. – Именно поэтому я тоже считаю такой сценарий событий маловероятным. Мне кажется, что там был кто-то третий. Санни убил Стендиша, и другой парень убил Санни.

– Но кто тогда убил маму Уилла? – медленно произнёс Рей. – Неужели Санни?

– Да нет же, – сказал Паудер. – Он следовал за Уиллом, так? Тогда зачем ему возвращаться и тратить время на убийство старушки, а потом возвращаться к Уиллу? Тем более, у него был приказ следить только за его задницей. И вообще, зачем убивать мамашу Уилла? Сынок у неё – кусок дерьма, но сама она женщина отличная.

– А что, если третий человек, о котором говорит Рип, вернулся и убил маму Уилла? – предположил Чип Портер.

– Зачем? – сказал Джуниор, пытаясь отследить логическую цепочку. – Если он убил Санни, то лишь потому, что Санни убил Уилла. Значит. Уилл нравился этому парню. А если он ему нравился, то зачем ему убивать его маму? Чёрт, как-то всё запутанно.

– Если только... – задумчиво произнёс Рип. – Если только этому парню не нравился Уилл из-за его предательства. И он знал, что его мамаша *за нас*.

Затем Рип вспомнил голос женщины на последнем шоу Уилсона Барнса.

– А может, это вовсе не парень – это могла быть *девчонка*.

– Что? – удивились некоторые мужчины.

– А как же та женщина, которая заставила Барнса выкрикнуть наше название?

– Хочешь сказать, что *женщина* прирезала Санни Армitedжа? – недоверчиво переспросил Паудер.

– Я лишь говорю, что такое возможно, – ответил Рип. – Ничего нельзя отвергать, если хочешь выжить в такой ситуации.

Джуниор фыркнул:

– День, кода ты поймаешь меня на том, что я оглядываюсь, опасаясь женщины...

– Будет днём, когда ты окажешься значительно умнее, чем ты есть, Джуниор, – закончил Рип. – В том, чтобы бояться сумасшедшей бабы, больше смысла, чем пугаться из-за пробежавшего по лесу оленёнка. Я всего лишь говорю: будьте начеку. Мы не знаем наверняка, кто это. Может, одна

из тех мамочек начиталась книжек по баллистике и начала охоту на тех, кто связан с теми взрывами.

– Минуточку, Рип, – сказал Паудер. – *Мамаша* слетает с катушек, врывается в студию Уилсона Барнса, проходит мимо охраны, заставляет его произнести название организации в прямом эфире, затем режет Санни, ломает шею матери Уилла и поджигает её жилище. Мы что, о Чудо-Женщине из комиксов говорим?

– *Именно так*, мать вашу! – закричал Рип.

Слишком уж это дерьмо начало умничать. Пора снова взять всё в свои руки.

– Я вам говорю: не воспринимайте *это* как истину, ладно? Это могли быть мужчина, женщина, кучка детей, даже ваша грёбанная *бабушка*! Это мог быть последний человек, с которым вы пили, последняя женщина, которую вы трахали, последняя дамочка из Армии Спасения, которой вы пожертвовали четвертак – вот что я говорю, и ничего больше! Так что не надо мне нести всякую херню, пока не узнаете наверняка, кто это! Я *понятно* изъясняюсь, господа?

Комнату заполнило бормотание: «Да», «Да, сэр» (это сказал Джуниор Фили), и через несколько секунд в ней снова воцарилась тишина.

– Это ничего не меняет, – сказал Рип. – Работаем по графику. И ещё... Джуниор, ты всё равно едешь на завтрашнюю выставку.

– Но мне нужен помощник, – заскулил Джуниор. – Я не могу нести всё оружие в одиночку.

– Будет тебе помощник. С тобой Карл поедет.

– Карл? Боже, Рип, я знаю, что это твой сын, но он же не...

– Он хорошо справится со всем, что можешь и ты. Ящики с оружием точно донесёт. И ты большое одолжение лично мне, если возьмёшь его с собой.

Джуниор Фили кивнул и попытался улыбнуться, но это, похоже, ему не удалось. Чёрт, как же ему будет не хватать Санни Армitedжа. Он был его другом. И Санни мог легко разговорить покупателя – и не только на тему оружия.

Санни мог узнать, как они относятся к правительственному контролю оружия, а потом направить беседу в другое русло и узнать что-то о них самих – ненавидят ли они Клинтона, евреев, негров, хотят ли они что-то сделать с этим; короче говоря, он искал потенциальных «Сыновей».

Не было большой разницы, продадут они стволы или нет (хотя Джуниор получал от этого прибыль). Основная причина, по которой они

заказывали стенд – поиск добровольцев. Делали они это медленно и осторожно, они могли три четыре раза поговорить с клиентом, прежде чем пригласить его на личную встречу с Рипом. Иногда это работало, а иногда – нет. Но они никогда не говорили что-то такое, из-за чего человек, в ком они могли ошибаться, побежал бы к федералам или копам. Если им отказывали, то чаще всего звучало что-то вроде: *«Ну, это вроде бы классная организация, но боюсь, это просто не моё. Это займёт слишком много времени, а у меня работа, жена и дети – мне будет их не хватать. Но знаете, то, что вы делаете, реально круто, и я хотел бы сделать пожертвование. Обещаю, что буду молиться за вас, парни»*.

Нет, если до такого доходило, они всё равно знали, что это хорошие люди. Никто даже не пытался наступать на них. Но хотя бы один из четырёх становился новым «сыном», у него было *желание* не просто дать денег, но посвятить себя работе, Господу Богу и Белой Расе. И Санни был экспертом в поисках таких людей.

Ещё одна причина, по которой Джуниор будет скучать по Санни, заключалась в том, что Санни понимал его шуточки – вроде тех, которые он любил отпускать с тёлками, приходившими на выставки, когда они с Санни зависали с ними после закрытия.

Он оставлял Санни все эти зазывания, вроде: «Ну же, пошли, будет весело, чуть-чуть выпьем, поболтаем». Санни был красавчиком, а Джуниор хоть и был мускулистым, но выглядел как толстяк, и отрицать это не было смысла.

А ещё он много пукал – особенно когда увлекался. И цыпочкам это не нравилось *вообще*. Но когда начиналось что-то подобное – Джуниору было насрать, кому что нравилось. Как-то раз одна сучка начала обзываться, и он сделал кое-что похуже, чем просто пустить ей газы в лицо. Назовите его грёбанной свиньёй – и не ошибётесь.

Но теперь Рип повесил на него своего сына – тощего восемнадцатилетнего пацана, который готов был в штаны наложить, как только сзади кто-то крикнет «Федералы у лагеря». Что ж, возможно, Джуниор придумает что-нибудь. Может, он запихнёт пацана в игровую комнату после выставки, а сам пойдёт к девчонкам. На этот раз ему придётся платить самому, и мысль об этом его выводила из себя – раньше он платил вместе с Санни. Чёрт, ему *не хватало* Санни.

Конечно, парень тоже может быть готов к действиям. Всё же он должен быть мужиком. И как говорилось в Библии, женщина создана как помощница мужчины, она должна ему подчиняться, и насколько понимал Джуниор, если

мужику захочется трахнуть женщину – она должна ему это позволить. А если что-то пойдёт не так – она заслуживает очень грубого обращения.

Чем больше Джуниор думал об этом, тем больше ему нравилась идея подогнать кого-нибудь сыну Рипа. Если точнее, то чем подробнее он это планировал, тем больше он возбуждался. Ну конечно, пусть парень узнает, что это такое, пусть первым попробует горячую и влажную сучку. А уже потом будет развлекаться Джуниор. Это будет чертовски хорошая выставка оружия.

Разумеется, он будет скучать по Санни. Он ведь был его другом.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

– Арни, у меня к тебе просьба.

Арни Бейли изобразил на лице что-то вроде «Господи, что на этот раз?» и посмотрел на Синди, повернув к ней голову.

– Что?

– Я чувствую себя плохо, – сказала она. – Думаю, вчера проглотила испорченную рыбу во время ужина...

«Ты после ужина что-то плохое проглотила», хотел сказать Арни, но вместо этого затащил её в свой номер.

– Итак, ты хочешь сказать, что мы приехали сюда из самого Сент-Пола, и теперь ты не хочешь делать то, ради чего мы приехали? Я тебе половину зарплаты уже выплатил, Синди, оплатил проживание в гостинице. И теперь только одна девушка будет заниматься оружием?

– Чёрт, да нет же. Я бы не поступила так с Трейси. Я замену нашла.

– Что, из агентства? С утра?

– Нет, она местная, из Хоби. Её зовут Арлен. Я её вчера встретила, и она сказала, что готова поработать моделью. Она хорошенькая, и возможно, ей чуть за тридцать, но у неё действительно хорошее тело, Арни. Плоский живот – у неё детей не было, представляешь? И вот я позвонила ей утром, и она сказала, что *с удовольствием* поработает. Я могу ей заплатить из своего кармана – то есть, из своей зарплаты.

– Да, но это сами решайте. Чего от неё хочу я – красивая женщина с хорошими сиськами и задницей.

– О, грудь у неё хорошая. Не *огромная*, но впечатляет. И зад неплохой.

– Это уж мне виднее будет. Так где эта Арлен?

– Внизу, в моём номере.

– Тащи её сюда. Боже, шоу начинается через полчаса.

Эми Карлайл смотрела на своё отражение в зеркале, которое висело в номере Синди Роуз, когда её позвали.

Эми не нравилось то, что она видела. На ней были короткие красные шорты и серебристый топ, едва прикрывавший грудь, и большая часть тела была выставлена напоказ – обычно такого раньше не случалось. Но сама плоть раздражала её больше, чем её демонстрация.

Если присмотреться, то на коже можно было увидеть переплетение тонких линий. Они не были так заметны, как возрастные морщины, но Эми казалось, что они выдают её, и любой человек с хорошим зрением может понять: её собрали по частям, сшили во время эксперимента Франкенштейна, который оказался слишком удачным.

Впрочем, она могла быть слишком строга к себе. Если не разглядывать её тело с помощью увеличительного стекла, то оно казалось привлекательным в этом откровенном наряде (хоть он и казался ей неудобным).

Её могли возжелать, но её плоть была мертва, разорвана на мельчайшие кусочки. Эми думала, что это словно акт обратной некрофилии – покойница ищет сексуального удовольствия. И люди, которых она заинтересует, не узнают, кто она такая – вернувшаяся с того света, труп, цель которого – месть, исправление несправедливости.

Она попыталась выбросить эту мысль из головы. Она должна быть тем, чем кажется – вооружённая искусительница. Рыжий парик и макияж ей в этом помогут. Эми сомневалась, что её кто-нибудь узнает, включая Ворона.

Но как только в её голове возникла эта мысль, Эми выбросила и её. Ворон узнал её даже среди праха, и этот камуфляж его ни на секунду не одурачит.

Раздался телефонный звонок, и Эми подняла трубку. Как она и предполагала, это была Синди, и звонила она из номера Арни. Эми сказала, что сейчас подойдёт к нему.

Синди казалась хорошей девушкой. Жаль, что ей приходилось выставлять напоказ своё тело (а то и больше, как подозревала Эми) перед кучкой свихнувшихся на оружии придурков. Несмотря на то, что выглядела Синди закалённой жизнью девушкой, она оказалась весьма наивной, легко поверив в историю, которую Эми сочинила, узнав, что она работает у торговца с сетью магазинчиков в Городах-Близнецах «моделью» на оружейной выставке.

Слушай, дорогуша, помоги мне... Видишь ли, мой парень прилетает завтра, и мы должны встретиться на оружейной выставке, потому что прилетает он, конечно же, ко мне, да, но он просто повёрнут на стволах, и в такие дни он меня напрочь игнорирует. И я подумала, что если он меня увидит в чудном маленьком наряде – ну, ты понимаешь, много голой кожи, и всё такое – и с огромной старой пушкой, то мне кажется, он не то что о них забудет, но... Нет, я не хочу, чтобы твой босс меня нанимал, или что-то типа того, я просто хотела бы тебя подменить ненадолго, на одно утро. Я даже готова тебе заплатить в знак благодарности – не ты мне, а наоборот. И ты получишь двойную оплату, нифига вообще не делая. Что думаешь?

Синди привела её в своё номер и заставила раздеться, и Эми не пришлось притворяться смущённой.

Конечно, я буду увереннее завтра утром, я вообще стесняться не буду. Видела бы ты, что я на пляже ношу... но знаешь, просто немного забавно показывать свои достоинства другой женщине – то есть, я по мальчикам, если ты понимаешь, о чём я.

Синди заверила её в том, что она тоже «по мальчикам», и всего лишь хотела её оценить, потому что Арни наверняка захочет увидеть Эми (или Арлен, как она представилась) до того, как она покажется на выставке. Синди взяла сто долларов, предложенные ей за то, что она сыграет больную. Эми хотела предложить меньше, но подумала: какого чёрта? Это ведь были деньги из кошелька убитого Санни Армитеджа, и у неё ещё осталось триста долларов.

И вот теперь она, надев брюки и кожаную куртку, направилась наверх, чтобы встретиться с Арни. Оказался он таким, каким она его и представляла – далеко за сорок, пухловат, с крашеными волосами, которые он расчёсывал так, чтобы их казалось больше. Однако лицо его было довольно-таки симпатичным, и Эми подумала, что в молодости он мог быть ещё тем сердцеедом.

Увидев её, он не улыбнулся, и вообще никакой гостеприимности не проявил. Он лишь указал на куртку и сказал:

– Ладно, показывай, что у тебя есть.

Она обрадовалась тому, что Синди ещё была в комнате и подбадривала её едва заметной улыбкой.

Эми расстегнула куртку и сбросила её. Затем она сняла с себя брюки. Арни посмотрел на неё, затем сделал жест указательным пальцем правой руки, словно он что-то помешивал:

– Повернись.

Она медленно выполнила приказ, повернувшись на триста шестьдесят градусов, и он важно кивнул:

– Ладно, подходишь. Синди, разъясни ей, что можно и чего нельзя, затем иди к себе. Дерьмово выглядишь.

Синди уже не улыбалась. Она показала несколько винтовок, которые Арни хранил в номере, объяснила Эми, как их следует держать, перезаряжать, и как вставлять магазины в полуавтоматическое оружие.

– Делай это как можно громче, – сказала Синди. – Это привлекает внимание ребят, и они обожают смотреть, как девушки обращаются с оружием. Это что-то фаллическое, или вроде того.

– То есть, мы будто бы держим в руках их...

– Ага, – хихикнула Синди. – Как-то так. О вопросах не волнуйся, на них отвечает Арни – он же и продажами занимается.

– А мы оружие по-настоящему заряжаем?

– Ну... это вроде как незаконно, но патроны и прочие мелочи мы продаём из-под прилавка. Если возникнут вопросы – Трейси тебе поможет. Это другая девушка.

Трейси оказалась не такой дружелюбной, как Синди. Эми подозревала, что это из-за того, что Трейси была старше и чувствовала конкуренцию. Но Эми всё больше убеждалась в том, что ей было не о чем волноваться: она была на пару дюймов выше Эми, и у неё была большая, высокая грудь; как подозревала Эми, без пластического хирурга здесь не обошлось. Блестящие чёрные волосы идеально подходили к её смуглой коже, а тонкая талия переходила в упругие ягодицы и прекрасные бёдра. Её черты лица были тонкими и экзотическими: Эми почувствовала себя жалкой по сравнению с ней.

«Отлично», подумала Эми. «Пусть Трейси привлекает внимание. Так я буду более свободной в действиях».

– Ух ты, – мягко произнёс Джуниор Фили, – и что у нас здесь есть?

Джуниор оставил Карла у своего стенда, а сам решил пройтись по павильону и посмотреть на модели. В огромном зале было около двухсот стендов, так что он сможет выбрать симпатичных кошечек.

Но чем дальше он ходил по проходам. Тем больше понимал, что он уже всех их видел, и они видели его и отворачивались. С ними даже заговаривать не стоило. Они либо сами пережили выходки Джуниора, либо слышали о них самые резкие высказывания. А он искал свежее мясо. Свежее и тупое.

Как ему показалось, он увидел нечто подходящее у павильона Арни Бейли, в самом конце зала. Там работали две девушки, одетые в маленькие шорты и в ещё меньшие топы, которые превращали всё это место в Сиськвилль. Брюнетку Джуниор уже видел: эту сучку звали не то Стейси, не то Трейси, и она его чуть ножом не пырнула, когда он попытался зажать её в уголке. С этой злокой и связываться не стоит.

Его взгляд (и не только) привлекла рыженькая девчонка. Она была чуть старше, чем другие модели, но была высокой, стройной и хорошо сложенной. Джуниору такие нравились, и он подумал, что его жирная задница отлично сядет на эти сиськи. Кроме того, он *обожал* рыжих – особенно натуральных. У этой волосы были похожи на парик, но на это ему уже было плевать. По собственному опыту Джуниор знал, что натуральных рыжих можно было найти даже реже, чем честных евреев или умных негров.

Он решил не заговаривать с ней прямо сейчас, а вернуться и поговорить чуть позже. Было уже около девяти: скоро откроются двери,

впуская в зал фанатов оружия и потенциальных ополченцев. Джуниор знал, что Карл никак с потоком покупателей не справится. Рыженькой придётся подождать.

Рик Карлайл пытался заставить себя действовать естественно, ожидая, когда он попадёт на выставку. Он оделся соответствующе: поношенная красная шерстяная рубашка, зелёные штаны, протёртые на коленях, и ботинки на толстой подошве с толстыми же шнурками. Казалось, что здесь все одеваются так.

Кто-то разговаривал с другими посетителями, но многие просто стояли, ожидая открытия. Седовласые охотники сбивались в небольшие группы. Некоторые носили куртки с нашивками, которым было лет десять, а то и больше. Эти люди казались серьёзными профессионалами, словно бы ищущими что-то способное попасть в цель, мимо которой промахивались эти стареющие и трясущиеся руки. Они напоминали Рику о товарищах отца по охоте.

Рик ничего против оружия не имел. Его отец охотился, и сам Рик занимался этим в детстве. Но с возрастом он утратил всякий интерес к этому. Он помнил многих друзей отца как достойных людей, которые подчинялись законам охоты и зачастую ели то, что убили. Он был уверен, что старшие охотники так и поступали. Но насчёт молодых он сомневался.

Здесь было множество молодых бритоголовых парней в «мартенсах» и военных куртках. Если эти в кого-нибудь целятся, то это наверняка человек, а не олень. Многие из них носили пуговицы «Белая сила», и у ещё одного Рик заметил нашивку СС на рукаве. Разговоры старых охотников были образцом воспитанности по сравнению с беседами молодёжи, в которых то и дело проскакивали такие словечки, из-за которых старшие недобро поглядывали на молодых.

Были также люди лет тридцати-сорока, которых явно больше интересовала политика. Большинство из них носили усы или бороды и были одеты в камуфляжную одежду. У некоторых были нашивки или значки, говорившие об их принадлежности к ополчению, и у одного из них под камуфляжным жилетом Рик разглядел футболку с надписью *Скажи «Нет» СОП*²⁷. Один из стариков-охотников спросил у её владельца, загорелого бородача, что такое СОП.

– Сионистское Оккупационное Правительство, – злобно ответил человек.

²⁷ В оригинале ZOG – Zionist Occupation Government – упоминаемая во многих «теориях заговора» организация.

«Боже, ну и народ», подумал Рик. Все, от легальных охотников до неонацистов и психов-ополченцев, собрались здесь, чтобы выбрать что-нибудь стреляющее.

Затем двустворчатая дверь скрипнула, словно её кто-то открывал, и в тот же миг что-то чёрное сорвалось с крыши, отбрасывая тень на людей внизу. Рик, как и многие из ожидающих, подскочил от неожиданности, затем увидел, что это всего лишь ворон – огромный, как сокол, и чёрный, как сама ночь. Наверное, он сидел на крыше и испугался скрипа двери.

Некоторые рассмеялись и прицелились из воображаемых дробовиков и пистолетов в птицу, которая летела через парковку к деревьям. Они кричали «Бах!» и «Бум!», нажимая на воображаемые курки, и снова смеялись.

Затем ворон развернулся и снова полетел к ним, хлопая крыльями легко и медленно, пока не оказался прямо над ними, расправив крылья, поймав ветер и не двигаясь ни вперёд, ни назад. Он каким-то магическим образом просто завис в воздухе, и солнце вдруг исчезло за тёмными тучами.

Видение было невозможным, и толпа затихла. Несколько человек выдавили из себя смех, и молодой скинхед поднял руки, чтобы снова изобразить стрельбу, и открыл рот, чтобы симитировать выстрел. Но что-то в вороне, расправившем над ними крылья, словно давая благословение или проклятие, остановило его, и он опустил руки, снова странно хохотнув.

Внезапно дверь распахнулась со скрипом, и ворон исчез из виду. В восторге своём толпа забыла о нём и ворвалась в здание, растекаясь по огромному залу сотнями ручейков.

Рик выбрал идеальную точку обзора и решил остановиться у одного из стендов. Он хорошо продумал свою историю-прикрытие, но так и не знал, будет ли у него возможность рассказать её. Возможно, здесь всех интересовала лишь торговля оружием.

Проходя через зал, он был потрясён количеством смертоносного товара. Здесь были стенды, ориентированные на охотников, но Рик сильно сомневался в том, что охотники пойдут на своё дело с полуавтоматическим штурмовым оружием, которое здесь предлагали многие торговцы.

Большинство из них явно были созданы для убийства людей, позволяя стрелку открывать огонь так быстро, как только он может нажимать на спусковой крючок. Были здесь стенды, где продавались снайперские и штурмовые винтовки, дробовики, и даже такие виды оружия с круглыми магазинами, которые напоминали Рикку беременные «томмиганы».

Рик также был удивлён, увидев такое количество женщин за столами, держащих винтовки, пистолеты и дробовики, дефилирующих с ними вперёд и назад, насколько это позволяло отведённое им пространство. Столы с

моделями привлекали львиную долю покупателей. Многие женщины играли свою роль, похотливо поглядывая на проходящих мимо посетителей, и наклоняясь, демонстрировали декольте посетившим на них мужчинам. Смущённый Рик избегал их взглядов, пытаясь сосредоточиться на оружии и на поиске знаков, способных привести его к цели.

Увидев Рика, Эми на мгновение застыла. Затем осознание того, что её внезапная неподвижность лишь привлечёт больше внимания, она продолжила выполнять свою работу, вставляя и отсоединяя магазины от оружия, которое она держала в руках.

И всё же её мысли разделились, пока она машинально выполняла эти действия. Что здесь делал Рик? Он ведь не охотник. Может, он ищет подходящий пистолет, чтобы защитить дом, который он теперь делил с Нэнси, чтобы защитить свою новую семью? Если так, то почему он не пошёл в спортивный или оружейный магазин?

И почему он так одет? Вообще на Рика не похоже. Он словно маскируется...

Затем она поняла всю ситуацию. Он действительно *маскировался* – как и она. Они оба охотились, ловили на живца хищников, жаждущих крови. Он тоже пришёл сюда, чтобы найти тех подрывников.

Но с Риком всё было по-другому. Он не был охотником, это не для него. На его руках никогда не было человеческой крови, а она уже успела замараться. Ради этого Ворон вернул её, и она не знает боли.

С Риком всё иначе. Эми знала, на что способны эти люди. Они застрелили Уилсона Барнса, и убитый ею в гараже человек зарезал Уильяма Стендиша, как свинью. Даже старуха могла бы убить. Они бы ни секунды не колебались, если бы Рик оказался опасным для них, и убили бы его.

Её шок усилился, когда она вспомнила, как однажды утром они увидели друг друга через окно. Что он подумает, увидев её сейчас?

Но он не смотрел ни на неё, ни на других полураздетых женщин в павильонах.

«А это на него похоже», подумала Эми и улыбнулась. «Он всегда так смущается».

Он прошёл мимо павильона Арни, даже не взглянув на неё, и пошёл к другому концу зала.

– Нравится заряжать и передёргивать, сладенькая? – спросил высокий крупный мужчина, пялившийся на её грудь. – Или ты мне улыбалась?

– Я улыбаюсь каждому, кто покупает новое оружие у Арни, сэр.

– Шансы немаленькие, – сказал мужчина. – У меня там свой стенд. Но там нет такой киски, на которую можно было бы посмотреть.

Он рассмеялся и хлопнул по плечу своего друга. Ещё раз взглянув на Эми, чувствовавшую себя обнажённой под её взглядом, он направился к своему стенду.

Этим утром её подавляло разглядывание и похоть. Она никогда ещё не чувствовала себя куском мяса, брошенным волкам. Однако фишка с женщинами работала, и Арни успешно продавал оружие и боеприпасы, заполняя бесконечные правительственные бланки – без этого торговля не обходилась.

Изучая толпу, Эми присматривалась к бейджикам, которые носили торговцы. Она искала имя, которое могла бы узнать – Рип Уизерс, Чип Портер, Паудер Бёрнс, кем бы ни оказались эти ублюдки. Но больше всего она ожидала найти Джуниора Фили. Заметив эти имена, она должна найти гнездо, из которого они выползают.

Она подготовилась во время своих пятиминутных перерывов. В конце павильона Арни предусмотрительно повесил занавес, за которым одна девушка могла спокойно сесть и отдохнуть, пока все остальные привлекали к себе взгляды посетителей. Также он хранил там оружие и боеприпасы, и во время каждого перерыва Эми «заряжала и передёргивала», а затем снова прятала полностью заряженные единицы в ящики.

Она уже зарядила девятимиллиметровый Weaver Nighthawk и четыре магазина к нему, а также Cobray M11/9 – полуавтоматический пистолет-пулемёт, из которого она собиралась стрелять, перезаряжая «найтхоук». Подумав ещё немного, она зарядила и старый армейский пистолет сорок пятого калибра, чтобы держать его за поясом и воспользоваться им, если что-то заклинит.

Теперь ей нужен был лишь Джуниор Фили. И тогда эти поклонники оружия увидят настоящее действие.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

На половине пути к выходу Рик остановился у одного из стендов. На столе было много оружия и ящиков с патронами, но его внимание привлекла стопка книг в мягкой красной обложке, на которой были изображены вооружённые мужчина и женщина, стреляющие в невидимую цель. Это были *Дневники Тёрнера* – книга, которой вдохновлялся Тимоти МакВей, и которую считали второй Библией для ополченцев.

Он взял одну и начал листать страницы – осторожно, чтобы не казаться слишком заинтересованным, и не глядя на людей за стойкой.

– Читали когда-нибудь? – спросил один из них, и Рик посмотрел на него.

Он был высоким (около двух метров) и массивным. На нём был камуфляжный жилет, надетый поверх зелёной фланелевой рубашки. На его бейджике было написано «Кларенс Фили-младший», а чуть ниже – «Продавец».

– Да, читал. Пару лет назад.

– Да? Понравилось?

Рик усмехнулся:

– Охрененная книга. Ну, у неё отличный сюжет, но мне больше понравилось то, что имелось в виду. Ну, знаете, о том, как... как всё на самом деле обстоит.

– Это изменило мою жизнь, – сказал Фили. – А как тебе, Карл?

Карлом был парень, сидевший рядом с ним. На его лице не было прыщей, и Рик задумался, приходилось ли ему вообще бриться. Глаза Карла были голубыми и обрамлёнными длинными ресницами. Нос и рот его были небольшими, и он улыбался он искренне, без хитрости. Он был похож на подростка с картин Нормана Роквелла и на ангела, которого нарисовал Джотто. Он носил маленький значок с портретом Билла Клинтона и подписью «Разыскивается за измену».

– Очень понравилось, – сказал парень мягким, застенчивым голосом. Его улыбка стала чуть шире.

– Я свой экземпляр давно посеял, так что возьму одну, – сказал Рик. Он дал Фили двадцатку, и тот отсчитал сдачу.

– Стреляете? – спросил Фили.

– О, немного. Но я не охотник, меня больше самооборона интересует. Я на такие шоу не за оружием прихожу, а за такими вещами, – он поднял вверх книгу. – Только вы здесь её продаёте.

Он начал отходить, ожидая, что Фили его окликнет. И оказался прав.

– Что значит «такие вещи»? – сказал Фили.

– Понимаете, – сказал Рик, поворачиваясь, – это вещи более политические. Я слышал, на таких выставках у неких группировок – у ополченцев, или типа того – есть свои стенды. Что ж, я немного разочарован.

– Ну, – ухмыльнулся Фили, – вы знаете, где искать. Есть здесь сочувствующие ребята, но они не будут столь явно выставлять себя напоказ.

– Почему? Из-за грёбаного правительства?

– Отчасти.

– Чёрт, везде они свои пальцы запустили. Каждый раз, когда ты оборачиваешься, они говорят, что и как тебе делать. Уёбки.

Он посмотрел на паренька:

– Извини, сынок.

Тот пожал плечами: ничего, мол, слышал и похуже.

– Они отняли у меня столько всего, – тихо добавил Рик.

– Да? – сказал Фили. – Например?

Рик настороженно посмотрел на него:

– Зачем тебе это знать?

– Не надо мне *херню* грузить, – вспыхнул Фили. – Просто говорим. Я что, по-твоему, херов федерал? Так какого хрена ты вообще говоришь со мной, урод?

Рик покачал головой, извиняясь:

– Виноват. Просто приходится быть осторожнее.

Фили подозрительно посмотрел на него, и Рик хихикнул:

– Есть люди, которые хотели бы меня найти.

– Хочешь сказать, что ты в розыске? – недоверчиво фыркнул Фили.

Рик смущённо огляделся по сторонам.

– Я не враг народа номер один, но... Хм, да, можно и так сказать, если ты считаешь, что быть свободным в своей стране – преступление. Думаю, да.

Фили жестом попросил его подойти поближе.

– И что ты натворил? – тихо спросил он.

– Слушай, я не хотел бы об этом рассказывать. Не среди такой толпы. Сам понимаешь – никогда не знаешь, кто есть кто.

– Так, может, по пиву? – предложил Фили. – С меня пиво, с тебя – рассказ.

Рик усмехнулся, будто бы встретив товарища.

– Федерал бы такое предложение не сделал. Пошли.

– Присмотри за всем здесь, Карл, – сказал парню Фили, после чего пригнулся, вылез из-под стола, и они вместе направились в бар.

Они сели за самый дальний столик. Рик мельком увидел через окошко, что тёмные облака, появившиеся после полёта того ворона, теперь сменились

проливным дождём. Фили заказал пиво, и Рик начал импровизировать, используя подробности из книг, которые он читал.

– Я просто хотел вырваться из этой клетки, понимаешь? Я потерял свою работу, её отдали какому-то черномазому типу – и это после шести лет, прикинь? И я потерял медицинскую страховку из-за этого, хотя моя жена умирала от рака. Это ещё быстрее добило её. Когда она умерла, я больше не видел ни одной причины продолжать в том же духе. И тогда я подумал: а почему бы не начать всё заново? Я был чертовски зол на всех после случившегося. Это заставило меня понять, что зависим мы только от себя. Но в это верит слишком мало людей – все слишком заняты, они сосут правительственную сиську, и у них кишка тонка, чтобы самим встать на ноги.

– И вот я сказал: да пошло оно всё! Я разорвал свою соцстраховку, водительские права – всё, что связывало меня с этим жидовским правительством, любящим негров. И хоть я оставил *их* в покое, они *меня* отпускать не хотят. Арестовали за вождение без талона техосмотра и регистрации, но к тому времени я уже довольно много всего прочитал. И я знал, сколько говна в этом правительстве, и сказал им: пошли вы на хер, я больше не попадаю под вашу юрисдикцию. И на суд я не явился. А потом всё стало ещё хуже.

Рик продолжал свой рассказ о человеке, противостоящем системе, о том, как он прирезал полицейского, который приехал арестовывать его, угнал его машину и бросил её, проехав через три штата. Затем добрался до Миннесоты: там, как он слышал, много ополченцев, которые думали так же, как и он, и среди которых он мог скрыться.

– Как дыра в стене. Знаешь ведь про Бутча Кэссиди²⁸? У них была такая банда, и я думаю, что это мне и нужно.

На мгновение он посмотрел задумчиво на Фили, затем покачал головой:

– Хотя зачем я это всё рассказываю? Просто потому, что ты продаёшь эту книгу... Но это ещё не повод доверять.

– Да пошёл ты, – сказал Фили. – По-твоему, я из предателей расы? Думаешь, я стану целовать унылый зад правительства, выдав тебя? Хрен там... хрен там, ага. Хочешь встретиться с людьми – встретишься, может быть. Но это не так просто, нет. Как тебя зовут хоть?

²⁸ Бутч Кэссиди (настоящее имя – Роберт Лерой Паркер) – известный американский грабитель банков, поездов, а также лидер «Дикой банды».

– У меня больше нет имени. Я просто человек, вот и всё. Сам себя зову Гаем²⁹. Гай Адамс – ведь Адам был первым человеком, созданным Яхве, и Яхве сотворил меня таким же. Так что всё это во славу Яхве.

– Ладно, Гай Адамс. Приходи завтра на выставку, и возможно, там я познакомлю тебя с теми, кто может помочь.

– Почему?

– Чё?

– Почему ты делаешь это для меня? Для обычного странника?

– Эй, как там Иисус говорил? Был я странником, и ты принял меня... Кроме того, ты выглядишь чертовски злым парнем – смекаешь, Гай? – а злые парни становятся хорошими солдатами.

– Так ты с ними связан? – сомневающимся тоном спросил Рик.

– Связан? – усмехнулся Фили. – Жди, приятель. Жди, и увидишь.

Они допили пиво, разговаривая преимущественно о том, кого они ненавидят больше, но Фили ничего не говорил о своей «связи». Всё было хорошо, и Рик мог подождать. Он уже почти вошёл в эту дверь. Он не ошибся с выбором двери.

«Ну и утро», думал Джуниор Фили, возвращаясь к Карлу Уизерсу. Они почти ничего не распродали – одна винтовка для охоты на оленей, пара коробков с патронами, и две книги. На улице шёл сильный ливень, но зато Джуниор заприметил симпатичную рыжую девчонку, *а также* нашёл отличного кандидата в «Сыновья».

Этот Гай Адамс уже запачкался кровью угнетателей из правительства. Джуниор знал, что с ним всё будет хорошо, и когда старина Гай попадёт в их лагерь, то уже не будет беспокоиться о том, что правительство снова начнёт мучить его.

Джуниора также радовало то, что Карл, узнав об этой новости, казался довольным, хотя никто не мог сказать, что было у него на уме. Джуниор не мог дожждаться момента, когда мальчишка трахнет, чтобы увидеть его лицо. Он не казался таким же дебилом, как его дядюшка Рей, но он постоянно словно отстранялся от всего, витал в облаках. Джуниор надеялся, что его порода покажет себя, когда начнётся война с СОП. Парень был хорошим стрелком, и едва ли он устанет стрелять в федералов, ниггеров и прочих нечистокровных бойцов, которых евреи натравят на них в один прекрасный день.

И до Джуниора наконец-то дошло, что хоть его живот и был полон пива, он ничего не ел с самого утра.

²⁹ В оригинале «Guu», что можно также перевести как «парень».

– Будь здесь, – сказал он Карлу. – Я принесу нам чего-нибудь перекусить.

Джуниор пошёл к буфету и купил две порции картошки-фри, две банки колы, два гамбургера для себя, и ещё два – для Карла. Если от одного Карл откажется, Джуниор возьмёт его себе.

На обратном пути он решил заглянуть в павильон, где утром он видел ту рыжеволосую. Возможно, заведёт знакомство. Конечно, без старины Санни это будет грубовато, но многим девчонкам нравятся такие парни, как он.

У павильона было мало народу. Арни как раз заполнял формуляр для какого-то скинхеда, который мял в руках толстую пачку банкнот – вероятно, пытается заплатить наличными и указать «левые» данные, чтобы на него потом не смогли выйти. Брюнетки, Трейси или Стейси, нигде не было видно, но Рыжая перезаряжала товар перед двумя придурками, смотревшими на неё.

Джуниор мог бы поднять их в воздух и крепко стукнуть лбами – такими тщедушными они были. Но он просто протиснулся между ними, держа в руках коробку с едой.

– Эй, ты здесь новенькая, – сказал он рыжей девчонке. – Не видел тебя раньше. И я очень, очень сожалею по этому поводу.

Рыжая улыбалась, глядя на него и на его бейдж. У неё в руках было помповое ружьё, которое она направила на него.

«Ясно», подумал он, «эта любит поиграть». Джуниор ощутил странное движение в мошонке, глядя в дуло ружья.

– Ого, – сказал он. – Поосторожнее, рыженькая.

Он посмотрел на её обтягивающие шорты.

– Если ты *на самом деле* рыжая.

– Не бойся... Джуниор, – сказала она низким голосом, который показался ему знакомым. Затем она нажала на спусковой крючок, и оружие отозвалось резким щелчком.

– Эй, Арлен, – раздражённо сказал Арни, отвлекаясь от бумажной работы, – Не надо так шутить, блядь, ладно? Бога ради, не направляй оружие на покупателей.

– Да всё в порядке, друг, – сказал Джуниор. – Оно не заряжено.

– Да, но всё равно стрелять вхолостую тоже плохо, Джуниор, и ты сам это знаешь. Механизм портится.

– Стрелять вхолостую – плохо для всего, – с намёком произнёс Джуниор, пока Арни возвращался к писанине, затем понизил голос так, чтобы его слышала лишь Арлен. – Я всегда выдаю полный мощный заряд. Так что, ты точно красноголовая?

Арлен подняла вверх палец и положила ружьё на стол. Она развернулась и направилась к занавеске в задней части павильона. До того, как исчезнуть за ней, она повернулась и заговорила таким голосом, от которого у Джуниора мгновенно встал:

– Хочешь увидеть красное, Джуниор? Подожди минутку.

«Чёрт, что она делает?» думал Джуниор. «Выйдет в трусиках с разрезом? Или просто снимет с себя шортики и покажется из-за занавески? Блин, она горяча».

Казалось, что и он ей понравился. Это было подозрительно.

Но затем она вышла из-за занавеса, и одежды на ней было не меньше, а наоборот: Арлен надела чёрную кожаную куртку, и в каждой руке она держала ствол. Ещё один она запихнула за пояс шорт.

И она больше не улыбалась.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Увидев бейджик с именем человека, Эми сцепила зубы. Она заметила его раньше, когда он бессовестно разглядывал её перед открытием выставки для публики, но тогда он ещё не носил бейдж.

И теперь он сам пришёл к ней. Кларенс Фили-младший, Джуниор. Её челюсти болели, когда она удерживала на своём лице улыбку и заигрывала с ним, убеждая его остаться. И вот *она* была готова.

Ухмылка сошла с его лица, он не понимал, что происходит. Она наклонилась к нему через стол и сказала:

– Я всегда мечтала встретить Сына свободной Америки.

Его потрясение развеяло все её сомнения насчёт того, кто перед ней стоит. Она направила на него «найтхоук» и сделала несколько выстрелов – так быстро, насколько она могла нажимать на спусковой крючок. Звуки слились в один, и контейнер с едой, который Джуниор держал в руках, превратился в густую массу, смешавшуюся с его плотью.

Его желудок разнесло на кусочки, и Джуниора откинуло назад. Он раскинул руки и запрокинул голову, и кровь, вытекающая из ран, напоминала демонов, убегающих из ада. Его жирный зад наткнулся на столик, стоявший через проход, и он шлёпнулся на пол в сидячем положении. Его глаза, чудесным образом казавшиеся живыми, смотрели на неё. И она знала, что он видел, от кого принял смерть.

– Хотел увидеть красное? – сказала она, после чего сделала семь выстрелов в лицо. Глаза Джуниора выскочили из орбит, а мозги забрызгали всё вокруг него.

Кто-то закричал:

– *Взять её!*

Звук ещё одного выстрела потряс воздух. Что-то врезалось в её плечо, и посмотрев направо, она увидела торговца, который разговаривал с ней чуть раньше. Он стоял за своим столиком, за несколько стендов от неё, перезаряжая помповое ружьё.

Мужчина снова поднял ружьё и выстрелил в неё ещё раз – на этот раз в грудь. Это сбilo её с ног, и она упала на skinхеда, стоявшего сзади. Парнишка закричал и откатился в сторону, прикрывая руками голову, словно ожидая, что сейчас его будут бить ногами.

Эми приподнялась и посмотрела на свою грудь. Топ под курткой был изорван мощным зарядом свинца, но зияющая рана затягивалась прямо на глазах. Она поднялась на ноги, выстрелив в мужчину с ружьём до того, как он успел перезарядить его ещё раз. Кровавая лента вырвалась из его горла, и он упал.

А затем начался настоящий ад.

Когда началась перестрелка, Рик Карлайл стоял у павильона Джуниора Фили. Он видел, что Фили там нет, и решил, воспользовавшись случаем, завязать знакомство с пареньком. Он едва успел произнести три слова до того, как послышались выстрелы.

Он быстро осмотрелся вокруг, но видел лишь суетящихся людей. Многие пытались убежать, но это было практически невозможно из-за забитых проходов. Большинство из них просто упали на пол – кто-то согнулся, кто-то распластался на полу, опустив голову.

Среди падающих тел Рик разглядел вспышку, а затем услышал и громкий звук – одиночный выстрел, за которым последовал ещё один. Кто-то перезаряжал дробовик.

Затем была очередная вспышка, и ещё больше зевак упали, пытаюсь избежать ранений. Рик мельком увидел рыжие волосы и разорванную кожаную куртку. Это была женщина, и она только что застрелила из дробовика мужчину. Вокруг него возникло кровавое облако, и он упал.

Ещё полдесятка стволов загрели в один миг, наспиговывая женщину пулями. Большинство пуль пролетали мимо, и случайные жертвы падали на пол – одних убило попаданием в голову, другие были ранены в грудь. Они падали на ровном месте, словно срубленные деревья. Внезапно сзади послышалась автоматная очередь, дырявящая стены.

Рик бросился к оцепеневшему парню и потянул его на пол за долю секунды до того, как очередная шальная очередь врезалась в стену, у которой он стоял. Он поднял голову и посмотрел на удивлённого мальчишку.

– Нам лучше оставаться внизу, – сказал он, и Карл безмолвно кивнул в знак согласия.

Эми казалось, что каждый сукин сын со стволом открыл ящики с патронами, зарядил своё оружие и стрелял в неё. Каждое попадание было болезненным, но она могла оставаться на ногах, пока выстрелы швыряли её из стороны в сторону.

Со всеми этими убегающими и лежащими лицом вниз людьми она не знала, как она сможет выбраться до того, как её одежду окончательно разорвёт в клочья, и она задумывалась, наступит ли вообще момент, когда её израненная плоть прекратит заживать. Казалось, что это вообще невозможно.

Затем она увидела путь, по которому можно убежать – а заодно оттуда было удобнее целиться.

Через всю комнату тянулся ряд столов, и они были почти пустыми – только оружие, несколько картонных ящиков и тела тех, кого сразили шальные пули.

Она вскочила на ближайший столик и побежала по белым скатертям, отстреливаясь от тех, кто в неё целился. В неё часто попадали, но она заставляла стрелков заплатить за это. Стреляла она с большой точностью, прекращая огонь, когда на пути возникал безоружный человек.

Люди с оружием были не такими аккуратными, и Эми увидела, как несколько человек погибли, просто оказавшись между ней и кучкой ублюдков, радующихся возможности пострелять. Эми была бы рада просто убить Джуниора Фили и уйти, но ей не позволили это сделать.

Наконец-то она добралась до двери. Она спрыгнула со стола, и люди, не успевшие выбежать наружу, кричали от ужаса, глядя, как она летит к ним, как разорванная чёрная кожа развеивается подобно перьям огромной чёрной птицы, падающей с неба, чтобы поживиться их душами.

Она беспрепятственно выбежала на парковку, на которой воцарился почти такой же хаос, как и внутри здания. Холодный, тяжёлый дождь падал с небес, и машины скользили по воде, врезаясь друг в друга, пытаясь сбежать от резни или доставить раненых в больницу. Эми рванула сквозь этот беспорядок к месту, где она оставила «Аванти».

Но как только она собралась обогнуть здание, она услышала сзади крик «Сука!» и обернулась.

Всего в нескольких ярдах от неё в кузове пикапа стоял мужчина, направивший на неё двуствольный дробовик. Она вскинула «найтхоук», но он выстрелил из обоих стволов, послав двойной заряд дроби ей в лицо.

Боль была ужасной – больше, чем способен вынести человек. Она почувствовала, как разрываются её глаза, как дробятся зубы, как рот, нос и лоб вминаются вовнутрь черепа. В этот миг Эми вспомнила боль от взрыва, всю боль – как физическую, так и душевную, и она провалилась во тьму под крик триумфа, напоминающий острые капли дождя: *«Да! Мать твою, да, я прижучил её! Чтоб я сдох, если я не сделал этого, я ебанул её прямо в лицо, прямо в её хе...»*

И тогда она открыла восстановившиеся глаза. Она подняла голову и позволила дождю омыть её. В её возрождённом разуме возникла мысль: этот человек должен умереть. И она встала на ноги.

Человек с разряженным дробовиком только смотрел на неё, раскрыв рот. Лицо его дрожало, дождь стекал с него, словно фальшивые слёзы. Его пальцы разжались, и оружие упало к его ногам, ударившись о платформу со звуком затихающего колокола.

Эми вскочила на платформу и схватила мужчину за шею левой рукой. Правой же она схватила его лицо, и её пальцы – сильные и твёрдые, словно металлические когти – вонзились в него.

Её указательный и средний пальцы проткнули его глаза, а большой, безымянный и мизинец пронзили его щёки, как отвёртка бумагу. А затем она сорвала плоть – губы, щёки, нос, подбородок – отрывая их от костей так, как взрыв срывал её собственную плоть, как он разрывал её детей.

И Эми кричала. Она кричала из-за убитого ею человека, из-за памяти о её детях, из-за её собственной боли. Она кричала из-за того, во что она превратилась.

Капли дождя были её слезами, и они пропитали всю землю.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Никто не видел, куда подевалась женщина, убив мужчину в грузовике. Люди и так паниковали, а увидев, как она поднимается после выстрела в лицо из дробовика и рвёт плоть мужчины, они просто с катушек слетели.

Однако немногие очевидцы всё же остались на месте, чтобы рассказать об этом полиции, и ещё один старый охотник, покупавший на выставке патроны, считался последним, кто видел эту женщину.

– Она забежала за вон то здание, и больше я её не видел.

– И вы не видели, куда она бежала? – спросил офицер.

– Мистер, мне плевать, куда, чёрт возьми, она бежит, лишь бы не в мою сторону. И смею доложить, что я ещё долго на *такие* выставки не сунусь.

Полиция допросила Арни Бейли, который ничего не мог им рассказать о своей временной модели, кроме описания её внешности, имени и заявления: «Это был последний грёбаный раз, когда я позволил этой суке Синди найти грёбаную замену самостоятельно!»

Этот сюжет показали в новостях по всем каналам, хотя единственное видео было снято уже после происшествия. Один из промоутеров просмотрел то, что снял раньше, но на нём нападавшая видна была лишь какое-то мгновение, со спины и с расстояния в двадцать ярдов. Единственное, что было очевидно – её приблизительный рост и тот факт, что её рыжие волосы были похожи на парик (Синди позже засвидетельствовала это в письменном виде).

Итог происшествия – десять погибших, пятнадцать раненых. Арни Бейли утверждал, что пули, которые ранили людей, выпущены не из того оружия, которое он объявил пропавшим со своего склада.

– Я там был, – говорил он репортёрам, – и поверьте, если она в кого-то целилась, то била без промаха.

Кроме Кларенса Фили-младшего и Бартона Дугласа (мужчины на парковке) ещё четверо были застрелены из «найтхоука» и «кобры». Все они стреляли в женщину. Ещё четверых, как и раненых, зацепил «дружественный огонь» стрелков, пытавшихся убить её.

Всё указывало на то, что это было спланированное убийство. Первой жертвой – и единственной, кого она убила без ответного огня – был Кларенс Фили-младший, тридцатидвухлетний каменщик, за которым числился не один арест за сексуальное оскорбление, но ни один из них не закончился для него тюремным заключением. Теоретики предполагали, что расправа была актом мести за надругательство над самой женщиной или её подругой, и полиция допрашивала всех женщин, которые когда-либо подавали на него жалобы.

Но никто не мог объяснить показания очевидцев: в женщину попала не одна пуля, и ей даже выстрелили в лицо из обоих стволов дробовика, но она скрылась, не получив видимых повреждений. Те, кого там не было, предполагали, что на ней был бронежилет. Очевидцы знали лучше.

Рик Карлайл тоже видел всё это. Вопреки инстинкту самосохранения он выглянул из-за стола, под которым прятался вместе с Карлом, и под градом пуль увидел женщину у другого конца зала. Она бежала по столам и стреляла. Он видел, как пули попадают в её голые ноги, врезаются ей в спину, и ещё одна попала точно в голову. Голова женщины дёрнулась, но она остановилась лишь на мгновение, на один удар сердца, а затем продолжила бежать и стрелять, будто ничего и не случилось.

Было в ней что-то знакомое, и едва разглядев её, он понял, что именно. Он выглядела, как Эми, двигалась, как Эми.

Это *была* Эми.

Видение в окне, голос по радио, а теперь ещё и это. Если бы Рик не видел, как в неё стреляют, то подумал бы, что она никогда и не умирала, что она каким-то образом выжила, скрывалась полгода, а затем вернулась, чтобы отомстить тем, кто разрушил её мечту.

Но он *видел*, как её расстреливают. В неё попадали заряды свинца, которые уже должны были убить её, но она не останавливалась – «как тот херов розовый заяц с батарейками», как сказал репортёрам один из очевидцев. Впрочем, эту цитату они не использовали.

Рик безоговорочно поверил в историю с выстрелом в лицо. Он видел её и знал, что это не человек. Она была чем-то странным, чужим и неизвестным, и она искала способ добраться до них.

Рик тоже искал путь, и он продолжил бы попытки проникнуть в их ряды. И теперь резня, которую устроила Эми, дала ему такую прекрасную возможность сделать это.

Он спас жизнь юному Карлу, и парень это знал. Он видел дырки от пуль в стене там, где он стоял до того, как Рик повалил его на пол. Когда стрельба закончилась, и они увидели окровавленный труп Кларенса Фили, Карл повернулся к Рику и сказал:

– Надо отсюда выбираться. Нам не стоит здесь находиться, когда нагрянет полиция, верно? В смысле, Джуниор мне рассказал о тебе, и... короче, мне тоже нельзя здесь быть.

Рик кивнул. Карл был уверен, что он бежит от закона, и казалось, что это вызывает уважение у этого парня.

Они легко выбрались наружу, и Карл повёл его к тёмному, пыльному седану.

- Садись, – сказал он, открыв машину.
- Ты оставишь оружие? – спросил Рик.
- Нет времени его вытаскивать.

Они сели в машину, и Карл медленно, словно пытаясь избежать лишнего внимания, выехал со стоянки. Собственно говоря, то, как аккуратно он вёл автомобиль, резко контрастировало с тем, как другие водители вылетали со стоянки, будто из самого ада сбежать пытались.

– Спасибо, – сказал Карл. – Ты мне жизнь спас. Мужик, я думал, мне крышка. Даже пошевелиться не мог.

– Да ничего, – ответил Рик. – Меня зовут Гай. Гай Адамс.

Он протянул руку, и Карл пожал её.

– Я знаю. Джуниор сказал мне. Я – Карл Уизерс.

– Рад знакомству, Карл. Итак...

Ему показалось, что стоит вернуть какое-то замечание по поводу Джуниора.

– Значит, Джуниор? Так вы его называли? Он был твоим родственником?

Карл покачал головой.

– Просто приятель, и всё. И один из... ну, друзей моего отца. Так ты хочешь, чтобы я тебя куда-нибудь отвёз?

– Я надеялся, что Джуниор мог бы свести меня кое с кем.

– Ага, он говорил.

– Похоже, что он многое тебе рассказывал.

– Было дело.

Карл на минуту будто бы задумался, затем включил сигнал поворота и заехал на газовую заправку, припарковавшись возле телефонной будки в углу стоянки.

– Надо позвонить, – сказал он. – Жди здесь.

Карл долго с кем-то беседовал, но Рик его не слышал. Когда паренёк вернулся к машине, он улыбнулся.

– С тобой хотят встретиться, – сказал Карл и выехал на дорогу.

Она сделала это. Она убила жирного ублюдка.

Она сомневалась в том, что сможет хладнокровно застрелить человека, но всё же сделала это. Словно что-то вселилось в её тело, обратив её боль и потерю в слепую ярость. И когда она стреляла, когда она *убивала* его, её овладело чувство невероятного облегчения – как будто его смерть снимала груз с её скорбящей души.

Но после того, как он умер, ей пришлось убить ещё больше людей. Её реакция была автоматической, как рефлекс животного. Стрелявшие люди причиняли ей боль, и она должна была их остановить, пройти через них и убежать, и простейший способ сделать это – убить их.

Это было самым простым делом на свете – целиться и стрелять, поражая их одного за другим, пока она не добралась до конца зала. Если пули этих глупцов задела ещё кого-то, то она в этом не виновна.

Но вот она вышла на парковку, и мужчина выстрелил в неё из дробовика. Боль взбесила её, и она должна была заставить его заплатить. В его лице она видела образы тех людей в машине, и что-то подсказывало ей, что уничтожив это лицо, она сможет уничтожить и все те лица, причинившие былую боль.

И она это сделала.

Стоя под дождём с плотью умирающего в руках, она тотчас же почувствовала, что превращается в чудовище, почувствовала себя старым дядей Авраамом, преследующим своих жертв на улицах Кишинёва.

И тогда она побежала. Теперь она вернулась в гараж Дэвида Левинсона, закрыв за собой дверь и сидя в гостеприимной темноте. Она пыталась сосредоточиться на следующем шаге: завтрашний фестиваль, на котором будет Чип Портер.

Дверь на кухню открылась, и свет очертил контуры Дэвида Левинсона. Он был в униформе, и на бедре висел револьвер. Она не видела его лицо, но слышала голос.

– Десять трупов. Ты оставила после себя десять трупов.

Он повернулся и ушёл обратно на кухню, закрыв дверь и снова оставив её в темноте.

Она подумала, что может остаться здесь, или же пойти внутрь и признать правду. Она вышла из машины и пошла на кухню.

Левинсон сидел за столиком с чашкой кофе в руках. Он был выбрит и причёсан, и Эми поняла, что скоро он отправится на дежурство.

Он смотрел на неё, смотрел на потрёпанную кожаную куртку и разодранные шорты, не выражая никаких эмоций.

– И тебя вообще никак не задело, верно?

– Я была ранена, – тихо произнесла она. – Я была ранена, Дэвид.

– И многие другие были ранены, не так ли? То есть, если верить моему другу Троттеру, в чью смену это случилось. Этот Фили – это же он был твоей целью, да?

Она едва заметно кивнула.

– И ты его убила.

– Да.

– И что произошло потом? Тебе это понравилось?

– Нет! Это вообще другое. Они начали в меня стрелять.

– Да ладно? Только потому, что ты размолочила в мясо безоружного человека, одного из их знакомых торговцев, посреди выставочного зала? Боже правый, как глупо с их стороны.

– Я должна была защищаться.

– От чего? От угрозы быть временно продырявленной?

– Если бы я не стреляла, меня схватили бы.

– Да ты же раскидать их могла. Как бык котят. Но допустим, что ты оправданно стреляла в тех, кто стрелял в тебя; но пострадали и невинные люди, Эми.

– Невинные люди, – повторила она. – Как мои дети? Как я? Как моя подруга Джуди?

Она села напротив него и посмотрела в его глаза.

– Я вернулась ради войны, Дэвид. А на войне невинных нет. Я убила тех, кто пытался убить меня, и всё. Если их пули ранили *невинных* – ну, те, кто убил этих невинных, умерли от моей руки, так что я уже отомстила за их смерть. И если я неправа, если это всё моя вина, пусть Ворон вернёт к жизни, чтобы они сами *мне* отомстили. И пусть поможет мне Бог, или дьявол, но я буду сражаться с живыми, а если понадобится – и с мёртвыми, чтобы восстановить справедливость.

Дэвид посмотрел на неё, словно пытаясь понять глубину её слов.

– Ты помнишь, с чего всё началось? – спросил он её. – Пролилась невинная кровь. Теперь я знаю, кем был Джуниор Фиби. Дерьмо на ножках. Думаю, он ненавидел женщин, раз творил с ними такое. И когда они писали заявления и подавали на него в суд, присяжные всегда меняли своё мнение, будто кто-то убеждал их в том, что не стоит этого делать. Он был связан с расистами ещё с тех пор, как он был подростком-панком. Он избивал геев, чёрных, евреев, и всегда была та же история, что и с женщинами.

– Эми, ты могла бы убить этого грёбаного слизняка хоть десять раз, пока он кормил щенка, ходил на исповедь или молитву перед сном читал – я даже не заикнулся бы об этом. Я бы сказал: «Круто, убей уроды ещё парочку раз, пока можешь». Но как я понимаю, твоей целью был только он, и больше никто. Девять человек погибли напрасно.

– И что вы сделаете, офицер? Арестуете меня?

– Не думаю, что я смог бы это сделать.

– Да, чёрт возьми. Не смог бы. Если бы ты попытался, Дэвид, если бы ты захотел меня остановить, я бы тебя убила.

Он медленно покачал головой.

– Я не верю в это, Эми.

– Ладно, может, и не убила бы. Но Ворон это сделал бы. Ворон знает, что нужно сделать.

Она протянула к нему свои руки. Они были покрыты запёкшейся кровью – как и в последний раз, когда Левинсон их видел.

– Но Ворон сделал бы это моими руками.

Левинсон очень долго смотрел на её руки. Затем он потянулся к ним через столик и взял её за руки, медленно обхватывая их пальцами.

– Делай, что должна. Но не позволяй им сделать тебя такой же, как они.

Эми посмотрела на пару сильных, тяжёлых рук, понимая, что легко могла бы сломать их, просто схватившись посильнее.

– Слишком поздно, Дэвид, – сказала она, убирая свои руки. – Думаю, я уже стала чем-то похуже.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Рик Карлайл никогда раньше не был в закусочной «Даллас». Он вообще никогда раньше не выезжал на эту дорогу, ведущую к деревеньке с одной улицей и одноэтажными зданиями, расположившейся в пятнадцати милях к северо-западу от Хоби, под Питерсбергом. Он понятия не имел, почему закусочная называлась именно «Даллас» - здесь не было ни тexasского декора, ни тexasской же кухни. Она была похожа на сотню других алюминиевых забегаловок, оставшихся ещё с сороковых или пятидесятих годов, только состояние было похуже.

На десерт был черничный пирог – Карл купил Рику поесть.

– Наименьшее, чем я могу отблагодарить за спасение моей жизни, – сказал парень. – Кроме того, здесь мы должны встретиться с моим отцом.

Всё это было час назад. Карл больше ничего не говорил, и обедали они в тишине. Рик понял, что парень не особо печалится из-за смерти Джуниора Фили. Выражение его лица практически не менялось – всё то же безразличие, с которым Рик его впервые увидел.

Он даже не изменился в лице, когда на парковку заехал тёмно-синий пикап. Карл просто ткнул пальцем и сказал:

– Вот и папа.

Отец Карла вошёл в закусочную один, хоть Рик и заметил другого человека в машине.

– Рип Уизерс, – сказал мужчина, подойдя к столу и пожав руку Рику.

Затем он сел рядом с сыном.

– Мой мальчик сказал, что ты спас его задницу, – сказал Уизерс, исподлобья глядя на Рика.

Это был плотный мужчина, примерно шесть футов ростом, и он носил коричневую куртку и красную шерстяную кепку. На его румяных щеках росла аккуратно подстриженная борода.

– Я лишь толкнул его вниз, когда началась пальба, – сказал Рик.

– Он перепрыгнул через стол и сделал это, – сказал Карл так воодушевлённо, как только мог, по мнению Рика. – Меня бы точно пристрелили.

– В таком случае я очень благодарен тебе, – сказал Уизерс. – Карл – мой единственный ребёнок.

– Что ж, всегда пожалуйста, – ответил Рик, надеясь, что выглядит смущённым.

– Карл говорит, что тебе нужна помощь. Ты с правительством вроде как не в ладах?

– Можно и так сказать, да. Есть люди, которые, мягко говоря, хотели бы со мной побеседовать.

– Ты в розыске.

– Да. Я говорил Джуниору, что ищу людей... единомышленников. Место, где можно скрыться от преследователей, и возможно, я мог бы оказать помощь в необходимых делах. Помощь в борьбе.

– И зовут тебя...

– Гай Адамс. Это теперь моё имя.

– А как звали *тогда*?

Рик покачал головой:

– Нет, извини. Я поклялся Яхве, что никогда не назову это имя и никогда его не использую. Это имя мне дало СОП, но теперь оно мертво, как и тот человек. Я – Гай Адамс, и это всё, что нужно знать.

– Вот что я скажу тебе, Гай Адамс, – сказал Уизерс. – Кое-кто делает то, что сделал ты, когда начинается стрельба. Кое-кто с такой подготовкой, что остаётся два варианта. Первый: это хороший, храбрый, натренированный солдат, увидевший мальчишку в беде и решивший помочь, не думая о себе. Второй: это федерал. Коп, парень из ФБР, или же промышленный шпион, или кого там ещё так тренируют. И кто же вы, мистер Адамс?

Рик сделал своё лицо жёстким, как у Генри Фонда в фильме «Грозди гнева», и встал.

– Я скажу вам, мистер Уизерс, кто я такой. Я – уходящий. Спасибо за еду, сынок. Рад, что помог тебе.

Он вышел на стоянку, направляясь к дороге на Хоби, но его догнал Уизерс.

– Эй, подожди, всего одну минутку.

– Мне не нужно это дерьмо, – бросил Рик. Меня этим кормили с того возраста, когда я сам ходить научился. И я больше этого не хочу ни от тебя, ни от кого-то, кто возомнил себе, будто знает, что я чувствую...

– Проклятье, ну ладно!

Он схватил Рика и развернул к себе.

– Послушай меня всего минуту, *Адамс*! Ты знаешь, каково это – отвечать за дюжину человек? Ты хоть представляешь, насколько я должен быть уверен в человеке, чтобы взять его в группу, показать ему, где мы живём и работаем, посвятить его в наши планы? Я должен верить, что этот человек – наш *брат*, парень! Я должен отвергнуть самую тень сомнения в том, что это настоящий патриот, сын Америки, которая однажды станет свободной! Так что не показывай мне тут, какой ты весь обиженный, когда я пытаюсь сохранить жизни своих людей!

Закончив тираду, Уизерс тяжело дышал, и Рик понял, что сочувствовать этому человеку и уважать его удивительно легко. Рик лишь играл роль, а страстная речь Уизерса заставила его поверить в свою же легенду. Он видел, до чего довёл этого человека, и в результате этого Рик с лёгкостью и почти искренне пробормотал: «Извини».

– Ну ладно, – сказал Уизерс, успокоившись, – я на самом деле очень благодарен тебе за спасение сына. И я хочу тебе помочь. Я верю, что ты славный, и что ты не врешь, но я не решаю это в одиночку. Есть и другие люди, с которыми я должен поговорить. Если ты ещё заинтересован в этом...

– Заинтересован, – кивнул Рик.

– Сейчас Карл подвезёт тебя до Хоби. Завтра в О-Клэр пройдёт фестиваль Белого Христианского братства. Будь там. Там будет выступать группа «Shock Troops», хотя название они сами пишут по-своему, как идиоты. Басист – один из наших. Подойдешь к нему и представишься. Он кивнёт, если тебя приняли, и покачает головой, если нет – это уже как иы решим. Если нет – мы больше не увидимся. Если да – он подберёт тебя после фестиваля и отвезёт к нам. Но если тебя *примут* – ты один из нас, и не сможешь покинуть лагерь. Ты – солдат. Есть проблемы с этим?

– Нет. Есть проблемы с тем, как добраться до О-Клэр. Туда ехать примерно сто пятьдесят миль, а машины у меня нет

– Тогда, думаю, нужно узнать, как у тебя с деньгами. Есть деньги?

– Примерно двадцатка, – пожал плечами Рик. – Я справлюсь.

– Уверен, что справишься. В этой стране можно рассчитывать только на себя, друг мой.

Рик цинично усмехнулся:

– Если только твоя шкура не белая.

– Аминь. Да хранит тебя Яхве.

– Сохранит. Как и тебя с сыном.

Уизерс пошёл обратно к Карлу, который стоял в нескольких ярдах позади отца, слушая разговор. Мужчина сказал сыну несколько слов; Рик не расслышал, что именно он сказал. Потом Уизерс сел в пикап и уехал. Карл улыбнулся и кивком головы указал на тёмный седан.

Они поехали в Хоби, и Карл спросил Рика, где его посадить.

– Неважно. Где-то на окраине, наверное.

– Серьёзно, Гай, ещё раз тебе спасибо, – сказал Карл, когда Рик вышел из машины. – Ты на самом деле рискнул своей жизнью, и я ценю это. Если я могу тебе чем-то помочь – только скажи.

Рик улыбнулся:

– Ты мог бы замолвить за меня словечко перед отцом.

– Сделаем. Надеюсь, ещё увидимся. Да хранит тебя Яхве.

Он уехал, оставив Рика на улице.

Первое, что решил сделать Рик – посидеть на скамейке и подумать о следующем шаге. Лучшей идеей казалось поймать такси и поехать на парковку, где он оставил свой автомобиль, а затем отправиться домой и хорошенько выспаться. Он мог бы рано утром выехать в О-Клэр, оставить машину подальше от фестивальной площадки и дальше доехать автостопом.

Но когда он встал, то заметил отражение знакомой фигуры в витрине.

На противоположной стороне улицы стоял Карл Уизерс. Он передвигался незаметно, и единственное, что понял Рик – то, что Карл не хотел быть замеченным. Чтобы проверить эту теорию, Рик медленно повернулся к Карлу, и боковым зрением успел увидеть, что парень спрятался за припаркованной машиной.

Было очевидно, что Рип Уизерс сказал своему сыну: *«Иди за ним. Смотри, куда он пойдёт. Не позволяй ему заметить тебя»*. Вот паренёк и вернулся пешком, оставив за углом машину.

Рик поблагодарил Бога (или Яхве, как он с горечью подумал) за то, что он заметил парня. Не случись этого, в следующую же минуту Карл увидел бы, как он ловит такси, а это странный ход для человека без гроша в кармане. И если бы Карл последовал за ним, он раскусил бы Рика ещё до того, как тот подошёл бы к машине и отправился к своему деревянному домику в пригороде. И тогда Рик очень повезло бы, если бы за ним не отправили команду убийц, как к очередному лживому агенту ZOG.

Но вместо всего этого он увидел то, что должен был сделать Гай Адамс. Рик медленно направился в бедный район, пытаясь найти чистую и дешёвую гостиницу. Он останавливался перед каждой из них, оценивая их вид, как сделал бы любой человек – в том числе и Гай Адамс. В конце концов он остановился на гостинице «Эксельсиор», состоявшей из трёх потрёпанных домиков

Рик подписался как Гай Адамс и указал адрес в Сент-Поле. Впрочем, ему показалось, что служащему, который не спрашивал его документы, было наплевать. Номер стоил восемнадцать долларов, и Рик рассчитался наличными. Когда он попросил номер с видом на улицу, служащий странно посмотрел на него, но просьбу выполнил.

Комната оказалась такой, какой и ожидал её увидеть Рик: грязноватая постель с чистыми, но серого цвета простынями, старый комод, открытый шкаф без вешалки. Тонкое белое полотенце и мочалка были сложены у изножья кровати. Общая ванная находилась через холл.

Но Рика интересовало не то, что есть внутри номера, а то, что происходит снаружи. Он выключил свет, подошёл к окну и посмотрел на темнеющую улицу.

Карл Уизерс был там – он стоял напротив и неуверенно смотрел на «Эксельсиор». Некоторое время он ходил взад-вперёд, затем, кажется, собрался с мыслями и пошёл по улице тем путём, каким пришёл Рик.

Рик усмехнулся. Он надеялся, что прошёл проверку. Но теперь ему нужно было связаться с Нэнси, сказать ей, где он находится и куда направляется – по крайней мере, лишь то, что сам знал. Он спустился по лестнице и вышел на улицу. Карла Уизерса нигде не было видно, но Рик всё равно решил пройти пешком несколько кварталов, пока не убедился, что его не преследуют.

Рик нашёл таксофон и позвонил Нэнси.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Когда зазвонил телефон, Нэнси подняла трубку и расплакалась от облегчения, услышав голос Рика. Она пыталась отговорить его от посещения оружейной выставки, но он даже слушать не стал. Услышав в новостях о перестрелке, Нэнси кинулась звонить в полицию, но ей лишь сказали, что сообщат, если её мужа найдут среди раненых.

Она оставила Карен у соседей и поехала к гостинице «Холидэй», но всё вокруг было огорожено полицейскими заграждениями, внутрь никого не впускали. Поэтому ей пришлось уехать домой и ждать, когда ей позвонят и скажут, что её муж мёртв.

И вот он объявился – целый и невредимый, и она была настолько счастлива его слышать, что несколько секунд не могла подобрать подходящее слово. Он заверил её в том, что он жив и в полном порядке – кроме того, что оказался в месте стрельбы.

– О Боже, – сказала она, – я так рада, что с тобой всё хорошо, так рада... Рик, когда ты будешь дома?

– Я не смогу, и довольно долго.

– Что?

– Поэтому я и звоню – чтобы ты знала. И чтобы не волновалась. Я думаю, что почти добрался до них – до тех, кто установил взрывчатку. Кого убили первым? Этого Фили, да? Думаю, он был в этом замешан. Это те «Сыновья свободной Америки», о которых на радио говорил Уилсон Барнс.

– Но откуда ты это знаешь? Как ты можешь быть уверен, что это они сделали те бомбы?

– Я... просто знаю, – сказал Рик, и по его голосу она поняла, что он что-то не договаривает. – Поверь мне.

– И ты... *встречался* с этими людьми? Почему ты не позвонил в полицию? Просто позвони в полицию и скажи *им*, пусть *они* этим занимаются!

– Я не могу. Я ещё не настолько близко к ним подобрался. Но ещё доберусь, всё разузнаю, и *тогда* я сдам их – всех до единого.

– О, Рик, прошу, не делай этого, это слишком опасно.

– Я должен. Всё будет хорошо. Я буду осторожен.

– Как можно быть осторожным с такими людьми?! – закричала она в трубку. – Они же *убийцы*! Они детей убивают! Так почему они не смогут убить тебя, не колеблясь?

– Прости, Нэнси. Я должен. Я свяжусь с тобой, как только смогу, но не поднимай тревогу, если пару дней от меня не будет вестей.

– Пару *дней*? Рик, нельзя...

– Пока. Обними за меня Карен.

На другом конце провода что-то щёлкнуло, и наступила тишина – глубокая, как пещера, и чёрная, как смерть.

И Нэнси заплакала. Заплакала так громко, что Карен вышла из обустроенной в подвале гостиной и спросила, что не так, и не было ли новостей от папы. Маленькой девочке было непросто так говорить, ведь она всегда называла его «дядя Рик».

– С ним всё в порядке, милая, – сказала Нэнси, обнимая её. – Я только что с ним разговаривала, он в порядке, и просил тебя крепко обнять.

Она вытерла слёзы и посмотрела в глаза Карен.

– Его ещё несколько дней не будет. У него дела.

– Почему же ты плачешь, мама?

– Просто... скучаю очень, вот и всё. Я волнуюсь, когда его нет.

– Не переживай, – сказала девочка, снова обнимая маму. – С ним всё хорошо.

Нэнси кивнула и улыбнулась:

– Конечно. Конечно, да.

Карен снова отправилась в подвал, чтобы досмотреть какое-то телешоу. Нэнси просидела ещё минуту, затем надела пальто и вышла на улицу – в холодный ноябрьский вечер. Внутри всё болело – и от страха за Рика, и от подозрения, что он её на самом деле не любит.

Она знала, что это будет очень непросто – она поняла это в тот же миг, когда её впервые посетила мысль о том, чтобы выйти замуж за Рика. Такие, как он, любят лишь одну женщину – и для него такой была Эми. У неё самой с браком не ладилось, и она завидовала браку Эми – белой завистью, разумеется, и она никогда не желала разрушить это.

Когда Эми погибла, и Рик остался один – вполне естественно, что ей пришло в голову сойтись с ним. Он казался таким грустным, таким одиноким, и она разделяла его скорбь – всё же Эми была её лучшей подругой. И чем больше времени они проводили вместе, тем больше Нэнси понимала, что она любила Рика годами, любила за его доброту к ней и Карен, за всё внимание, которое он уделял Эми, и за то, что он был отличным мужем и хорошим человеком.

Она увидела этого человека, испытывающего сильную боль, и это заставило её отбросить все убеждения о приличиях, о том, сколько времени положено оплакивать подругу и жену – если кто-то вообще до сих пор следовал таким предписаниям. Словно две лодки, дрейфующие навстречу друг другу, они столкнулись и сделали друг друга ещё сильнее.

Но её ошибка заключалась в том, что она думала, будто у них было с Риком много общего – а ведь с Эми общего у них было больше. Её память они чтити, её потеря объединила их, и её Рик до сих пор любил. И не перестанет любить.

Ради чего ещё он рисковал бы своей жизнью и своей семьёй? Разве для него ничего не значит то, что у него теперь есть жена и дочь – ребёнок, которого он так давно хотел? Нэнси дала ему это, и могла бы родить ещё больше детей. Но он готов был отказаться от всего этого – как и от своей жизни – чтобы отомстить тем, кого лучше оставить закону.

Он собирался умереть. Нэнси знала это. Он хотел умереть, и снова оставить её с Карен одних. Ему плевать. Он не любил её. Он любил Эми, которая уже была мертва, и единственное, что сделало бы его счастливым – умереть самому.

Нэнси плакала, и её слёзы были холодными от ночного воздуха.

– Кто-то шныряет за нами. У кого-то есть наш номер.

Рип Уизерс посмотрел на остальных присутствующих. Совет становился меньше.

Сначала Уилл Стендиш оказался предателем и должен был сдохнуть, но в процессе погиб и Санни. А теперь какая-то сучка разнесла Джуниора и едва не убила сына Рипа.

И кто остался? Рей, да возлюбит Яхве его бедную тупую душу, Паудер Бёрнс, Чип Портер и Эйс Людвиг, который стал заведовать арсеналом после смерти Санни.

– Всё началось с ублюдка Уилсона Барнса, – сказал Рип. – Всё, что он сделал – просто назвал наше имя, и теперь мыдохнем, как мухи.

– И он сказал его какой-то грёбаной женщине, – добавил Паудер. – Какая-то *тёлка* заставила его всех нас спалить.

– И какая-то тёлка пристрелила Джуниора, – сказал Рип. – Разве не ты, Паудер, сказал, что не веришь в нашу Чудо-Женщину? Что ж, самое время поверить. Я ни на миг не удивлюсь, если эта же манда грохнула ещё и Санни с мамой Уилла.

– И ты веришь в эту хрень – типа в неё стреляют, а ей хоть бы хны? – уже не так задиристо спросил Паудер.

– Нет. Я считаю, что там была кучка обделавшихся в панике стрелков, которые стреляли во всё, что движется – именно поэтому там так много пострадавших. Карл рассказывал, что там просто дурдом был какой-то, но он не видел, чтобы в неё попали хоть раз. Ушлёпки просто промахивались, и всё. Сами знаете, как люди действуют, когда паникуют. Поэтому мы и

ужесточаем дисциплину. Но она пришла за Джуниором, несомненно. Его она пристрелила первым, и сделала это жёстко.

Раздался телефонный звонок, и Рип поднял трубку.

– Да? Не выходил... Сколько ты прождал?.. Ладно, возвращайся.

Повесив трубку, Рип снова обвёл взглядом остальных.

– Возможно, одна хорошая вещь в этом есть – тот парень спас жизнь Карлу.

Рип рассказал остальным о Гае Адамсе, о его таинственном прошлом, и о том, как велел Карлу за ним следить.

– Кажется, он подходит нам. Я велел ему приехать на фестиваль в О-Клэр завтра. Чип, в конце дня он к тебе подойдёт. Просто кивни ему в знак согласия и привези сюда. Но не говори ничего важного, вообще ничего о «Сыновьях». И убедись, что за тобой не следят – проверь его на датчики и прочее дерьмо, если придётся – даже в задницу к нему залезь. Я доверяю этому парню в достаточной мере, чтобы привезти его сюда и проверить его искренность. Нам может пригодиться новый боец. Итак, все со мной согласны?

Мужчины кивнули.

– Да, да, – сказал Паудер. – Но как насчёт этой сучки? Откуда, чёрт возьми, она знает, кто мы такие? Барнс никого, кроме тебя, не знал, Рип.

– Ты прав. И даже имени моего он не знал. Нет, я думаю, что она узнала всё от Уилла или Санни.

– Санни *никогда* не сдал бы нас, – сказал Паудер. – Он ровный парень был. А вот Уилл точно был предателем-членососом. Это *определённо* он.

Рип кивнул:

– Наверное, он назвал ей пару имён перед смертью. Имя Джуниора точно назвал.

– Но *кто* она? – спросил Чип Портер. – Чокнутая мамаша, как ты говорил, Рип? Мстить собралась, что ли?

– Нет. Маленькая мамаша не взяла бы Санни ножом или застрелить Джуниора, а потом пробить себе дорогу с той выставки. Эта сука – профессионал. Штурмовой отряд правительства из одной женщины. Готов поспорить, на неё ничего не найдётся, если её поймают или убьют. Чёртова машина для убийств, и всё. Одна из шлюх Клинтона.

– Сама Хиллари! – заржал Паудер, но никто его не поддержал. – Так что мы с ней делать будем?

– Следить за собой, вот что. Это одиночка – *как* мы можем что-то делать, кроме как ждать, пока она придёт за одним из нас? Но на вашем месте, ребята, я бы не стал снимать странных цыпочек.

– Но я скажу, что мы *можем* сделать – что я *хочу* сделать.

Рип выдержал паузу для драматизма, глядя на каждого в комнате.

– Мы можем изменить расписание, чтобы устроить большой взрыв. На следующей неделе.

Мужчины переглянулись. Кто-то глубоко вдохнул.

– Мы готовы к этому? – спросил Чип.

– Можем подготовиться. Да, Паудер?

Паудер Бёрнс кивнул.

– Я вижу это так, – продолжил Рип. – Если они думают, что добьются до нас, то ожидают, что мы ляжем на дно, будем тише воды, ниже травы, не делать ничего и бояться, что нас накроют. И это подходящий момент для удара. Сделаем это быстро и жестоко. Это расплата за убийство и потерю наших ребят.

– Я понял, – сказал Эйс Людвиг, и Рип увидел в его глазах жажду борьбы. – Они бросили нам хренову перчатку, и мы её поднимем и вмажем этой перчаткой прямо по роже?

– Точно.

– На когда планируем? – спросил Чип.

Рип посмотрел на Паудера:

– Когда будешь готов?

– Так, сегодня суббота... – Паудер задумался, затем медленно кивнул. – Вторник.

– Блин, *этот* вторник? – сказал Чип.

– Да. Этот вторник. Взрывчатки хватает, нужно только всё собрать, но правильно, сечёшь? Нужно время.

– Отстрел птиц назначен на понедельник, – сказал Эйс. – Хочешь отменить?

– Нет, пусть будет. Пусть мужики развлекутся. Скажем им об этом после охоты.

Рип не сомневался, что всем понравится эта новость. Все знали о планах, но теперь этот день почти настал. Это была идеальная цель, занятая многими злодеями, угрожавшими «Сыновьям свободной Америки»: управление ФБР, местный офис борцов за гражданские права, Центр развития малого бизнеса, и штаб Бюро по контролю оборота алкоголя, табачных изделий и оружия.

Всё это в Хоби – Федеральное здание Флойда Б. Олсона – и четыреста пятьдесят госслужащих в нём – было прекрасной целью.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

На следующее утро все четыреста парковочных мест Пограничной Ярмарочной площади были заняты. Люди оставляли свои машины на соседних полях и вдоль дороги, а Рита и Билли Джо Уайты – организаторы фестиваля Белого Христианского Братства, на чьей вывеске было написано «Уайты за белых», благодарили своего белого христианского Бога за многочисленную публику.

Они долго и упорно искали место, где они могли бы собираться со своими единомышленниками, разделяющими их убеждения, и Пограничная Ярмарочная площадь была частной собственностью: не было ни городских советов, ни каких-либо контор, способных отказать им в данных Господом правах. Человек, которому принадлежала торговая площадь, просто сказал, что если Билли Джо и Рита заплатят ему и никого не убьют, то это место в их распоряжении на целых два дня и две ночи.

Хоть это и не было тем, что выбрала Рита, но помещения здесь были весьма функциональны: было электрическое отопление, стены и крыши из рифлёной жести и хорошие бетонные полы. Правда, жечь местами поржавела, и судя по тому, что на полу были лужи, крыши наверняка прохудились во многих местах. Но слава Богу, что небо перестало плеваться холодным дьявольским дождём, и весь день обещал быть ярким и солнечным. Посетителям придётся лишь обходить лужи, вот и всё.

Некоторые продавцы прибыли прошлой ночью, другие же приехали на следующее утро, между четырьмя и восемью часами. Многие «ранние пташки» привезли с собой спальные мешки и спали в них на полу, как и большинство посетителей.

В первом и наибольшем здании располагался зал собраний. Здесь докладчики зачитывали бы речи, а вечером здесь будут выступать приглашённые музыканты. Здесь могла поместиться тысяча человек, и Билли Джо с Ритой ожидали, что за день он будет полон.

Второе здание – выставочный зал, где располагаются торговцы. Здесь можно продавать всё, кроме оружия, на которое Уайты не могли получить разрешение. Однако это было к лучшему, так как недавнюю оружейную выставку в Хоби посетил сам дьявол, приняв на этот раз облик женщины.

Риту это несколько не удивило. Она всегда говорила, что оружие и полуобнажённые женщины – сатанинская смесь, и по этой причине Рита всегда сопровождала Билли Джо, когда тот посещал оружейные выставки – она составляла ему компанию, а заодно держала его подальше от шлюх, работающих в тех павильонах. В руках слуг Господних оружие может быть

настоящим благословением, но Рита не могла понять, почему его (вместе со своей грудью) должны демонстрировать всякие развратные особы.

Хоть оружия на фестивале и не было, здесь можно было найти кучу книг о нём, как и книги о чистом христианстве (никакой либеральной чуши вроде Билли Грэма, как сказала Рита), об опасностях расового смешения и педерастии, *Протоколы Сионских старейшин*. На многих столах можно было найти *Дневники Тёрнера* – вторая любимая книга Билли Джо Уайта после Библии. Рита пыталась её прочитать, но ей не понравилось всё описанное насилие.

В восемь часов утра Рита и Билли Джо расхаживали по коридорам выставочного зала, приветствуя всех своих друзей и множество незнакомцев, которых они тоже были рады видеть как Белых Братьев и Сестёр-Христиан. Билли Джо по такому случаю сменил привычный камуфляж на выглаженный тёмно-зелёный костюм. Единственное, что выдавало в нём связь с ополчением – оливковый берет и галстук с крестом и американским флагом. Рита заметила, что его серебристая борода была аккуратно подстрижена – как и волосы в носу.

Рита надела платье с широкой юбкой в сборку, широкими же рукавами, кружевной отделкой и корсажем, который показался ей тесноватым, но ни Билли Джо, ни любой другой истинный американец не смог бы удержаться от комплимента в её адрес. Волосы были собраны в мягкую корону, к которой и хотелось прикоснуться, и в то же время этого делать было нельзя, словно её может разрушить одно дыхание. Впрочем, Рита не переживала: она потратила изрядное количество лака для волос.

Задолго до того, как Билли Джо завёл милую беседу с мужчиной, продающим нацистскую символику и книги, «разоблачающие» Холокост, Рита «сбежала» к женщине, сидевшей с мужем в павильончике, где вербовали новых членов Ку-Клукс-Клана. Здесь было полно таких кабинок, где представлялись различные движения ополченцев, наименования церквей и группировки, выступающие за превосходство белых, но и это было далеко не всё.

Футболки, наклейки, кепки – всего этого здесь было превеликое множество, и на всех были высказывания против правительства и против нечистокровных. Большинство из них здесь были, кажется, целую вечность, и уже не казались Рите смешными, но одну она раньше не видела. Это была футболка, на которой крючконосый человек был повешен на логотипе Nike. Девиз был тот же – «Просто сделай это», но надпись NIKE была заменена на KIKE. Рита улыбнулась. Билли Джо купил одну такую, но послание не было во вкусе Риты: футболкам она предпочитала рубашки на пуговицах.

Были кабинки с компьютерами, в которых обучали настройке собственного веб-сайта (сайтом Билли Джо и Риты занимался её племянник – она в компьютерах ничего не понимала), а также множество кабинок, где продавались диски и кассеты, на которых были как старомодные хвалебные песни о стране белой силы, так и новая музыка скинхедов.

Рита удивилась, увидев больше скинхедов, чем обычно. Ей не нравилось то, как они одевались, и музыка у них была просто ужасной, но они всегда были милыми и вежливыми с ней и с Билли Джо, и очень большое количество настоящих патриотов начинали именно как скинхеды. Они ввязывались в драки, да, но это было между собой, с неграми или с содомитами, так что всё было нормально. Мальчики есть мальчики.

Короткий визг из колонок заставил прикрыть уши и повернуться к сцене в конце выставочного зала. Целый день там должны были выступить малоизвестные группы, чтобы развлекать торговцев и покупателей. Каждый получал бюллетень со списком групп и мог проголосовать за того, кто ему понравился; победитель сможет выступить на разогреве у Wild White West – известной на всю страну кантри-рок-группы, которая закрывает фестиваль.

Готовился первый конкурсант. Рита заметила банджо и мандолину. Ей не хотелось пропускать это, но на часах уже было без четверти девять, и воскресная утренняя служба начнётся всего через пятнадцать минут. Затем во всём зале стало тише, и Рита посмотрела на главный вход, чтобы увидеть пришедших.

Большинство посетительниц были со своими мужьями или парнями, но было и несколько одиноких женщин. Это были преимущественно деревенские девушки с непростым характером. Не то чтобы в них не было ничего *забавного*, как в тех жутких особах с телевидения... Мужчины обратят на них внимание – как и сказано в Библии, рано или поздно все проклятые гомики отправятся в ад, где будут гореть вместе с жидами и Клинтонами.

И всё же Рита Уайт не думала, что видела раньше женщину, которая в полном одиночестве вошла через главную дверь. Она была в чёрной одежде, как мотоциклистка, и на неё были очки – достаточно тёмные, чтобы скрыть её глаза. Она не была одной из скинхедов – не тот возраст – но всё же имела схожую развязность.

Многие смотрели на неё, но она этого будто не замечала. Один из скинхедов, примерно лет на десять младше неё, подошёл и завёл разговор. Рита не слышала, о чём речь, но поняла основной смысл по исчезнувшей с лица уходящего парня ухмылке и покрасневшим щекам.

– Что бы он ни толкал, – сказала она Билли Джо, который тоже видел эту картину, – она не купилась.

Что же, у Риты больше не было времени, чтобы разглядывать всяких щенков, пытающихся очаровать загадочную даму. Уже было почти девять, и она не хотела пропустить проповедь преподобного Джонни Харкинса. Он очень хорошо знал Библию.

Эми думала, что если трейлер Дороти Стендиш был местом, где рождаются монстры, то это был колледж, где их учат. Больше всего её поразила мнимая нормальность людей, гуляющих по узким проходам, и сидевших за столами продавцов ненависти. Ей казалось, что она попала на выставку рукоделия, которая проводилась в Хоби в июне.

Люди улыбались и радовались, смеялись, приветствовали друг друга, обнимались при встрече и пожимали руки, словно страховой агент, пытающийся удвоить выплату. Кто-то был с детьми. Мальчики и девочки лет пяти-шести были одеты в футболки с тошнотворными словами ненависти и белые шапочки с расистской символикой. На некоторых даже была нарисована свастика.

Преимущественно все дети казались послушными, но Эми увидела кое-что заставившее её содрогнуться. Родители шли по проходу, а их дочь детсадовского возраста плелась за ними. Мать подтянула её и дала такой подзатыльник, что девочка упала на колени в одну из луж на полу.

Она немедленно подпрыгнула и ударила свою мать в грудь так сильно, как только смогла. Та схватила ребёнка за длинные волосы и потащила к отцу, которого всё это явно сбilo с толку. Девочка разрыдалась, мать её отпустила, и она побежала к выходу. Отец последовал за ней, а следом побежала мать, покачивая головой.

– Вот так, – бросил ей вслед какой-то мужчина. – Нельзя их не бить. Правильно воспитывай!

Затем он ухмыльнулся и снова повернулся к торговцу съестными припасами, с которым беседовал.

Боже, неудивительно, что ребёнок ответил ударом на удар – её ведь учат, что так нужно делать, когда тебя злят. Эми хотела выбежать на улицу и показать женщине, что такое настоящий удар, хотела избить её и тупого муженька-реднека так, что их шеи треснули бы, а тупые мозги размазались бы по тротуару.

Но она сдержалась. Она здесь ради *своих* детей, а не ради бедных маленьких созданий, чья судьба – вырасти и стать животными, в которых их

превращали собственные родители. И теми, против кого Эми борется – полными ненависти уродами.

«Эти *родители* не заслуживают того, чтобы так называться», думала она. «Это лишь чудовища, выращивающие себе подобных».

Эми читала, что в Таиланде родители иногда заставляли своих детей заниматься проституцией, и правительство, которое наверняка получало прибыль от секс-туризма, одобряло это. Эми присоединилась к бойкоту, не покупая товары из Таиланда, пока тамошнее правительство не сделает что-то, чтобы остановить это ужасное явление.

Но оказывается, что Таиланд – не единственная страна, в которой родители делают со своими детьми то, о чём и говорить не хочется. Если бы в желудке у Эми что-то было, её мгновенно стошнило бы.

Но она не ела и не спала с момента своего возвращения в этот мир. Её голод утолила бы только месть, и единственный сон для неё – бесконечный покой, который принесёт смерть убийц не только её душе, но и душам её детей.

Сегодня у неё была возможность накормить то пламя возмездия, которое будет бушевать у неё внутри, пока она не найдёт ответственных за случившееся – Паудера Бёрнса, Рипа Уизерса и прочих, которые помогали им, поддерживали их, были сыном извращённой «свободной» Америки. И тогда она позволит этому огню расти, пока он не поглотит их вместе с ней в одной вспышке белого света.

Однако сегодня была очередь Чипа, Чипа Портера из группы Shockrtupz. И как только она его найдёт – начнётся настоящий рок-н-ролл.

Однако, как поняла Эми, сначала нужно было заплатить и помолиться – в здании, куда она вошла, начиналась воскресная служба. Она сомневалась, что найдёт хоть одну зацепку, ведущую к «Сыновьям свободной Америки», в речах ораторов, но она не могла целый день обходить все павильоны. Кроме того, её тошнило от этих будок после той выставки, и если кто-то из её посетителей сегодня был здесь – они были последними, кому Эми хотела бы попасться на глаза. Выглядит она по-другому, но обстановка весьма похожая.

Конечно, была огромная разница между рыжей девчонкой в чёрной кожаной куртке, шортах и топе, и брюнеткой в одежде из джинсовой ткани – даже если она была настолько тёмного оттенка синего, что казалась почти чёрной. Наверное, жена Левинсона переросла моду на джинсы – и для Эми это было даже к лучшему, потому что ей было необходимо заменить свою изорванную чёрную одежду. Под курткой у неё была коричневая блузка, и

это придавало ей уверенности в том, что этот наряд не будет испорчен пулями. Не сегодня.

Принимая близко к сердцу сказанное Левинсоном, Эми твёрдо решила, что на этот раз пальбы не будет. К её лодыжке был пристёгнут нож, и она воспользуется им, чтобы убить Чипа Портера, если не придумает способ получше.

Затем Рита Уайт, основательница этого праздника ненависти, представила преподобного Джонни Харкинса из Церкви Белого Христианского братства. Харкинсу идеально подходила ряса тёмно-розового цвета, но его причёска напомнила Эми побитого броненосца.

Харкинс прочитал молитву о всеобщем мире, которая казалась довольно-таки благочестивой, пока он не добавил, что хотел бы увидеть этот мир как результат уничтожения всех рас, кроме белой, и всех религий, кроме веры в Бога. Также он помолился о скорейшем уничтожении гомосексуалистов, предателей расы, тиранов, которыми он назвал либералов, и лидеров, создающих любые закон, кроме библейских законов Моисея.

Затем он попросил о пожертвованиях. Собственно, Эми была не в том настроении, чтобы что-то отдавать. Но ей всё же пришлось перебороть себя и положить на поднос доллар.

Окончив молитвы, добрый преподобный зачитал проповедь – воодушевлённо, но всегда осторожно, не призывая слушателей к настоящему насилию. «Чтобы не нашлось среди нас людей не Божьих, но слуг Сатаны, которые пойдут к властям, как трусливые евреи, как те, кто ненавидели Иисуса и несли против него ложную мудрость к властям в то время».

«Да», подумала Эми. «Когда это доберётся до тебя, приятель, поставь меня на сторону дьявола. Но не волнуйся, я тебя не сдам – я не могу позволить прикончить тебя кому-то другому».

Проповедь закончилась, и прихожане начали петь гимн, который, казалось, знаком всем, но Эми его слышала впервые. Последние строчки гласили:

*С помощью Твоей мы примем бой
И сделаем дом наш белой землёй.
Так сохрани же воинов Твоих –
Справедливых, белых и святых.*

Эми не могла избавиться от удивления, вызванного тем, что в мире существовали люди, которые верили в такие вещи, которые так ненавидели, использовавшие такую жизненно важную мощь, как вера, чтобы сделать

людей такими невежественными. Эми росла лютеранкой, и они с Риком регулярно посещали церковь. Но она впервые слышала, чтобы гимн любви использовали для оправдания ненависти. Как бы Эми ни пыталась, большего греха она представить не могла.

Это была та самая уверенность в правоте – абсолютной правоте – которая заставила убить её и её детей. Вот откуда всё это началось, и здесь всё закончится для Чипа Портера. Если смерть – цена греха, то сегодня день расплаты.

После окончания речи Харкинса вышел церковный квартет: двое мужчин в белых костюмах и две женщины в белых платьях. Они пели «белые» песни, которые очень напоминали традиционную «чёрную» манеру пения. Текст соответствовал ситуации – «мы все встанем вокруг большого белого трона и будем восхвалять великого белого Бога». Толпа снова была обрадована строчками из припева:

Смотри, как они горят (о да, Боже!)

Смотри, как они морщатся, извиваются и падают (о Боже!)

Ради дома нашего в небесах

Обратим этих грешников в прах.

И в ужасных адских огнях

Смотри, как они горят! (Хвала Богу!)

Эми слушала эти песни, слова, смех и восхваления какого-то тайного бога, в которого она не верила, и она начинала ненавидеть этих людей. Она забыла все уроки любви, а с ними и предостережения Дэвида Левинсона. Она собиралась прикончить Чипа Портера в каком-то тихом месте – за фургоном, или же за кулисами. Сказать ему, кто она такая, и вспороть глотку.

Но теперь она хотела показать всем, как платят за тёмные деяния.

Смотреть, как они горят... Что же, это вполне возможно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Рик Карлайл прибыл в О-Клэр после полудня. Он покинул гостиницу в шесть утра, потому что не мог проспать больше пары часов на этой жуткой кровати, а затем пешком отправился на окраину Хоби. Там он пытался поймать попутку – этого он не делал со времени своей учёбы в колледже. Рик не думал, что за ним следят, но всё же не рискнул воспользоваться своей машиной.

Ловить попутку казалось делом не таким простым, как в молодости. Пришлось пройти несколько миль, прежде чем его подобрал и подбросил до Сент-Пола водитель грузовика. До О-Клэра он добирался, поймав ещё несколько машин, и с каждым разом остановить их было труднее.

Но наконец-то он увидел знак торговой площадки и попросил водителя – бизнесмена из О-Клэр, возвращавшегося из Миннеаполиса – высадить его. Веселье водителя куда-то резко исчезло, и он стал каким-то напряжённым.

– Едете туда? На тот фестиваль?

– Да, сэр.

– Но вы не похожи на таких людей.

– Мне просто нужно встретиться кое с кем.

Мужчина кивнул, будто бы подумав, что Рик лжёт, и до самого конца пути выражение его лица было кислым. А ведь до этого момента они довольно мило беседовали.

Рик заплатил пять долларов за вход и получил значок Белого Христианского братства, которую ему велели носить постоянно:

– Он позволит вам входить в это здание, а также в соседнее, где речи провозглашают.

Сухопарый, костлявый кассир показался Рiku выходцем из Оклахомы.

– А этот бюллетень позволит вам проголосовать за лучшую группу из тех, что здесь выступают. И берегитесь луж.

Само место вызывало отвращение. Невежество и ненависть в этом металлическом хлеву можно было почувствовать наощупь. Впрочем, Рик всё же купил хот-дог – единственное, что он ел сегодня – и сел за пустой столик у закусочной.

На возвышенной сцене в другом конце зала играла кантри-группа, а вокруг них стояла дюжина слушателей. Слова было трудно разобрать из-за брэнчания гитар, и услышав пару строчек, Рик был рад, что не слышал всё остальное. Боже, ему следовало бы сдать весь этот сброд в полицию – или даже в лечебницу для душевнобольных.

Пережёвывая резиновый хот-дог, он читал бюллетень. Среди названий групп, записанных в алфавитном порядке, он увидел название *Shoktrupz*. Закончив со своим непростым обедом, Рик повернулся к призраку Тома Джоада³⁰ и спросил, не знает ли он, когда будет выступать эта группа. Мужчина показал на висевший на стене плакат, нарисованный от руки.

«Shoktrupz» должны были играть не раньше четырёх часов. Чёрт, ему придётся более трёх часов слушать это дерьмо или ходить в соседнее здание и слушать речи. Рик вздохнул и принялся бродить по проходам между столиками, пытаясь не разглядывать то, что там продавали.

Эми терпеливо сидела и всё слушала, позволяя музыке, молитвам, речам и проповедям клеймом жечь её и без того сожжённую душу, позволяя их ненависти пополнять её ненависть. Но в итоге она не могла больше это терпеть и должна была подышать свежим воздухом.

Она вышла на улицу и зашла за здание. За торговой площадкой находились акры фермерских угодий. Там, под облачным небом, на деревянном заборе, отделявшем поле с сухими стеблями кукурузы от построек, сидел Ворон.

Эми знала, что это её Ворон. Лёгкий прохладный ветерок, колыхавший кукурузу, заставлял её издавать звук, похожий на детский шёпот, но перья Ворона не шевелились. Он пристально смотрел на неё, и она медленно шла к нему, боясь спугнуть. Но она не думала, что сможет напугать его – Ворон не казался способным на страх.

Он скорее был похож на божественную тайну, которая не позволила бы смертным, в том числе и воскрешённым, подойти слишком близко, чтобы они не увидели, что скрывается за вуалью, не заглянули в разум... чей? Бога? Или чего-то ещё?

Но птица не улетела, когда Эми приблизилась к ней, и вскоре их разделяло лишь несколько футов.

– Это *Бог*? – осторожно спросила она, но Ворон даже не пошевелился. – Или это дьявол? Кто ты? Кто тебя послал? Кто наделил тебя силой, которую ты передал *мне*?

Ответа не было. Эми улыбнулась и процитировала:

– «Адский дух иль тварь земная»... Это ведь «Ворон» Эдгара По.

На какое-то мгновение она задумалась, вглядываясь в глубокие угольно-чёрные глаза Ворона.

– Адский дух иль тварь земная... Птица или дьявол, – повторила она. – Или птица... *и* дьявол.

³⁰ Главный герой фильма «Гроздь гнева», снятого по роману Джона Стейнбека.

Она прикоснулась к груди и сказала Ворону то, что раньше говорила, обращая свои молитвы к Богу:

– Веди меня, как угодно тебе.

Клюв Ворона медленно раскрылся, и Эми почти могла услышать слово или начало мысли в своей голове, когда что-то внезапно перелетело через её плечо и задело правое крыло Ворона. Тот взмыл в воздух чёрным мазком, затем исчез в кукурузе.

Эми резко повернула голову и увидела в десяти ярдах от себя скинхеда в длинном армейском плаще и с непокрытой головой. В руке он подбрасывал ещё один камень.

– Думал, он тебя клюнет, – сказал он, обнажив в ухмылке кривые зубы.
– А ещё подумал, что ты любишь, когда тебя клюют по-другому.

Она не ответила, но её лицо не выражало практически ничего – кроме лёгкого намёка на улыбку, адресованную приближающемуся глупцу.

– Видел, как ты уходила, – сказал скинхед, выбрасывая через плечо камень. – Похоже, что ты хотела немного прогуляться, и мне показалось, что тебе нужен хороший мужчина-ариец, чтобы составить компанию.

Он кивнул в сторону кукурузного поля, где исчез Ворон:

– Некоторая дичь может быть опасной.

– А мне нравится... дикая природа, – ответила Эми.

– Так и подумал. Ты не похожа на всех этих цыпочек, которые ждут свадьбы или, что-то вроде того. Похоже, что ты здесь ради веселья.

– Какого веселья? – спросила она, откинувшись на забор так развратно, как только могла, и тряхнув головой, чтобы её волосы сверкали в тусклом освещении.

– Ну, можно выбивать всё дерьмо из ниггеров и педиков – это довольно весело.

Его смех был почти самоуверенным, и это заинтриговало Эми.

– Но есть ещё веселье Адама-с-Евой. Это из Библии. И Песнь Соломона... типа, секс?

Эми кивнула:

– Люблю секс. Но ты, парень, не получишь его от всех этих святош, этих женщин в белом, застёгнутых на все пуговицы.

– Да, с этими вообще туго. Но увидев тебя, я понял, что здесь есть женщина, принимающая дарованное Господом тело и знающая, как с ним развлекаться – я прав?

Эми уже надоело это дерьмо. Она знала, что ей нужно и как это получить.

– Так ты целый день собираешься трещать, или хочешь трахаться?

Челюсть скинхеда отвисла, а затем он выдал ухмылку, которую наверняка считал соблазнительной.

– Трах – это звучит хорошо.

Эми кивком указала на поле:

– Я хочу заняться этим там.

– Что? – парень казался ошеломлённым. – Но там чертовски сыро... и холодно.

– Я тебя согрею. И мои соски *сильно* твердеют на холоде. И потом, стебли кукурузы уже высохли, их можно сломать. Сделать себе уютное гнёздышко.

Она облизнула губы и продолжила:

– Я хочу слышать, как они шуршат и трещат, пока мы делаем это... если только ты не боишься дикой природы.

Он фыркнул, смеясь.

– Чёрт, нет... – он оглянулся. – Но знаешь, у меня есть пикап...

– Забудь, – сказала Эми, проходя мимо него, направившись к постройкам. – Раз уж ты не мужик...

Он схватил её за руку и резким движением развернул к себе.

Открытое пространство – не так уж и хорошо, даже если никто не смотрит. Никогда не знаешь, кто сейчас выйдет из двери. А ведь этот урод был лишь лёгкой закуской перед основным блюдом, просто способ избавиться от доли той ненависти к этим святым монстрам и от разочарования, вызванного неспособностью что-либо с ними сделать.

– Я тебе покажу, кто тут мужик, малышка, – сказал он, скаля зубы, применяя обезьяньи штучки.

«Малышка? О Боже».

– Идём.

Он потащил её к забору, держа за руку, и помог перелезть через него, чтобы забраться на поле с кукурузными стеблями, которые были выше их. Потом они отошли подальше, чтобы их не увидели из зданий.

Земля была сырой, но холод сделал её твёрдой, распадающейся на комки.

Примерно через пятьдесят ярдов скинхед остановился.

– Нахер всю эту кукурузу, – сказал он, – и нахер тебя.

Он распахнул плащ и расстегнул ширинку, доставая свой член.

– Теперь становись на колени и работай.

Эми посмотрела на маленький и сморщенный пенис, торчащий из пальцев скинхеда, затем на его лицо, и спросила:

– Это от холода, или он у тебя всегда такой?

Он отвёл руку, чтобы ударить Эми, но она перехватила её и сжала, будто в тисках. Её старания были вознаграждены звуком ломающихся пальцев и пронзительным высоким писком.

Она мгновенно отпустила руку и ударила сразу двумя ладонями по губам скинхеда. Удар сбил парня с ног, и Эми запрыгнула на него сверху. Он рухнул с такой силой, что комья грязи разлетелись в разные стороны, минуя Эми. Она сидела на его животе, зажимая рот руками, и давила вниз, вгоняя бритую голову в густую грязь.

Он смотрел на неё, но она продолжала давить, и постепенно земля покрыла его затылок, уши, и уже доходила до висков, но вдруг за её спиной послышался треск кукурузы. Эми оглянулась и увидела Ворона, цепляющегося когтями за стебель, раскачивающийся на ветру. Но его перья не шевелились.

Эми снова посмотрела на лежавшего под ней человека и увидела, что его полные ужаса глаза смотрят на Ворона.

– Это всё началось тогда, когда ты впервые бросил камень в птицу, будучи маленьким мальчиком. И ты продолжал их бросать.

Затем она нажала в последний раз, и голова медленно ушла под землю. Грязь покрыла глаза, посыпалась в ноздри, и над землёй остались лишь запястья Эми.

Тело скинхеда билось в конвульсиях, но вскоре затихло окончательно. Вытащив руки и поднявшись, Эми увидела, как из члена, до сих пор торчащего из расстёгнутой ширинки, жалкой струйкой вытекает моча. Но и это закончилось, и скинхед лежал, распростёршись в грязи, с закопанной головой.

– Время сеять и время пожинать, – сказала Эми, глядя на Ворона. Он каркнул один раз, но Эми не услышала в этом звуке ничего – разве что победный крик, слегка окрашенный сожалением.

«Но почему сожаление?» подумала она.

Сожаление о том, кем когда-то был этот мертвец? Или об Эми, чьё сердце когда-то было полно любви, и которая теперь жила ради мести?

– Это же неважно, да? – спросила она у Ворона, и птица снова взлетела, направляясь к ярмарочной площади. Да, самое время вернуться – ей предстоит много работы. Она чувствовала усталость, но не физическую, а скорее духовную.

Ещё нужно много всего сделать. Многим нужно умереть. И она должна пройти ещё много миль, прежде чем она сможет выспаться.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Эми вытерла полый длинного плаща скинхеда пятнышки грязи на своей одежде, после чего пошла обратно через кукурузу. Снаружи был кран, и под ним она смыла грязь с ладоней и запястий. Никто не выходил за здание, пока она мыла руки, и ей в голову пришла мысль о том, что Господь всё-таки на её стороне. Что-то точно было. Возможно, это просто Ворон.

Она решила больше не слушать речи. Ей и так казалось, будто в каждое ухо сделали по инъекции стрихнина. Согласно расписанию, до выступления группы Чипа Портера, Shoktrupz, оставалось ещё полчаса. Она решила пойти и посмотреть на их приготовления.

Эми заметила Рика, как только вошла внутрь. Он стоял вполоборота к ней, но она видела его лицо сбоку. Её немедленной реакцией было восхищение, и она знала: бессмысленно отрицать тот факт, что она всё ещё его любит.

Но секунду спустя она зашла за доску, на которой один из торговцев развешивал кепки и кофты. В этом безопасном месте она подавила желание подойти к нему и позволила логике хищника взять верх, отвечая самой себе на очевидные вопросы.

Почему он здесь? Ей почти казалось, что он её преследует. Он каким-то образом вышел на Портера? Или же он просто ловил на живца, выискивая зацепки, как вчера?

Но О-Клэр был чертовски далеко, чтобы искать что-то методом тыка. Она разговаривала с Левинсоном о синхронности, и возможно, в этом и была причина. Возможно, что-то *хотело*, чтобы они были вместе.

Но Эми сразу же отвергла эту мысль. Никто не захотел бы, чтобы мертвец и живой человек были вместе дольше, чем... ну, чем нужно для того, что она делала – восстанавливала справедливость. Может, его привели сюда по другой причине – чтобы как-нибудь помочь Эми.

Она почти рассмеялась над своими рассуждениями. Она значительно изменилась, и значительность была просто космической, хоть она и считала поначалу, что это просто совпадение, хоть и захватывающее. Но это, разумеется, было до того, как её, разорванную на части, вернула к жизни большая чёрная птица. Что после такого могло показаться невозможным?

Эми продолжала прятаться за доской, притворяясь, будто её заинтересовала книга на религиозную тематику, стоявшая на соседнем стенде, пока не увидела, что Рик встаёт и направляется к сцене. Она вышла в проход и увидела, как он здоровается с парнем, чьи волосы лишь на четверть дюйма поднимались над кожей головы. На его шее висела бас-гитара, и Эми узнала его благодаря фотографии с сайта: это был Чип Портер.

Рик не пожимал ему руку – просто подошёл и что-то сказал. Портер кивнул головой и улыбнулся, после чего сказал несколько слов Рiku и жестом указал на стену, за которой находилась парковка. Рик добавил что-то ещё, развернулся и пошёл по проходу прямо к ней.

Эми скрылась за доской, перебежала в другой поход и ждала, пока не пройдёт Рик. Потом она пошла за ним, и когда он вышел на улицу, она досчитала до ста, и лишь после этого последовала за ним.

Он был уже далеко, направлялся к О-Клэр. Примерно в миле от торговой площадки Эми могла различить дома и уличные огни – возможно, даже магазин. Это хорошо. Она обрадовалась его уходу, потому что с этим она должна была справиться сама.

И всё же она продолжала удивляться, о чём мог говорить Рик с Портером. По крайней мере, это указывало на то, что он не просто ищет наугад. Каким-то образом он связался с одним или несколькими «Сыновьями свободной Америки» и почти пробрался туда, как и она. Эми надеялась, что сможет добраться до них первой и оградить Рика от опасности.

Она вернулась внутрь здания и остановилась за рядами металлических складных стульев, которые поставили для желающих отдохнуть и посмотреть на выступающих. Похоже, что большинство скинхедов собрались, чтобы послушать Shoktrupz. Таковых было человек пятьдесят, все они позировали и чистили пёрышки. Эми была здесь единственной женщиной.

Один из них увидел её и подошёл. Она приготовилась нанести ему сокрушительный удар в пах, но он лишь спросил:

– Ты не видела поблизости моего друга, Пита?

– Пит?

– Да. Он сказал, что собирался выйти и поболтать с тобой, и его давно нет.

Она усмехнулась:

– Он-то вышел, но думаю, я его с ног свалила. Его особо не подразнишь, да?

Друг покойного Пита смутился.

– Ну, э-э, нет, думаю, нет. А он говорил, куда пойдёт?

– Что-то о кукурузном поле. Это тебе о чём-то говорит?

Скинхед снова покачал головой:

– Ладно, спасибо. Э-э... Ты будешь занята чуть позже?

Эми улыбнулась:

– Прости, у меня уже есть планы.

Юноша кивнул – скорее вежливо, в противовес грубости Пита – и отправился под прикрытие других скинхедов. Эми задумалась, как давно он ищет Пита. Она была уверена, что они не полезут на грязное кукурузное поле, пытаясь его найти. Нет, старина Пит увидит белый свет, пожалуй, следующей весной, когда пахарь вытащит его из земли.

Внимание Эми привлекла сцена. Группа почти закончила приготовления. Кроме басиста Портера там были гитарист, ритм-гитарист и барабанщик, нарисовавший на «бочке» название группы с молнией, изображающей букву Z.

«Как оригинально», подумала Эми.

Все они носили солнцезащитные очки, хоть свет от флуоресцентных ламп был далеко не слепящий. На запястьях красовались металлические браслеты с заклёпками. Портер и гитарист также нацепили на шеи что-то, что Эми посчитала похожим на собачьи ошейники с шипами.

Барабанщик носил кожаные штаны и порванную футболку, на которой красовалась надпись *Белые – Сила*. Волосы гитариста были выкрашены в красный и чёрный цвета; они полосами шли от лба к затылку, как у индейцев. Он носил чёрный кожаный жилет, но рубашки на нём не было, несмотря на ноябрьскую погоду.

Ритм-гитарист надел потёртые джинсы и серую кофту без рукавов, открывавшую массивные бицепсы, а Портер был в джинсовой рубашке с пуговицами и чёрных джинсах. Их общий вид наверняка должен был зацепить сочувствующую аудиторию, которая стояла либо сидела, готовая комментировать с уважением каждый звук инструментов, каждый барабанный рифф.

Наконец ритм-гитарист подошёл к микрофону и сказал:

– Мы – Shoktrupz, пишется как S-H-O-K-T-R-U-P-Z!

Скинхеды закричали, аплодируя, и в унисон проскандировали, как именно пишется название группы.

– Мы надеемся, вам понравится то, что вы услышите. Если так – голосуйте за то, чтобы мы выступали в главном зале вечером. Если нет... – он сделал паузу. – Значит, ты – жид, ниггер и пидор. Поехали!

Следующие двадцать минут звучала самая дебильная музыка, которую Эми когда-либо слышала. Это была смесь гаражного звучания, панка и металла, и от каждого жанра было взято наихудшее. Однако тексты были на удивление осторожными: не было ни грубых пошлостей, ни слов вроде *грёбаный, дерьмо, Божий* или *жсopa*.

Но было много высказываний в адрес евреев, негров и гомосексуалистов, чего и стоило ожидать, исходя из речи ритм-гитариста. Сейчас они играли балладу о белом человеке, который был

*Один против многих,
Свет против тьмы,
Огонь против ледяной хватки ночи...*

Эми насчитала слова вроде «ночь-белый-свет-борьба»³¹ как минимум десять раз за последние несколько минут.

Но настоящий взрыв мозга произошёл, когда парень заявил:

– А вот и наша главная песня: «Белые – Сила»!

Затем под крики поклонников они начали читать *рэп*, содранный с песни Public Enemy³² «Против Силы», но в своей песне они кричали: «Белые – Сила!.. Белые – Сила, будь свободен!»

Эти люди, ненавидевшие чёрных, использовали гимн мощи темнокожих людей, которому уже лет десять, и вид искусства, чтобы выразить свою ненависть. Это окончательно и бесповоротно убедило Эми в том, что у них дерьмо вместо мозгов. Эти идиоты были бы расово чище, если бы написали ораторию.

И всё же аудитория это съела, подпевая, выбрасывая вверх кулаки и подпрыгивая на месте, поначалу упуская из вида тот факт, что три раза из четырёх они прыгали в лужи, а затем наслаждаясь этим. Тем временем Эми пробралась к сцене сбоку и осмотрела оборудование группы. Увиденное ей понравилось, и она понадеялась, что популярность выведет группу на главную сцену.

Ей практически не о чем было волноваться. Когда выступление закончилось, скинхеды взяли за ручки и карандаши, заполнили бюллетени и бросили их в ящик посреди зала. «Ты победишь, мужик!» убеждали их десятки скинхедов.

– Едва ли кто-то не проголосовал, – сказал один из них, – и когда они голосуют, то это словно за одного увиденного двое или трое. Но вы всех взорвали, ребята!

К тому времени группа собрала вещи и относила их к микроавтобусу. На сцене остались трое: брат и сестра – подростки, которые пели дуэтом

³¹ В оригинале звучит как «night-white-light-fight»; действительно, жутковатая рифмовка – прим. пер.

³² Хип-хоп-группа из Лонг-Айленда, известная своими политизированными текстами, критикой СМИ и активным интересом к проблемам афроамериканского сообщества; композиция «Fight the Power», упомянутая в книге, является их визитной карточкой.

религиозные песни в сопровождении акустической гитары, и их мать. Эми поняла, что у них нет шансов.

Бюллетени будут пересчитывать в шесть. Значит, у неё есть полтора часа, чтобы проверить главную сцену, получить всё необходимое и сделать выступление Shoktrupz незабываемым.

* * *

Рик Карлайл сидел в закусочной «Нептун», глядя из окна на дорогу. Перед ним стояла тарелка с мясом, картошкой и кукурузой. Это обошлось ему в пять долларов и девяносто пять центов, и теперь он жадно поглощал блюдо. Он следил за дорогой, надеясь, что заметит пикап Рипа Уизерса или седан Карла, хоть его никто не преследовал ни на машине, ни пешком.

Однако если одна из двух машин заедет на парковку закусочной, Рик встанет, оставит десятку на столе и выйдет. Если кто-то спросит – он смог позволить себе лишь чашку кофе.

Но никто не приходил и не спрашивал, и он расслабился, наслаждаясь едой и наблюдая за проезжающими автомобилями. Однажды он заметил низкую, немного угловатую чёрную машину, год выпуска которой он не мог вспомнить. Преподаватель использовал такую как образец на одном и курсов дизайна, которые посещал Рик. Он пытался вспомнить её название, и наконец ему это удалось – «Аванти». Он был удивлён тем, что они вообще до сих пор встречаются на дорогах. Этот стиль родом, наверное, из шестидесятых.

И когда он увидел, как она возвращается, едет в обратном направлении пятнадцать минут спустя, он присмотрелся внимательнее. Он увидел водителя всего лишь на долю секунды, но он был потрясён, узнав профиль Эми.

Сначала он не поверил своим глазам. Затем он *понял*, что это была она, и снова не поверил в это. Подключив воображение, он мог представить её, если она действительно каким-то образом вернулась из мёртвых, выслеживая «Сыновей свободной Америки» на фестивале Белого Христианского братства, но чтобы она водила классическую спортивную машину? Разве она не может просто *летать* или ещё как-то перемещаться?

Боже, нет. Это смешно, смехотворно. Это вообще не Эми, этого *не может быть*. Голос по радио, фигура в окне, женщина на оружейной выставке – во всём этом было какое-то разумное объяснение кроме того, что его жена вернулась с того света. Но лишь спроецировал Эми на все эти события, потому что он очень сильно *хотел*, чтобы она жила.

Так оно и должно быть. Проще думать, что он немного сошёл с ума, чем на самом деле принять то, что она как-то воскресла.

Он горько усмехнулся своему отражению в окне. Нужно быть осторожнее и благоразумнее.

Иначе Эми будет ему мерещиться повсюду.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Пока люди готовились к выступлению доктора Гэри Скелтона и вечернему концерту, Рита Уайт чувствовала себя так, будто с самим Господом Богом гуляла. Именно так она говорила, когда всё шло как надо, и сегодня определённо такой случай.

Посетителей было много, их реакция была захватывающе положительной, и все люди были вежливы – даже те бритоголовые парни. Впрочем, Рита была несколько разочарована тем, что именно их группа выиграла конкурс и будет играть на главной сцене между речью доктора Скелтона и концертом Wild White West. Но это была честная победа. Рита подумала, что в следующий раз вместо голосования, возможно, будет жюри.

– Надеюсь, вас с доктором Скелтоном не оттолкнёт рок-н-ролл, – сказала Рита миссис Скелтон, которая сидела рядом на заранее бронированном складном металлическом стуле в переднем ряду. Доктор Гэри Скелтон был самым красноречивым и убедительным оратором, которого Рита когда-либо встречала в движении. Собственно, Билли Джо собирался представить его примерно такими словами: «Если бы вы дали ему час – он смог бы убедить Мартина Лютера Хрена³³ линчевать самого себя».

Но также доктор Скелтон был джентльменом, и Рита не знала, как он отреагирует на что-то вроде этих Штурмовиков, или как там они называются, с их шумными барабанами, гитарами и криками. Это могли быть долгие полчаса.

– Я бы хотела, – продолжала Рита, – чтобы победила одной из этих групп, поющих госпелы³⁴ или кантри-песни.

Миссис Скелтон покачала головой, отбрасывая заверения Риты:

– Нет, всё в порядке. Как всегда говорит Гэри, времена меняются, и если не позволять действовать молодёжи – через двадцать лет мы все будем старыми динозаврами, над которыми все потешаются. Так что я рада, что эти молодые люди будут выступать здесь.

Миссис Скелтон окинула взглядом толпу.

– И я рада, что столько родителей пришли сюда со своими детьми. Никогда не бывает рано узнать правду о том пути, на который нас хочет направить Господь.

Внезапно заиграла песня «Тебя нужно как следует учить».

– Что же, – сказала миссис Скелтон, – это знак свыше!

Обе женщины рассмеялись.

³³ Мартин Лютер Кинг – известный афроамериканский баптистский проповедник, яркий оратор, лидер Движения за гражданские права чернокожих в США. Был убит в 1968 г.

³⁴ Жанр духовной христианской музыки.

– Это ведь из того мюзикла, да?

– «Юг Тихого Океана»³⁵, – ответила Рита. – Знаете, это был бы чудесный мюзикл, если бы не та часть, где моряк влюбляется в девушку с Южных морей.

Миссис Скелтон кивнула.

– Жёлтый или чёрный – негр всё равно остаётся негром, и такой девушке нельзя быть с белым мужчиной, – она хихикнула. – А ирония в том, что песня написана, чтобы раскритиковать людей с подобными взглядами. Думаю, Роджерс и этот еврей Хаммерстайн в горбу перевернулись бы, узнав, что мы можем воспринимать её довольно-таки *серьёзно*.

– Вы правы, – согласилась Рита. – Вы правы, всё это так – детей *необходимо* хорошо учить, пока они ещё маленькие.

– Да, до того, как до них добралась бы система СОП и отвратила их от правильного.

– И поэтому я благодарна Богу за то, – продолжала трещать Рита, – что почти все родители, пришедшие сюда, обучают детей дома или отдают их в эти славные небольшие частные школы, в которых учат принципам Белого христианского братства.

– Они – завтрашние лидеры, – сказала миссис Скелтон с такой гордостью, которую почувствовала и Рита.

Они улыбнулись друг другу и посмотрели на сцену, на которой Билли Джо возился с микрофонной стойкой, пытаясь отрегулировать её высоту под себя. По крайней мере, они с доктором Скелтоном были одного роста – высокие мужчины приятной наружности.

Позади Билли Джо группа скинхедов готовилась к своей части концерта. Они выглядели по-настоящему увлечёнными и счастливыми. Рита подумала, что возможно, они и в самом деле отлично выступят: их сердца были правильно настроены, и миссис Скелтон их одобрила.

Она оглянулась на толпу, и её обрадовало то, с какой скоростью заполнялся зал. Сиденья уже были заняты людьми или «забронированы», о чём говорили лежащие на них вещи, и людям приходилось стоять сбоку или позади. Намечалось настоящее торжество превосходства белого братства.

Спустя несколько минут Билли Джо постучал по микрофону и попросил внимания. Он поблагодарил всех, кто пришёл, и сказал, что благодаря сегодняшнему успеху он скоро устроит ещё один фестиваль. Все одобрительно закричали.

³⁵ Мюзикл, созданный Ричардом Роджерсом и Оскаром Хаммерстайном по мотивам романа Джеймса Микенера «Тихоокеанская история» (1948). В центре сюжета находится вопрос расовой дискриминации.

Затем он извинился за лужи на полу и отпустил небольшую шуточку о том, что этот фестиваль напугал негров так, что они обмочились, и теперь нужно смотреть, куда идёшь. Рите это показалось не очень хорошим ходом, но толпа смеялась и завывала от мысли о том, что они могли вступить в мочу негров.

Билли Джо представил доктора Скелтона, и к своей шутке про Мартина Лютера Хрена он добавил слова «или убедить Билла Клинтона не изменять Хиллари», и люди снова рассмеялись. Рита с гордостью подумала, что её муж, несомненно, умеет работать с толпой.

Затем доктор Скелтон подошёл к микрофону и выдал такую умелую речь, что все аплодировали и кричали «Аминь!» после каждой фразы. Этому человеку Рита доверила бы даже свою священную душу.

Он рассказывал о сияющем городе на холме, о чистой белой христианской Америке, где все люди были братьями – рай на земле, готовящий нас к раю небесному, страна, где правит Мозаика законов, данных Богом, где изменники, гомосексуалисты и ведьмы будут забиты камнями. «И это касается большей части нынешнего правительства», добавил он к одной из своих нескольких шуток.

Когда он закончил, он призвал всех присутствующих хранить веру и бороться за правду любой ценой, и сел рядом с женой под гром аплодисментов. Люди целых пять минут хлопали в ладоши, а он время от времени вставал и кланялся в ответ.

Наконец-то Билли Джо снова вышел на сцену и успокоил толпу.

– А теперь, сказал он, – музыкальная часть нашего вечернего мероприятия! Чуть позже перед вами выступит величайшая кантри-группа на целой планете – Wild White West!

Толпа буквально обезумела, и Билли Джо подождал, пока они не утихнут.

– Но сперва, ребята, у нас есть для вас настоящее угощение. Победитель сегодняшнего конкурса, молодая уайт-пауэр-группа из... Ну, эти парни не любят говорить, откуда они, потому что боятся, что агенты СОП проследят за ними и украдут струны с гитар! Но сегодня они здесь ради нас. Вы готовы к рок-н-роллу?

Толпа – даже старшее поколение – закричала, и Билли Джо прокричал в ответ:

– Тогда пусть Белое христианское братство поприветствует группу Shoktrupz!

Группа захватила сцену, как Гитлер Польшу. Они выдали несколько мощных аккордов, от которых затрещали жестяные стены и крыша, и Чип Портер почувствовал эрекцию от восторга, играя перед такой толпой. Сегодня здесь было примерно тысячи полторы человек.

С первыми нотами бритоголовые парни оккупировали территорию прямо под сценой, некоторые из них тащили девчонок, которых встретили днём. Восемь футов между первым рядом сидений и сценой превратились в танцевальную площадку. Некоторые качали головой в такт, пока другие тряслись рядом, улыбались или смеялись. Чип тоже не выдержал и рассмеялся: с места, где он стоял, движущиеся лысые головы казались похожими на дёргающиеся ягодицы.

Билли начал петь, добавляя в «Моряки в кровавом море» больше сырого звука, чем Чип когда-либо слышал. Усилитель выдавал резкий, как алмаз, звук – без визга или утробных низких нот, которые можно было услышать из дешёвого современного дерьма. Чёрт, это были *ламповые* усилители, старомодные говнотрясы из седой древности. Shoktrupz сегодня играли на полную, но звуковая, мать её, техника была просто *старинной*.

А ещё она была дешёвой. Отец Билли использовал такие усилки в далёких шестидесятых, когда существовали только связанные с Ку-Клукс-Кланом кантри-вестерн-группы с севера Теннесси. Чип повозился с усилителями, доведя их до почти полного совершенства, и это стоило каждого часа, который он потел над ними. Что нравилось их фанатам, так это их *звучание*. Но сегодня вечером они были важными и не сбавляли громкость ради придурков с утончённым вкусом, как в торговом здании. Теперь они могли зажигать, и они это делали.

Не будет нам покоя, пока мы их не втопчем в грязь!

Мы – моряки в кровавом море!...

Мы выстоим в потоп и в горе,

Свободу кровью оплатив!

Первый номер закончился раскатами фальшивого пушечного выстрела из барабанов Курта, и все остальные встали на колени – белые солдаты-христиане, жертвующие своими жизнями ради цели.

Затем, под громкий отсчёт из четырёх ударов – БУМ! БУМ! БУМ! БУМ! - они вставали под каждый удар, пока снова не оказались на ногах, и заиграли «Белая кровь, чёрная кровь», выкрикивая текст:

*Белая кровь, чёрная кровь – совсем не одно и то же!
Для нас – крестовый поход, для них – на охоту похоже!
Чистая кровь, жидовская кровь – совсем не одно и то же!
Мы веру храним – и мы их огнём уничтожим!*

Чип не думал, что они когда-либо прежде так хорошо звучали. Голос Билли звучал, как голос ангела, спускающегося с небес – взбешённого, с мечом в руке, готового убивать. Барабаны Курта одновременно гремели и шипели, словно пушки и ядра, и гитара Сэнди говорила обо всём, что они не могли передать в стихах.

Чип чувствовал себя новорождённым. Он видел хороших слушателей прежде, но не таких, как сегодня. Даже старые пердуны врубались в их музыку. Чёрт, многие из них стояли – целый грёбаный зал на ногах. Детишки пробивались сквозь проходы, и скинхеды пропускали их, а некоторые сажали детей на плечи, позволяя им схватиться за лысые черепашки, занимая лучшие места в здании.

Тёлкам тоже нравилось, и Чип уже определился с выбором. Он уже положил глаз на зрелую цыпочку в чёрной или тёмно-синей одежде, которая была на их первом выступлении, в четыре часа. Она пробивалась через толпу, проскальзывая к сцене – скорее всего, пыталась быть там, когда они закончат. Чертовски привлекательная женщина, и её мрачный прикид смотрелся круто, и даже немного опасно.

Он отвёл от неё взгляд, снова сосредоточившись на музыке. Это была отличная поездка. Может, это было даже начало чего-то нового для него и для ребят. Да, возможно, «Сыновья» отпустят его ради группы. Он поучаствует в грядущем большом взрыве, но потом он мог бы просто поехать с Куртом, Билли и Сэнди, отправиться в Лос-Анджелес, и посмотреть, что из этого получится.

Чёрт побери, если ты работаешь ради цели так, как только можешь, то почему он должен возиться с компьютерами для Рипа Уизерса, если он мог бы взрывать залы и призывать сотни, тысячи, а может, однажды и целые миллионы ребят в лагерь белой силы?

Чип закрыл глаза и позволил музыке захватить себя, унести его в собственные грёзы.

«О Боже, они разошлись не на шутку», думала Рита, встав и попытавшись разглядеть что-либо поверх голов молодых людей. Они прыгали по лужам перед сценой, и вода забрызгала её чулки – и ещё хуже то, что брызги попадали и на доктора и миссис Скелтон.

Рита, извиняясь, посмотрела на миссис Скелтон, но та лишь ответила многострадальной улыбкой и слегка закатила глаза, будто говоря: нам приходится иметь с этим дело. Доктор Скелтон снисходительно смотрел на сцену и кивал головой в такт. Билли Джо, сидевший рядом с Ритой, наклонился к ней и прокричал:

– Эти ребята – молодцы... Хорошие слова, *хорошие* слова...

Группа исполняла уже четвертую или пятую песню, и Рита посмотрела на часы, чтобы узнать, сколько ещё им осталось играть. Она надеялась, что все эти молодые люди перед ней сядут, когда на сцену выйдут Wild White West, потому что по графику они должны были играть целый час. Рита сомневалась, сможет ли она выстоять всё это время на ногах среди потных подростков.

Группа закончила номер, и Рита понадеялась, что он был последним, но они начали следующий. Басист и вокалист снова подошли к микрофонам и начали петь – Рите показалось, что это должно быть гармонией.

Это была какая-то песня об укрытии, об огне, что бы это ни значило. Двое парней кричали «*Огонь, огонь, огонь*» снова и снова, пока вокалист пел куплет. Рита думала, что это про ад, но не была уверена.

Затем внезапно что-то вспыхнуло за сценой – раз в десять ярче, чем фотовспышка, на какое-то мгновение парни захрипели, а затем что-то, звучащее, как огромный пузырь, затихло.

Затихли и Shoktrupz.

В воздухе возник запах озона, и трое ребят на сцене начали дрожать. Их глаза закатились, гитары выпали из рук и остались болтаться на шеях.

Их одежда задымилась, длинные волосы гитариста начали тлеть, и сразу же вспыхнули. Рита попыталась закричать, но поняла, что не может – ей мешала какая-то вибрация, охватившая её тело.

Она чувствовала вибрацию в своём сердце: оно билось чаще, чем обычно, словно оно *жужжало*, и она не могла его каким-либо способом его замедлить, не могла ничего сделать, кроме как стоять и чувствовать, как её бросает в пот. Затем началась фибрилляция, и Рита умерла до того, как поняла, что её ударило током.

Когда её тело упало на пол, ток продолжал проходить через неё – теперь сильнее, так как она напрямую контактировала с водой на полу. Билли Джо простоял чуть дольше, но и он рухнул прямо на Риту, не зная об этом. К ним присоединились Скелтоны – да и прочие люди, стоявшие перед сценой или сидевшие в первых рядах.

Других тоже зацепило током, но они были достаточно далеко, чтобы среагировать на него и убежать. Стулья переворачивались, сильные толкали и давили слабых и медлительных.

Но скинхеды с детьми на плечах, девушки, которые танцевали и смеялись, старики, вставшие, чтобы рассмотреть что-то поверх голов веселящейся молодёжи, и те, кто сидел на металлических стульях... сердца каждого из них забились, запнулись и замерли.

«Что я наделала?» думала Эми. «Какого чёрта я натворила?»

Само собой, она хотела убить Чипа Портера, и подумала, что смерть других участников адской группы не будет большой потерей. Она направилась в Wal-Mart³⁶, находившийся в нескольких милях отсюда, и купила катушку медной проволоки и небольшие кусачки.

Пока все смотрели на Shoktrupz, Эми проникла за кулисы и присоединила провод к металлическим опорам сцены, обмотав каждую из них. Затем она отключила заземление усилителей и кусачками сняла изоляцию с силовых кабелей.

Она обернула конец медного провода вокруг крана с холодной водой над раковиной уборщика, после чего скрутила ещё два гордиевых узла и зацепила их за оголённые провода усилителя, изогнула их и наконец-то соединила.

Ток почти сбил её с ног. Она отшатнулась назад, к стене, и сразу же почувствовала, как бетонный пол вибрирует от электричества. Звук со сцены затих, его сменили крики и шум от падающих стульев.

Затем Эми с ужасом поняла, что действие электричества не ограничено одной сценой. Покрытый лужами бетонный пол выполнял функцию влажной губки, которую палач кладёт на выбритую голову приговорённого, севшего на электрический стул. Ток проходил по металлическим стойкам и по мокрому полу – смертельная решётка.

Из-за стоек Эми могла видеть лежавших музыкантов, которые ещё дёргались из-за действия электричества. Их тела дымились, и небольшие огоньки заканчивали поглощать волосы, оставшиеся на голове гитариста.

А за ними лежали тела слушателей. Кто-то ещё стоял, содрогаясь от электрошока, который всё ещё пронзал их плоть.

Эми развернулась, побежала к проводам и схватилась за них, игнорируя проходившее через неё напряжение, словно бы напрасно пытавшееся поразить её и без того мёртвое сердце. Оно боролось с Эми, но она цеплялась за провода, её мышцы дрожали, пока она раскручивала медную проволоку и отрывала её от силовых кабелей, соединявших

³⁶ Сеть магазинов, продающих стройматериалы и хозяйственные товары.

усилитель с распределительным щитом. Электричество буквально заполнило комнату, и лишь озоновый дух остался, чтобы поприветствовать новых призраков.

Затем она вышла из-за сцены и увидела, что она наделала.

Возвращаясь после ужина, Рик Карлайл увидел десятки людей, выбегающих из дверей главного торгового здания. Одни кричали от гнева, другие – от ужаса. Уличные фонари ритмично мигали, и он побежал к двери, надеясь, что произошедшее не касается бас-гитариста, который должен был отвести его к «Сыновьям свободной Америки».

От убежавших людей он узнал, что его связной мёртв. И всё же он продолжал ломиться через толпу, пока не проник внутрь, где почувствовал панический страх и смятение. Но в чём бы ни заключалась опасность – её уже не было.

Люди погибли. Десятки тел лежали на поваленных стульях, упав лицом в лужи. Участники Shoktrupz распластались на сцене, на их лицах застыла предсмертная гримаса – глаза широко раскрыты, губы растянулись, обнажая зубы. Тошнота, которую он почувствовал, усилилась, когда он разглядел тела поменьше – тела детей, но он продолжал идти по проходу, едва надеясь, что сможет кому-нибудь помочь.

Женщина держала в руках маленькую девочку, склонив голову. Она нажимала ей на грудь, словно пытаясь вернуть её к жизни. Казалось, что женщина плачет, и даже до того, как она посмотрела на него глазами, в которых не было слёз, он знал, кто она такая.

– Эми, – сказал он.

Если она столько всего могла, если она была такой сильной, такой неуязвимой, то почему она не могла оживить эту маленькую девочку? Она чувствовала, что слёзы вот-вот потекут из её глаз, но этого не случилось бы. Затем она услышала, как кто-то назвал её по имени, и посмотрев на этого человека, она увидела Рика.

Казалось, что он удивлён, но не восхищён или напуган. И что для неё было самым удивительным – он не спросил, что она здесь делает или почему она жива. Он задал один простой, и почти бессмысленный вопрос:

– Что случилось?

Но прежде чем Эми успела ответить, молодая женщина прорвалась через толпу людей, которые ещё находились внутри. Она выглядела шокированной. Уставившись на Эми и на маленькую девочку, женщина упала на колени и протянула руки. Эми отдала ей ребёнка, и мать, по щекам

которой текли слёзы, обняла тело. Рик и Эми смотрели, как она встаёт и бредёт по проходу навстречу мрачному будущему.

Эми оглянулась на Рика, который снова смотрел на неё. Он сделал шаг вперёд и протянул к ней руки, но она отступила.

– Нет, – сказала она. – Не надо.

– Что это? – Рик говорил, будто во сне. – Что происходит?

– Я убиваю детей, – тихо произнесла она, и слова эти вырвались ещё до того, как она их осознала. – О, Рик...

Слова звучали, как молитва.

– Я убиваю детей.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Они услышали вой сирен сразу, как только вышли на улицу. Скорая помощь, пожарные и полицейские машины неслись вниз по дороге к ярмарочной площади, как мухи к сбитому на дороге кролику. Первыми внутрь направились пожарные, затем они подозвали медиков, которые побежали туда с носилками. Кто-то отключил электроэнергию от всего здания, и через дверные проемы виднелся свет аварийных ламп, который делал выходящие фигуры с их ношей похожими на белые привидения.

Рик и Эми отошли от здания в сторону автопарковки, где они сели в «Аванти».

– Я видел тебя в этой машине раньше, – сказал Рик. – И еще я видел тебя на оружейной выставке. А за моим окном была ты, да?

– Да, это была я, – сказала Эми, глядя сквозь лобовое стекло.

– А как тебе удалось... выжить?

Она ответила не сразу.

– Мне не удалось.

Почему-то такой ответ его не удивил. Ему показалось, что он его уже знал.

Затем Эми рассказала ему всё: как Ворон вернул её к жизни, как Дэвид Левинсон обнаружил её и поведал историю о своём дяде Аврааме. Рассказала о допросе Уилсона Барнса, о преследовании Уилла Стендиша и убийстве его мамы и Санни Армитеджа, а еще о том, как она нашла Фили и застрелила его.

– Я видел тебя вчера, – сказал Рик. – Я тоже искал там этих людей. Ты убила их, но сама не ранена.

– Нет.

Она все еще отказывалась смотреть на него.

– Богу одному известно, сколько электричества прошло сквозь моё тело. Его было достаточно, чтобы... Убить всех тех людей там. А я просто ушла, – она встряхнула головой. – Я не хотела, чтобы это произошло. Просто хотела достать его и его шайку.

– Чип Портер, – произнес Рик, и сразу же был вознагражден тем, что она повернулась и наконец-то взглянула на него. Её взгляд казался встревоженным, но в нём была пронизывающая его сила.

– Откуда ты его знаешь? – спросила она.

– Мы должны были встретиться. Он собирался отвести меня к «Сыновьям свободной Америки». Они думали, что я один из них, что я верю в то же, что и они, и присоединюсь к ним.

Она посмотрела на него недоверчиво, затем расстроено стукнула по рулевому колесу.

– Господи, не могу в это поверить – я выслеживала этих ублюдков, а ты случайно на них наткнулся.

Он кивнул:

– Да, по большей части это была удача. Вчера во время перестрелки я волею случая спас жизнь ребенка. Думаю, что он сын их лидера.

– Как его зовут? – требующим тоном спросила Эми. – Бёрнс? Уизерс?

– Уизерс. Не знаю никаких Бёрнсов. Отец этого парня – Рип Уизерс.

– Ты знаешь, где они?

Рик почувствовал себя так, словно его прижало к двери силой её вопроса, у него появилось неприятное чувство, будто она пройдет сквозь него, чтобы достать людей, которых ищет.

– Нет. Портер собирался забрать меня.

– Чёрт побери! Если бы я только знала...

Она с шумом выдохнула, и этот звук успокоил его. По крайней мере, он знал, что она дышит.

В машине стало тихо, в то время как люди снаружи суетились и бегали, рыдали и кричали. Всё это казалось ненастоящим Рикю, так, как будто они находились на спокойном острове посреди ужасного шторма.

– Эми, – наконец заговорил он, – я даже не знаю, что сказать... Я уже и не надеялся увидеть тебя снова. У меня... Нэнси и я, мы...

– Я знаю. Всё нормально, я рада. Я не хотела, чтобы ты был один.

– Но ты *здесь* сейчас... Ты *вернулась*, и я...

– Нет. Я не вернулась, Рик, не навсегда. Я здесь, чтобы кое-что закончить.

– Что же?

– Заставить их заплатить за то, что они сделали... Чтобы всё исправить... Но я не знаю, я не знаю...

Он понимал, что она имела в виду. То, что произошло ночью, казалось страшной ошибкой.

– Мне жаль, Эми. Мне жаль, что всё так вышло. То, что случилось с тобой, с детьми, ночью...

Рик покачал головой. Слова не могли выразить всё, что он чувствовал, что он хотел сказать, и он попытался вернуться к заданию:

– Где-то здесь у них есть место, где они собираются, я уверен в этом – лагерь, штаб, или что-то вроде того. Их там много. Портер собирался отвести меня туда, и возможно, я ещё смогу туда добраться. А ты можешь пойти со мной.

– Как?

– Они знают, что я здесь, и скоро они услышат об этом... происшествии. Может, они пошлют кого-нибудь за мной. Сейчас Уизерс сказал, что у Портера здесь есть грузовик, и что он меня подбросит обратно к месту, куда они таскают своё снаряжение, так что здесь кто-нибудь может подобрать меня. Я могу просто подождать... Побродить по парковке. А когда они придут за мной, ты сможешь проследить.

Она долго смотрела на него, затем сказала:

– Зачем ты хочешь это сделать? Почему ты начал следить за ними еще после прошлого раза?

– По той же причине, что и ты, наверное. Чтобы найти покой. А теперь у меня больше причин для этого – я хочу, чтобы ты тоже могла найти покой, Эми.

Он почувствовал, что его лицо начало дрожать, слезы застилали глаза.

– О Господи, я люблю тебя. И никогда не переставал тебя любить. А если ты не можешь вернуться ко мне, не можешь остаться, то я бы хотел, чтобы ты была счастлива и спокойна.

– Не знаю, буду ли я когда-нибудь счастлива, Рик, или я просто... потухну как свеча, когда это всё закончится. Но я знаю, что тоже люблю тебя. Всегда буду любить, и не важно, что со мной будет. Я не верю, что любовь может умереть.

Он взял её руку, и Эми его не оттолкнула. Но рука казалась холодной, словно кровь не согревала её. Девушка нежно сжала его руку, а затем забрала свою.

– Давай найдём этот грузовик, – сказала она.

Он был припаркован вблизи здания. Это был темно-серый фургон с номерами Миннесоты. На бампере красовалась дешёвая наклейка с логотипом Shoktrupz; на другой стороне бампера были три небольшие люминесцентные буквы – SFA.

– Удобно, – сказал Рик.

– Глупо, – ответила Эми. – Тайное ополчение... Этот идиот не мог не похвастаться этим. Удивительно, что они не взорвали себя раньше. Ты жди здесь, а я буду наблюдать за тобой из машины. Возможно, ждать придется долго. А если полицейский тебя спросит, что ты здесь делаешь?

– Я просто скажу ему правду. Скажу, что жду машину. Кроме того, думаю, что им не до того.

Это была правда. Зеваки и журналисты уже появились, как обычно и бывает во время катастроф. У копов было много дел, кроме выноса тел, управления потоками медиков, пожарных, репортеров и выживших.

– Ну ладно, – сказала Эми. – Но я хочу, чтобы ты пообещал мне кое-что. После того, как ты приведешь меня туда, я не смогу сразу же войти. Я не знаю, что мне для этого понадобится. Кроме того, я не умею летать. А если рассвет будет слишком близок, я не смогу зайти до следующей ночи. Я хочу сделать это в темноте. Но когда... *что-то* случится, и ты поймешь, что я дошла, не вмешивайся. Спрячься где-нибудь в безопасности и не пытайся больше мне помочь. Запомни, Рик, они больше не смогут сделать мне больно. Они уже достаточно сделали. А когда всё будет закончено, уходи. Не рассказывай никому, что случилось. Никто тебе не поверит, даже Нэнси. А ещё позаботься о ней и Карен. Ты обещаешь мне?

Рик кивнул:

– Да, я обещаю.

Она посмотрела на него еще раз, затем повернулась и пошла обратно к своей машине. Он не смотрел ей вслед, желая побежать за ней, обнять, забрать её отсюда и уехать куда-нибудь вместе, где тепло и солнце, и *заставить* её жить, окружить её любовью, сделав тем самым её по-настоящему живой. Как может такая простая вещь быть невозможной в мире, где умершие могут вернуться?

Но это было так. Он знал это так же хорошо, как и то, что всё может закончиться большей кровью.

Эйс Людвиг вел свой чёрный «Шевроле» к востоку в сторону шоссе 94, направляясь в О-Клэр. В это время Рей Уизерс продолжал стучать по кнопке поиска радиостанций.

Они слушали одну станцию за другой, пытаясь поймать как можно больше новостей о происшествии на фестивале Белого христианского братства. Когда первые репортажи вышли в эфир, у Эйса появилась мысль, что Рип совершенно взбесится.

– Опять эта чёртова тварь! – прорычал он. – Этот проклятый правительственный карательный отряд! Чёрт, теперь они и до Чипа добрались! Ублюдки!

Эйс подумал, что этот вывод был сделан на основе новостей, в которых сообщалось, что во время рок-концерта под названием «Объединение сторонников превосходства белой расы» неподалёку от О-Клэр неполадки с электричеством привели к серьёзным травмам как группы, которая выступала, так и зрителей, хотя степень повреждений пока неизвестна.

Рипу этого было достаточно. Он послал Эйса и Рея к ярмарочной площади узнать, жив ли еще Чип. Если нет, то им нужно было вернуть

фургон и попытаться найти этого Гая Адамса, который так сильно был нужен Рипу.

«Убедитесь, мать вашу, что за вами никто не следит! А если кто-то попытается, избавьтесь от него и сообщите мне. Как подберете Адамса, не спускайте с него глаз».

«Ты не доверяешь ему?»

«Я не о нем беспокоюсь. Просто сделайте, что я вам сказал».

Они вместе с Реем выехали на место. Новости по радио сообщали отрывками, но когда они подъехали к ярмарке, то узнали, что группа Shoktrupz выступала на сцене в тот самый момент, когда сбой в электросети привел к подаче мощности со сцены на пол. Десятки человек были поражены током, некоторые – насмерть, так как находились в непосредственной близости от сцены. В последнем репортаже сообщили, что все члены группы убиты.

– Прощай, Чип, – сказал Рей после окончания репортажа, но Эйс мог поклясться, что слышал в тоне Рея только искренность. Этот парень не был достаточно сообразителен, чтобы шутить.

Площадь ярмарки была натуральным зверинцем. Она выглядела так, как будто тут высадились марсиане. Передвижные телевизионные станции, их антенны и проблесковые маячки вдоль бортов вместе с сигнальными огнями пожарных машин, нескольких карет скорой помощи, а также множество полицейских автомобилей – всего этого было больше, чем Эйс видел когда-нибудь в одном месте одновременно, и вряд ли захотел бы увидеть ещё раз.

Он припарковал машину на обочине и вместе с Реем пошел к парковке, которая прилегала к задней части здания. Вокруг самого здания было кольцо из полицейских машин, но Эйс быстро обнаружил неподалеку фургон. Мужчина лет тридцати спал, сидя на асфальте и привалившись к водительской двери, его голова наклонилась набок. Он выглядел в точности как Гай Адамс, про которого рассказывал Рип.

– Эй, – позвал Эйс, слегка ткнув ботинком в ногу мужчины. Тот сонно открыл глаза и облизал губы. – Как тебя зовут?

– Гай... – он начал отвечать, но запнулся, и ему пришлось прочищать горло. – Гай Адамс. А ты кто?

– Мы здесь вместо того человека, которого ты ждешь. Ты знаешь, кто это должен был быть?

– Да, Чип Портер. – Адамс поднялся на ноги. – Он тоже погиб? – спросил он, кивая в сторону здания.

– Похоже, что так.

– Ну... вы должны отвести меня к мистеру Уизерсу?

– *Полковнику Уизерсу*, – отметил Рей.

Эйс махнул рукой, чтобы Рей замолчал. Он понял жест и уставился в землю.

– Может быть. Ты видел, что произошло внутри?

Адамс покачал головой.

– Я вышел на свежий воздух. Довольно громкая группа.

– Уже нет.

Эйс кинул пару ключей Рею.

– Рей, ты отгонишь фургон обратно. Давай, ты уже можешь идти.

Рей сел в машину и вырулил с площадки на дорогу, направляясь в сторону шоссе 94. Эйс махнул Адамсу, чтобы тот следовал за ним. Они вместе вышли с площадки и двинулись по дороге в сторону «Шевроле» Эйса.

Боже, наконец-то!

Эми повернула ключ в зажигании «Аванти», но не стала включать фары. Она не станет этого делать, пока не окажется на дороге. Теперь она отпустила сцепление, и машина скользнула вперед с парковки в сторону дороги. Ворон, сидевший всё это время на складной крыше её машины, поднялся и полетел впереди неё. Когда она доехала до дороги, Рик и тот другой мужчина уже были в ста ярдах от неё.

Девушка видела, как автомобиль уезжает, и почти последовала за ним, но заставила себя быть терпеливой и ждать, пока Рик не даст о себе знать. У неё не было никаких идей насчёт того, куда эта машина поедет, но из того, что сказал Рик, она поняла: кто бы ни встретил его, этот человек отвезёт Рика к «Сыновьям свободной Америки».

Они ждали шесть часов, пока не вернутся двое мужчин. Всё это время, сидя в тёмной машине в одиночестве, Эми боролась с собственным чувством вины, а её спутниками были только тишина и таинственная чёрная птица. Одна её часть говорила, что это не имеет значения, что Ворон вернул её только для одного единственного задания, и его необходимо выполнить, не считаясь, с количеством погибших в процессе людей.

Но другая часть Эми, сдерживающая мертвую девушку, не могла принять этого. Она хладнокровно убила, и хотя она не собиралась причинять вреда никому, кроме убийцы и его братьев по ненависти, многие всё же умерли. Эти две её части боролись часами, пока она пыталась оправдать свои действия, а затем плюнуть в сторону этих оправданий. Временами такие бдения и споры прекращались, и ни одна из сторон не побеждала. Девушка сомневалась, что победа вообще достижима.

Но сейчас у неё было дело, которым можно было занять мысли. Новая игра в догонялки – только убегающий не знал, что его преследуют. На дороге она смотрела как Рик и незнакомец забираются в черный «Шевроле», а затем как он быстро скрывается вдаль. Выждав некоторое время, она включила фары и скользнула следом за ним. Отблеск от двух красных фар был далеко впереди, но она догадывалась, что машина направляется обратно в Миннесоту и не разочаровалась, когда она свернула на шоссе номер 94-Запад.

Два с половиной часа Эми следовала за этой машиной, держась позади так долго, как могла. И хотя её заботило то, как можно удержать их в виду, когда они будут проезжать города-побратимы, всё же проблем не возникло, так как они проезжали там в три утра. Проблема появилась, когда они съехали с четырёхполосного шоссе.

Если водитель направлялся в Хоби или куда-то поблизости, её могли заметить. Можно было двигаться по той дороге почти до самого Хоби, но вместо этого он съехал на двухполосную дорогу. Эми последовала за ним, стараясь двигаться на большем расстоянии, чем до того. И это было действительно трудно. Она не могла ехать без света фар.

Дорога начала петлять, и вскоре она уже не видела света задних фар машины впереди. Наконец, через несколько миль, она выехала на прямую часть дороги и обнаружила, что «шевроле» исчез. Или он уехал на огромной скорости, или свернул на небольшую боковую дорогу, или же вообще вернулся на проезжую дорогу, пока она ехала не в ту сторону.

Она резко развернула машину и поехала обратно в ту сторону, откуда приехала, но девушка понимала, что «Шевроле» должно быть уже уехал на многие мили вперёд. В расстройстве она ударила по рулю, но вздрогнула, так как внезапно тёмная полоска появилась за лобовым стеклом и закрыла его.

В верхней части луча света фар летел Ворон, его крылья хлопали, как приглашение за ним последовать.

«Конечно», подумала Эми с облегчением, нажимая педаль газа. Птица, что летает выше деревьев, видела, куда делся «шевроле», и может следить за ней, взлетая ввысь и возвращаясь к Эми прежде, чем она достигнет места, где дороги встречались и расходились. Ворон мог быть её проводником.

Случилось так, как она и надеялась. Птица могла парить вне поля зрения минуту или две, пока девушка ехала вперёд, а затем могла броситься обратно в лучи света фар, показывая, где поворачивать. Тёмный поводырь, что привел её из мира мёртвых, теперь вёл её к месту и к цели, через которую она вернётся обратно в этот тёмный мир.

Ворон вёл её. Она доверяла и следовала за ним.

След привёл её обратно к четырёхполосной дороге – обратно в сторону Хоби, а проезжая его с северо-запада – навстречу частым лесам и холмам.

Она больше не видела машину, но видела Ворона, и это было тем, что ей нужно.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Как только рассвет коснулся края неба на востоке, Ворон вернулся. Они снова пустились в путь, проезжая мимо скудных лесов, и в конце концов приехали к холму, где птица остановилась, присев на сухую ветку дуба, который по воле осени давно избавился от своих листьев. Справа от Эми была грязная дорога, ведущая в лес, достаточно широкая для одной машины.

Эми думала, что возможно, ей следует поехать по этой дороге, но решила: если бы Ворон хотел этого, то полетел бы дальше, указывая ей путь. Нет, именно здесь она и должна была остановиться.

Она съехала с дороги, поставила машину среди деревьев, чтобы та осталась незамеченной, и вскарабкалась на холм. С каждой минутой становилось светлее, у нее с собой не было ничего, и получалось, что эта поездка будет похожа на разведку. Необходимо убедиться, что она нашла правильное место, оценить силы кого-либо или чего-либо, ожидающего ее в конце грязной дороги, и понять, что ей нужно для борьбы. Она бежала без усталости вперед по тропинке, и Ворон летел впереди. Спустя пятнадцать минут бега по довольно прямой дороге она уперлась в знак: «Охотничьи угодья «Белый Дуб». Вход только для членов клуба. Нарушители будут преследоваться по закону».

«Отставить нарушение», подумала Эми, продолжая бег. Дорога начинала поворачивать, и она подумала, что это идеальное место для вооруженной группы. Длинная, прямая и узкая дорога не позволяла остаться незамеченным, и защитники могли беспрепятственно стрелять в нарушителей – даже правительственных – а парочка поворотов и вовсе давали преимущество для засады.

Там, где остановились танки, дорога стала слишком узкой, деревья были старыми и прекрасно защищали местность от вооруженного вторжения. Что же будет дальше?

Её могли обнаружить, когда она обогнула поворот и заметила впереди блеск чего-то металлического. Эми сошла с дороги и помчалась через кусты. Это замедляло движение, зато гарантировало, что ни охранник, ни дозорный не заметят её вторжение.

Наконец она увидела впереди сетчатое ограждение. Оно было высотой в десять футов и увенчано колючей проволокой. Чем бы это место ни было, это явно не охотничьи угодья.

Оставаясь под прикрытием кустарников, она стала обходить огороженную территорию, двигаясь влево.

Территория была огромной: она поняла это по плоской арке окружающего ее забора. Наверное, она занимает пару дюжин акров – обнести

всё сеткой, да еще и колючей проволокой, стоило не меньше десяти тысяч. Не найдя ворот, она вернулась обратно тем же путём, что и шла, и обнаружила, что грязная дорога вела как раз к входу. Дорогая была узкой, по сторонам её обрамляли деревья. С того места, на котором она стояла, она могла увидеть здания, и с облегчением заметила тёмный «шевроле», в котором увезли Рика, и фургон. Значит, Рик здесь. Ворон привел её в нужное место.

Здания были построены на большом открытом пространстве: практичные, похожие на бараки, выкрашенные в серо-зелёный цвет, они сливались с деревьями. Кровельные гонты были выкрашены в тёмно-зелёный.

Было три больших главных здания, и ещё несколько размером поменьше. На краю, вдалеке среди деревьев, была вкопанная в землю постройка с круглой крышей, похожая на бункер. Стрельбище было справа – с мишенями в одном конце и скамейками, где можно было подготовить оружие к бою. За воротами стояла двадцатифутовая смотровая башня с лестницей. Она не дотягивала по высоте до некоторых деревьев, но представляла собой прекрасное место для обстрела людей или машин, которые могли оказаться рядом с воротами.

Эми могла разглядеть человека на смотровой площадке. Он смотрел по сторонам, но не мог разглядеть её темную одежду на фоне густого кустарника. Даже несмотря на то, что большая часть листьев уже облетела, деревья росли так близко друг к другу, что создавали достаточное прикрытие. Самой большой опасностью было то, что он мог услышать шорох её шагов по листве, поэтому она с осторожностью выбирала, куда наступить – на голую землю или островок мха.

В лагере всё было спокойно, и Эми решила проверить себя на прочность: дождаться, когда все встанут, попытаться увидеть, сколько их вообще. Через час после рассвета они стали выходить из главного здания и переходить в другое. Эми показалось вероятнее всего то, что они идут на завтрак. Она насчитала двадцать три человека до появления Рика, которого вел мужчина, увёзший его тем утром. С ними было еще двое – мальчик-подросток и мужчина лет сорока, который был похож на лидера – если только не был им на самом деле.

Это были те самые люди. Те, кто тогда убил ее, Джуди и детей, эти ополченцы, сборище трусов, скрывающихся от мира и выражающих свое несогласие, взрывая детей. Эми хотела проломить забор и придушить их голыми руками. Но она не знала, была ли она достаточно сильна физически.

Она могла сразиться сразу с тремя, но две дюжины – это другая

история. Они могут победить ее превосходством в количестве. И если её поймают – что тогда? Они не смогут её убить, но могут заточить её в четырёх стенах, и возможно, навсегда. Она не была Суперменом, она не могла разбивать стены на своем пути, но маловероятно, что смерть могла наступить от голода или болезни. Или взрыва. Она не была уверена, что может вообще произойти, но ничто не мешало ей рискнуть.

Нет, она вернется ночью и разберется с ними в темноте – в той самой, которая скрывает их преступления и их самих. Она обеспечит себе достаточную огневую поддержку, чтобы покончить с этим. Ни один невинный наблюдатель здесь не пострадает. И когда все закончится, можно будет упокоиться. Все они упокоятся с миром.

Эми знала, что каким-то образом души детей были с ней. С того момента, как она восстала из праха, с того момента, как она попросила их быть с ней и поддерживать, они не покидали её. Их души были в такой же агонии, как и её, если не больше – они ведь могли лишь беспомощно страдать, когда у нее была возможность предпринять что-то.

И наступило время действий, а не раздумий. Эми ускользнула подальше от забора, пока никто не разглядел или не услышал её, и побежала к своей машине вдоль грязной дороги.

Она приехала обратно в дом Дэвида Левинсона в Хоби в девять часов утра. Левинсон сидел на диване в гостиной, одетый в теплый вязаный халат поверх пижамы. Почти пустая бутылка односолодового скотча обосновалась на кофейном столике. Дэвид держал низкий стакан виски с кубиками льда, которые уже превратились в еле заметные горошинки. Он посмотрел на нее заплывшими глазами и плеснул себе ещё порцию.

– Отличная работа, – сказал он.

Хоть его голос и был мягок, в нем слышалась сталь.

– Это была ты, верно? В О-Клэр?

Она выдержала его пристальный взгляд и кивнула:

– Это была я.

–Что же...

Дэвид сделал глубокий вход и откинулся, оставив руки на подлокотниках, продолжая держать выпивку в правой руке. Он кивнул на кофейный столик.

– Выпей. Ты заслужила.

Левинсон сделал глоток скотча и улыбнулся.

– Девятнадцать человек погибло, Эми. И четверо из них – дети. Больше жертв, чем на оружейной выставке. И самое интересное: они все были убиты тобой. Нельзя стрелять по своим.

Она не произнесла ни слова, но продолжила смотреть на него. Да провалиться ей на месте, но она не отведет взгляд.

– И должен сказать тебе, что я так горжусь тем, что я – часть этого. Помогать и содействовать в этом... как бы ты назвала убийцу детей? Я – коп. Я должен следовать этому. Есть братоубийство – это убийство собственного брата, если убийство собственной матери, что значит накрыть кого-то подушкой. Есть отцеубийство... так что это? Детоубийство?

– Ты пьян.

– Да, мэ-э-эм, боюсь, это так, – сказал он, неопределённо мотнув головой, словно отмахиваясь. – Но не недостаточно, потому что я все еще зол. Будь я в достаточной кондиции, я бы так не злился. И знаешь, на кого я злюсь?

– На меня.

– Да, – он слегка улыбнулся, искоса посмотрев на неё. – Потому что ты ни черта не волнуешься, кого ты ранишь, верно? Ты ни в одном грёбанном случае меня не послушала после провала оружейной выставки, да?

– Иди к чёрту, Дэвид. Ты этих людей не видел, а я видела.

Теперь вся её убежденность в разумности доводов испарилась.

– Они были монстрами, все до единого. И они превращали своих детей в таких же монстров. Через десяток лет и они были бы готовы тебя сжечь за то, что ты еврей!

– И кто, чёрт возьми, позволил тебе предсказывать будущее? – закричал Левинсон, вскакивая на ноги. Он ударился и пошатнул кофейный столик так, что бутылка скотча опрокинулась и разлилась.

– Да, может, они сожгли бы – а может быть, и нет. Может, они бы встретили какого-либо учителя или священника, а может быть, даже какого-нибудь еврея, который бы наставил их на путь истинный! Боже мой, Эми, они не были обречены. Им было всего лишь по 7-8 лет, чёрт подери. У тебя есть собственные враги, но это не те, кто мог бы появиться в ближайшее десятилетие...

– Говорю же тебе, там все были сумасшедшие, ненормальные. Те дети были... запрограммированы, Дэвид, они стали бы точно такими же, как и взрослые там.

– Так и что, чёрт подери? – тягостно выдохнул Дэвид. – Что, если бы они и стали, Эми? Это Америка, у тебя есть право вырасти абсолютным дебилом-расистом.

– Возвращение к старой теме про Гитлера, Дэвид? – сказала Эми. – Ты возвращаешься назад во времени с пистолетом в руке и видишь восьмилетнего Гитлера. Ты бы нажал на курок? Или ты собираешь нести всякую чушь – типа, что ты поговорил бы с ним, и что ему на самом деле ему следует сделать со своей жизнью?

– Нет, я бы не сделал этого. Я не стал бы ни говорить с ним, ни стрелять в него. Я бы ни хрена не сделал, Эми, потому что подобные люди не единственные в своем роде – таких до чёрта во все времена. Таких множество, и их создает история.

– Ты хотела бы знать, что случилось бы, если кто-то грохнул бы Гитлера, пока он был маленьким милым Адольфом? – продолжал Левинсон, глотая слова. – Не было бы никакого Гитлера, нет. Но чёрт возьми, точно был бы кто-нибудь ещё – какой-нибудь Курт фон Ёбмейстер – и развил бы идею, сделал бы евреев злодеями в любом случае, и может быть, старина Ёбмейстер был бы настолько умнее Адольфа, что он подошёл бы к вопросу с чувством, с толком, с расстановкой. Построил бы военную систему в пять раз лучше, чем была у Гитлера, заставил бы своих ребят изобрести ядерную бомбу раньше наших, захватил бы Польшу в 1945, а потом сбросил бы одну большую бомбу на Лондон. Рузвельт сдаётся. Ёбмейстер захватывает мир. Хайль Ёбмейстер! Шесть миллионов погибших? Херня. Мелочёвка. Шестьдесят миллионов. Шестьсот миллионов – вот какими могли бы быть цифры Ёбмейстера! И это твоя вина, Эми. Это всё ты виновата, потому что вышибла мозги тем восьмилетним детям.

Левинсон откинулся на диван, и запал его иссяк.

– Мадам, у вас своя собственная борьба. Не смей бороться ни с кем, кроме своих врагов. Люди причинили боль тебе, твоим детям – так давай же, сделай больно им. Убей их, заставь заплатить. Но ты не можешь убивать всех, кто с ними согласен. И не смей прикрывать свои преступления словами вроде «из-за того, что ты сотворила, одной битвой будет меньше».

Он зловеще улыбнулся и продолжил:

– С моей точки зрения, ты каждому грёбанному, психованному правому радикалу в этой стране возведёшь целый погребальный костёр из мучеников. Смотри, как давно ходит старая байка, которую сотворили из старого вранья – якобы средневековые евреи убивали детей христиан и выкидывали их тела в нужник. А ведь они рисуют этих людей в храмах.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Эми больше не могла смотреть на Левинсона. Она уже давно отвернулась.

– Я не хотела, чтобы это случилось, – тихо сказала она, прервав навеянные тишиной раздумья. – Я пыталась убить тех, кто был на сцене, но никого больше.

– Мне от этого легче, – сказал Левинсон. – Не совсем, Эми, лишь чуть-чуть. Но не думаю, что это как-нибудь поможет выжившим.

Он тряхнул головой, словно пытался очистить её.

– Видишь ли, – уже медленнее продолжил он, – печаль и сожаление вызывает то, что ты вернулась, потому что они убили твоих детей, но теперь их дети гибнут от твоей руки. Как мне кажется, сами детишки едва ли могли что-то об этом сказать.

Дэвид издал горький смешок.

– Знаешь эту заезженную фразочку от Ницше? Я читал много романов ужасов, и в любом можно было найти цитату о том, что если ты борешься с чудовищами...

– Нужно быть осторожным, чтобы самому не стать чудовищем.

– Тоже читала, да? – мечтательно сказал Левинсон. – А если слишком долго будешь смотреть в бездну...

– Бездна заглянет в тебя, – закончила Эми.

– Когда я жил в Детройте, я слишком долго смотрел в бездну. Вот почему я здесь. Я хотел, чтобы всё было лучше. Я хотел жить в прекрасном городе с прекрасной женой, в прекрасном браке, – он закрыл глаза. – И теперь кажется, что эта старая бездна снова раскрыла свою пасть. Закрой её, Эми. Делай, что должна, и закрой её навсегда. Больше никаких мёртвых невинных, больше никаких ангелов, улетевших с земли на небеса слишком рано.

Он открыл глаза и посмотрел на неё.

– Поклянись мне. Поклянись их душами.

Эми встала на колени рядом с его креслом и накрыла его ладонь своей, пытаясь не обращать внимание на небольшую дрожь, пробежавшую по его телу от прикосновения.

– Я клянусь. Клянусь их душами. Невинные больше не будут умирать.
Клянусь их душами.

Затем она встала, прошла к дальней стене и развернулась.

– Они у меня в руках, Дэвид. Я знаю, где они. Все они. Я собираюсь вернуться туда и со всем покончить.

– Никаких невинных.

Она покачала головой:

– Ни детей, ни женщин. Солдаты. По крайней мере, так они себя называют.

– Не думаю, что ты собралась выдать эту информацию полиции и позволить им разбираться с этим.

– Нет, не собралась. Я бы даже не подумала об этом, – сказала она без тени улыбки. Она хотела, чтобы он понял: здесь не может быть ни шуток, ни компромиссов.

– А если я не дам тебе «Аванти»?

– Сама взяла бы. Или угнала бы другую. Ты же знаешь, меня не остановить. Так почему ты не станешь мне помогать?

Левинсон вздохнул.

– Прежде чем я приму решение, мне нужно выпить кофе.

Он засыпал зёрна в кофемолку, пока она садилась за столик. Включив машинку, он прошёл к двери в гараж, открыл её и включил свет.

– Она грязновата, – сказал он.

– Шёл дождь.

Дэвид обошёл вокруг машины и вернулся на кухню.

– Царапин нет. Спасибо.

– Да пожалуйста. Постараюсь обращаться с ней как можно аккуратнее, когда выеду в последний раз.

– Ты ведь не взяла бы меня с собой. Я мог бы вернуть её в целости и сохранности.

Она улыбнулась:

– Нет, не думаю. Я брошу письмо с координатами в почтовый ящик, и ты узнаешь, где её найти.

Он вытащил из ящика блокнот и ручку, и вручил их Эми. Затем он вытащил конверт и наклеил на него марку.

– Отправишь сегодня – и я получу его завтра. Хватит времени?

– К завтрашнему дню всё будет кончено.

Она оторвала несколько верхних листов и положила их на твёрдую поверхность стола.

– Я не вчера родилась, Дэвид, и знаю старый впечатляющий трюк.

Пока она писала, он выпил чашку кофе. Эми указала, как добраться до дороги, ведущей к лагерю, и рассказала о густом покрове деревьев, под которым она оставит машину:

Даже если власти заявятся туда после всего, никто не должен её найти. Я заброшу её ветками, так что у тебя могут быть трудности. Но ты продолжай искать. Помни: ты – коп.

Спасибо, Дэвид, за всё, и за то, что ты знал, кто я такая и что здесь делаю. Мне жаль, что для стольких людей всё закончилось плохо. Я не хотела этого, но так случилось. Я ничего подобного не хотела, но это произошло. Иногда мне кажется, что всем плевать на то, чего мы хотим, но тогда я вспоминаю, как я вернулась. Кто-то, или что-то слышит нас, и знание об этом не даёт мне чувствовать себя одинокой.

Она написала своё имя, затем согнула бумагу втрое, положила её в конверт, написала адрес и положила письмо в карман.

– Если хочешь мне помочь побыстрее закончить с этим, то мне понадобятся некоторые вещи.

– Например?

– Патроны. Я спрятала у тебя в подвале оружие. У меня есть девятимиллиметровый Weaver Nighthawk и Cobray M11/Nine. Пары сотен патронов для каждого должно хватить.

Левинсон кивнул:

– На маленькую армию должно хватить, да?

– Именно. Также нужна какая-то камуфляжная одежда. Тёмная. И облегающая – не хочу зацепиться за растения. Необязательно тёплая – я всё равно не мёрзну. И маскировочная краска для кожи.

На мгновение она задумалась.

– Принеси мне и белую краску. Небольшую баночку с белой краской.

– О Боже, мне нужно бы всё это записать, – сказал Левинсон, потянувшись к блокноту и ручке. – Целый список.

Он записал всё, о чём она просила.

– Что-то ещё?

– Да. Кусачки, для толстой проволоки.

– Это есть. За остальным придётся выйти. Есть причины, по которым ты сама не можешь это купить?

Она пожала плечами:

– Ты же коп, ты легко можешь купить боеприпасы. Кроме того, насколько я знаю, они будут искать женщину, подходящую под описание не только женщины с оружейной выставки, но и с о-клэрской... – она пыталась подобрать слово.

– Херни, – сказал Левинсон.

Она кивнула.

– Так что мне лучше не вылезать... пока время не пришло.

– Не думаю, что тебе стоит волноваться о том, что было на выставке.

Никто не заявил, что видел «Аванти». Насчёт О-Клэр не знаю. Это другой штат, и у нас нет доступа к их записям – или их соображениям – без особой причины. Но похоже, что они не будут серьёзно здесь искать: причины нет. Впрочем, я всё куплю. А ты береги силы.

Он поморщился.

– Ты знаешь, о чём я.

– Да, знаю.

Затем она пошла в подвал. Не потому, что хотела узнать что-то из файлов или компьютера Левинсона – она искала темноты. Подвал казался подходящим местом. Сегодня всё случится в темноте, всё закончится – с ножами и пистолетами, и всем остальным, что она найдёт и чем сможет их убивать.

Она долго сидела во тьме, пытаясь найти спокойствие, мир, что-то, на чём можно сосредоточиться и что повело бы её, словно железное ядро, которое сделало бы её сильнее с приходом темноты. Прежде всего она подумала о детях, об их улыбающихся лицах, улыбки на которых уже никогда не появятся, чей смех уже никогда не услышат, которые не проживут свои жизни, и о поколениях, исчезнувших в промежутке между ударами сердца.

Она подумала о Джуди Крофт – о том, как она радовалась детям, о её терпении, чувстве юмора и понимании, которые исчезли в мгновение ока.

Она думала о собственной жизни, о своей любви, о Рике, и о том, как он рисковал всем, чтобы привести её к убийцам, чтобы свершилось тёмное правосудие, которое могли вершить лишь Эми и Ворон. Она молилась о том, чтобы он выжил и вернулся к семье, о которой так давно мечтал.

Мысль о Рике в объятьях Нэнси на мгновение сделала ей больно, сделала это частью большей боли, которая вела её, и обезличила это чувство. Она знала, что он снова полюбит, и молила кого-то, чтобы он жил и мог любить.

Закончив первую молитву, она попыталась сосредоточиться на божестве, в которое всегда верила. Но попытавшись представить его – доброго иудейско-христианского Бога в белой тоге и с белой бородой, которому она молилась всю свою недолгую жизнь, образ в её голове начал меняться. Он темнел, одежда, волосы и борода чернели, и всё смешивалось, пока она не увидела Ворона, сидевшего, как древняя статуя, гораздо крупнее, чем он был, смотревшего на неё своими чёрными глазами.

В них она прочитала безразличие. Глаза были угольно-чёрными, лишёнными эмоций, блестящими от света – но не более того.

Но как это могло быть возможно? Существо – бог это, демон, или воплощение – вернуло её из мёртвых. Зачем ему это делать, если космическое безразличие – основа его существования?

Нет, оно вернуло её из-за другой эмоции. Если это была не любовь к ней, чего Эми ожидала от Бога, то возможно, это было уважение к её собственной любви, которую предали люди, убившие её и детей. И её вернули, чтобы восстановить справедливость.

Но как она должна была это сделать? Что от неё ожидалось? Ожидания, да – возможно, в них она и могла бы найти мотив...

Она поняла, и её бросило в холод. Она всегда это знала.

Оно ожидало смерти.

Оно ожидало жизнь.

Мог ли Бог сделать такое? Смог бы её добрый Христос воскресить её, чтобы убивать, поставить её на место, на котором она могла бы отнимать жизни детей – и неважно, насколько они предрасположены к злу?

Нет, точно нет. Но если Ворон – не посланник Бога, то кто он? Хоть Эми и верила в Бога, она никогда не верила в дьявола, демонов и прочие воплощения зла, которые обитали в сердцах и умах мужчин и женщин. Но теперь она не была уверена.

И всё же, если Ворон был злым, разве он не хотел бы, чтобы злые люди вроде «Сыновей свободной Америки» жили и процветали? Зачем ему возвращать её и позволять убивать их?

Возможно, оно было между добром и злом – более примитивное божество из ранних времён, пережившее вечность, сила, требующая правосудия и использующая несправедливо убиенных, чтобы достичь своих целей. Не дьявол, но мрачный и яростный бог со своей правдой.

Голодный.

Хоть она никогда не узнает по-настоящему, она примет этот ответ как истину. Он был так же хорош, как и все остальные. И если Эми будет проклята за то, что уже сделала – да будет так. Она будет двигаться вперёд. Нельзя быть проклятым дважды.

Она накормит древнее существо в облике Ворона. Она даст ему правосудие, которое Ворон требовал и которое она желала больше, чем любовь, больше, чем жизнь и вечный покой, который, как она надеялась, будет её наградой.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

**Любимая, так будем же верны
Друг другу! В этот мир, что мнится нам
Прекрасной сказкой, преданной мечтам,
Созданьем обновленья и весны,
Не входят ни любовь, ни свет, ничьи
Надежды, ни покой, ни боли облегченье.
Мы здесь как на темнеющей арене,
Где всё смешалось: жертвы, палачи,
Где армии невежд гремят в ночи.**

Мэтью Арнольд, «Берег Дувра»

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

– Как только наступишь на эту штуку – раздастся щелчок, и если ты знаешь, что этот щелчок значит, ты просто стоишь на месте и не знаешь, что, чёрт возьми, нужно делать. Если же ты *не знаешь*, что это такое, или – что вероятнее – не слышишь щелчка, то просто идёшь дальше. И как только ты поднимаешь ногу – бум. Твои ноги исчезают в большом красном облаке, член с яйцами вбивает куда-то в кишки, и ты охеренно быстро умираешь. Это если повезёт. Большинство парней знают, где они сейчас, но некоторые, вроде Рея, не могут запомнить. Он мой брат, милый парень, и я люблю его, но чердак у него маловат. Так что если не можешь запомнить, где они – избегай периметра. Нет особых причин здесь околачиваться.

Рип Уизерс проводил для Рика Карлайла большую экскурсию по лагерю «Сыновей свободной Америки», одним из которых он должен был стать в тот вечер. Когда они приехали рано утром, Уизерс встретил его. Он не был особо рад, так как погиб Чип Портер – эксперт по компьютерам и электронике, но с Риком он был довольно вежливым.

Уизерс показал ему бараки, где жили и спали люди, дал ему полотенце, мочалку, туалетные принадлежности, и показал ему его койку. У Рика было два часа до общего подъёма, так что он мог немного поспать. Когда он проснулся вместе с ними, Уизерс повёл его на экскурсию, начав с ворот, забора и минных полей.

Затем он показал Рику различные помещения в бараках, включая комнату досуга – с телевизором, видеомагнитофоном и широким выбором видеокассет. Также на книжных полках стояло несколько сотен книг – большинство из них были об американской истории, оружии и политике. Никого из авторов или издателей Рик не узнал. Также в комнате находились столы для бильярда, пинг-понга и для карточных игр.

Молитвенный зал, где они завтракали и где Рика представили людям как новичка по имени Гай Адамс, мог вместить сотню человек, хоть Уизерс и сказал ему, что в лагере постоянно проживают двадцать человек, а на выходных здесь всего человек тридцать.

– У кого-то есть работа, семья. Но сегодня здесь собрались все, чтобы пострелять, и... ещё кое-что.

– Пострелять?

Уизерс повёл его к огромному хранилищу в задней части молитвенного зала. Когда он открыл дверь, Рик услышал птиц – одни пели, другие издавали звуки, больше похожие на треск. В нескольких огромных клетках содержались различные дикие птицы – от попугаев до ворон и маленьких воробьёв.

– Мы делаем раз в несколько месяцев, – сказал Уизерс. – Позаимствовали идею отстрела попугаев в Пенсильвании. Но здесь равные возможности. Мы расставляем сети и ловушки за неделю, и всё, что поймаем, несём сюда. Затем сегодня ночью мы их выпустим на волю, после чего сделаем свой ход – убьём. Кто-то улетит, и вернётся как-нибудь в другой раз, особенно те, что поменьше – их тут множество порхает, и мишени из них посложнее будут. Но голуби и вороны... Наши стрелки не оставляют им шансов. Эти ребята хороши. А у тебя как с этим, Гай?

– Мне не нравится это говорить, – сказал Рик, – но я не держал оружия ещё с тех пор, когда охотился в детстве.

– Не служил?

– Пытался пойти в морпехи, но меня не взяли бы. Смотри.

Рик снял правый ботинок и носок.

– Мизинец подворачивается. Как только они это увидели – сразу же отправили меня обратно.

– Не переживай. Здесь тебя научат стрелять.

В третьем большом здании находились внутренний плац и стрельбище. Также на полу валялись толстые маты.

– Здесь мы занимаемся рукопашным боем. Многие ребята подкованы в боевых искусствах. Опыт есть?

Рик покачал головой:

– Душа готова, но телу нужны тренировки.

– Это будет. А теперь я покажу тебе кое-что *по-настоящему* интересное.

Уизерс повёл его в конец открытого пространства, где здание наполовину уходило в землю. У него была закруглённая крыша из гофрированного металла, а задняя стенка – из кирпича. Бетонные ступеньки вели к двери.

– Это мы называем арсеналом, – сказал Уизерс. – Немного старомодное название. Полагаю, ты спокойно можешь называть это оружейной, но старые названия дарят нам ощущение традиционности. Здесь хранится наше оружие, боеприпасы, взрывчатка...

– Взрывчатка? – спросил Рик.

Уизерс улыбнулся:

– Так и знал. А вот и хозяин идёт.

Рик повернулся и увидел идущего к ним гибкого мужчину с сальными чёрными волосами и в грязном бушлате. Его лицо было покрыто бледными и красными шрамами.

– Эй, новенький, – сказал он, а затем кивнул Уизерсу.

– Это Рональд Бёрнс, – сказал Уизерс, – но мы все зовём его Паудер – «порох». Увидишь, почему.

– Многое отдал работе, – сказал Бёрнс, ухмыляясь.

Он поднял вверх левую руку. На ней не хватало кончиков мизинца и безымянного пальца.

– Как процесс? – спросил Уизерс.

Бёрнс радостно кивнул:

– Я закончу через пару часов. Мы сможем зарядить всё сегодня после охоты, а установить – с первыми лучами солнца.

Он посмотрел на Рика и нахмурился.

– Этот парень не из программы «*Шестьдесят Минут*», верно?

Уизерс и Рик рассмеялись. Через пару секунд захохотал и Бёрнс.

– Что же, ты прибыл как раз к фейерверку, парень. Ты ему уже говорил? – спросил он Уизерса, который покачал головой. – Ну, твоя вечеринка.

Сказав это, Бёрнс спустился по ступенькам к арсеналу, открыл дверь и вошёл внутрь.

– А дверь вы не запираете? – спросил Рик.

– Здесь замки ни к чему. Мы все – братья. Если мы начинаем думать, что не можем верить брату, то он долго не проживёт. Понимаешь, попав в лагерь, ты не можешь выйти отсюда два месяца. Так мы можем хорошо определить, кто истинный Сын, а кто – нет.

– И если вы решите, что кто-то не истинный, то что?

Уизерс указал на ещё одну лестницу за арсеналом; Рик её раньше не замечал. Над ней был едва заметный холм.

– Это единственная камера, которая здесь есть. Если кто-то оказывается предателем, мы сажаем его туда. Потом устраиваем суд. И казнь.

– Такое уже случалось?

– Гай, посреди тех деревьев, – он указал пальцем, – всё покрыто мхом. Под мхом – очень мягкая земля. И примерно в четырёх футах под землёй лежат трое. Теперь мы думаем, что они были хорошими, белыми воинами-христианами, как ты. Но они таковыми не были. Иуды. Они продали бы нас сразу же, как Иуда продал Иисуса. Двое вошли сюда вместе, ещё один пришёл сам. Не знаю, были они знакомы между собой или нет – мне не особо интересно. Они исчезли, и в итоге ничего не случилось. Их не искали ни шерифы, ни федералы, ни кто-либо ещё.

– И... что же они сделали? – Рик чувствовал мурашки в паху, и надеялся, что его обеспокоенность не заметят.

– Пустяк, по сути. Возможно, другие ополченцы отпустили бы этот грешок. Но мы не могли. Мы *серьёзнее*, чем большинство других движений. Но что это было, я тебе не скажу, потому что не хочу, чтобы ты постоянно был начеку.

Уизерс усмехнулся.

– Нет смысла разводить паранойю по этому поводу. Кроме того, я не думаю, что ты будешь делать что-то вроде того, что сделали они. Я чувствую, что могу тебе доверять, Гай. Или, по крайней мере, смогу – после того, как мы поговорим кое о чём.

«Вот дерьмо», подумал Рик.

– О чём?

– Эйс сказал, что ночью у вас был маленький гость, пока вы ехали сюда. Кто-то за тобой следил.

– Так и есть. Но Эйс оторвался. Я не знаю, с какой радости кому-либо нужно за мной следить. Может, они ехали за Эйсом.

– Может, и за ним. Так ты не знаешь, кто это был?

– Нет. Сказал бы, если бы знал.

Какое-то мгновение Рип помолчал, а затем кивнул.

– Ладно... Ладно. Ну, теперь я оставлю тебя с ребятами, чтобы те дали тебе уроки стрельбы. Не возражаешь?

– Откуда тебе знать, что это не он нас вышибает, Рип?

– Это была женщина, Эйс, – сказал Рип Уизерс.

Они сидели в домике Рипа вместе с Реем и Паудером – последнего вызвали из арсенала, чтобы обсудить гибель Чипа и приезд Гая Адамса.

– Женщина убила Джуниора, и она же определённо сделала что-то, что заставило Уилсона Барнса трепать языком.

– А если их двое? – не сдавался Эйс. – Если это агенты правительства, работающие вдвоём? В смысле, разве случайно то, что он был на выставке, где его завербовал Джуниор, и на этой Белой братско-христианской хрени?

– Чёрт, да нет же. Я велел ему туда ехать, Эйс. Я хотел посмотреть, сможет ли он туда добраться, и хотел, чтобы Карл за ним некоторое время пошпионил, выяснил, правдив ли его рассказ, встретится ли он с кем-нибудь. И этого не случилось. Он сказал, что гол как сокол, и пошёл ночевать в клоповник. Он не знал, следит ли за ним кто-нибудь.

– Он всё равно мне не нравится. Я примерно три часа с ним катался прошлой ночью, Рип – я, а не ты. Когда три часа сидишь в темноте наедине с человеком, чувствуешь, каков он, и с этим парнем что-то нечисто. Кроме того, я могу поклясться, что уже его где-то видел.

– Выяснишь, где именно – скажешь.

– Проклятье, Рип, я просто не думаю, что сейчас подходящее время, чтобы кого-то приводить, особенно с тем, что запланировано на завтра, и...

– Он спас моего сына! – взорвался Рип. – Зачем, блядь, ему своей башкой рисковать ради него, если он всех нас должен грохнуть? Я – его должник, Эйс! Теперь мы глаз с него не спустим, и не позволим оставаться одному.

Внезапно ему в голову пришла мысль:

– Знаете, что... Мы возьмём его завтра на дело. Если он с нами – он ничего не сделает. Если нет, он попытается выйти и предупредить людей, или же с бомбой попытается напартачить. Просто проследим за ним, и следующие двадцать четыре часа всё покажут. Согласны?

Каждому это показалось разумным, и Рип отправил Эйса с поручением приставить к Гаю Адамсу двух человек. Когда он вернулся, пошёл разговор о Чипе Портере.

– Связан с этим Адамс или нет – суть в том, что кто-то вершит вендетту. Мы знаем, что это женщина, которая заставила Барнса пиццать в прямом эфире. Потом кто-то завалил Санни, Джуниора, и теперь к ним присоединился Чип. Вы все знаете Чипа, он никогда не позволил бы случиться такой электрической херне. Я прав, Паудер?

Паудер тряхнул головой:

– Точно не Чипмен. Он провода знал и вдоль, и в зад. Его аппаратура была старой, поэтому с ней нужно было быть осторожнее. Но он всегда таким был. Что бы там ни случилось, это не его просчёт.

– И если вы заметили, – добавил Рип, – они не назвали это несчастным случаем. Никто пока не назвал это диверсией, но очень поуже на то, что нас к этому готовят.

– А с чего бы им это говорить? – спросил Рей.

– Что?

Рей говорил медленно, будто подбирая каждое слово.

– С чего бы им... либеральной прессе... говорить, что это саботаж? То есть, если это сделали люди правительства, разве правительство не хотело бы, чтобы это было похоже на несчастный случай? Так почему бы им не сказать, что это несчастный случай?

– Не знаю, Рей, – нетерпеливо ответил Рип.

Его брат говорил редко, но Рип всегда ненавидел такие случаи. Когда это было наедине – ещё ничего, но такие собрания имели официальный характер, и он не хотел, чтобы мысли Рея где-то блуждали.

– Но это неважно. Важно выяснить, кто за это отвечает, как они нас выслеживали, и как, мать его, *убирали* нас. Трёх уже убили, и едва не добрались до Карла. Теперь мы собираемся нанести *серьёзный* ответный удар, но это ничего не остановит. Надо найти эту суку и того, кто с ней работает – кто бы это ни был – и покончить с ними раз и навсегда.

– Но как, Рип? – спросил Паудер. – То есть, мы же у нас вроде как нет службы надзора, или разведки, или типа того.

– Нет, но возможно, этот кусок дерьма сам к нам придёт. Думаю, человек, следивший ночью за Эйсом и Гаем Адамсом – тот же, который запарол токком Чипа. Слишком уж большое совпадение и если они достаточно умны, чтобы выследить нас по одному, они в итоге и это место найдут.

– И приведут федералов, – сказал Эйс.

– Не обязательно. Если бы это были федералы, они бы захватили одного человека для допроса, а уж потом убили бы.

– Верно, – сказал Паудер. – Но Санни, Джуниора и Чипа просто убили на месте – их не пытались допросить.

– И этого я не могу понять, – ответил Рип. – Словно нас хотят не арестовать, а убрать по одному. Что же, детка, мать твою, удачи тебе. В следующий раз мы покинем это место завтра – с бомбой, в микроавтобусе и с двумя машинами сопровождения, в каждой из которых будет по четыре бойца. Все будут вооружены до зубов. Если эта шалава и её помощник захотят до нас добраться – это должно случиться сегодня. Она приведёт Магомета к горе. Я хочу, чтобы на сегодняшнюю ночь удвоили охрану, и никому, блядь, лучше не шляться. Мы зашли достаточно далеко, чтобы взорвать всё сегодня, особенно если мы собираемся *взорвать* это завтра. Всем ясно?

Рик надеялся, что Эми придёт сегодня ночью и со всем покончит. Он чувствовал себя нечистым среди этих людей, словно замарался их безумием за те несколько часов, пока он делил с ними их жизнь и извращённые мечты.

Некоторые говорили о том, что они уже сделали – казнь (они так это называли) Уилсона Барнса и Уильяма Стендиша, и то, о чём ещё хуже было слушать – взрыв детского сада, Центра Эми. Человек по имени Эд Коновер болтал с Риком об этом, показывая, как заряжать автоматическую винтовку и стрелять из неё.

– О да, это была паршивая новость, знаешь ли, потому что мы пытались добраться до этого сенатора-жидолюбца, но он всё отменил по дюжине разных причин... Да-да, вот так, просто подтолкни магазин, ага... Ну, да, очень плохо,

что эти дети погибли, и всё такое, но мы не планировали этого. Всё же, прежде всего это дало понять федералам, что мы ни с чем шутить не будем. Ясно указали на то, что у нас технологии, и мы знаем, как использовать взрывчатку там, где были их большие ребята, да?.. Вот так, теперь дёрни ползунок на себя... нет, нет, не возись с ним, хорошо дёрни, и от этого не сломается... Вот *так*, да... А во-вторых, Барнс – да Сатана сожрёт его чёрную душу – сделал нам как минимум одну услугу, когда сказал, что патриоты никогда не пошли бы на что-то настолько плохое, как взрыв детишек, но у правительства уже был такой случай в Уэйко, это один из *их* трюков, чтобы заставить ополчение казаться плохими ребятами. И ты удивишься, узнав, сколько человек на это повелось. Ну ладно, всё заряжено, приятель. Теперь пойдём на стрельбище и...

– Что, на медведя зарядил? – сказал Рип Уизерс, вмешиваясь в беседу. – Я отведу его на стрельбище, Эд.

Уизерс зарядил оружие в десять раз быстрее, чем Рик.

– Пошли, Гай.

Они вышли из здания и направились к стрельбищу.

– Эд рассказывал тебе о нашей «взрывной ситуации»? – смеясь, сказал Уизерс. – Фигня по сравнению с тем, что будет дальше. Ты прибыл вовремя, Гай. Мы уже выбрали команду, но ты тоже можешь разделить славу.

– Что... о чём ты?

– Я о здании Олсона в Хоби – где находятся все правительственные офисы. Завтра мы отвезём им вкусное угощение. Вся пластичная взрывчатка, которую мы копили в течение прошлого года – за исключением той, что ушла на детский сад, разумеется. Никакой херни вроде удобрений и горючих веществ. Взрыв в Оклахома-сити покажется вишнёвой бомбочкой. После этого *ничего* не выстоит.

– Завтра? – спросил Рик. Его сердце тяжело колотилось в груди.

– Завтра утром отправляемся. Паудер закончил сборку. Она в арсенале. Впрочем, парень, если это сработает – думаю, нас всех превратит в желе.

Рип расхохотался, садясь на одну из скамеек для стрелков.

– Ладно, сначала попрактикуемся на тех мишенях...

Пока он целился в чёрный круг, Рик думал, что он мог бы сделать. Он мог быстро направить оружие на Уизерса и убить его, а затем попытаться дойти до арсенала. Но здесь было ещё несколько стрелков, и он не мог даже надеяться на то, что выстрелит прежде, чем его уложат.

А если бы он и пробрался в арсенал- что тогда? Смог бы он взорвать эту штуку вместе с собой до того, как его схватят?

Вероятно, нет. Рик ничего не знал о взрывчатке. Нет, любая попытка подрывной деятельности закончится для него неудачей и смертью. По крайней мере, арсенал не был заперт. Может быть, ему удалось бы проскользнуть внутрь и разобрать устройство, или найти телефон, хоть он и не видел ни одного.

И была небольшая вероятность того, что Эми вовремя доберётся сюда и сделает что-то, чтобы остановить этот план.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Наконец-то наступила ночь, и Эми Карлайл посмотрела на себя в зеркало. Камуфляж сидел идеально. Он неразрывно сливался с ночью и сидел достаточно плотно, чтобы не привлекать внимание. Если бы шипы поцарапали её, она бы ничего не почувствовала. Боль будет проходить быстро, как и вновь полученные раны.

Левинсон купил даже больше, чем она просила. Сапоги, которые она носила, были чудом инженерной мысли – лёгкие, но с твёрдой подошвой, в них она могла двигаться через лес, словно призрак. Он нашёл боевой пояс для ножа и купил ещё один.

«Это на случай, если твой застрянет в дереве, или в земле, или в спине безумного террориста», сказал он ей.

Также он купил специальные магазины для её оружия, которые крепились на пояс. Когда магазин пустел, всё, что нужно ей было сделать – вытолкнуть его и вставить следующий.

– Надеюсь, это не дорого тебе обошлось? – спросила Эми, пока он сидел на кровати и смотрел на неё.

– Это просто уничтожило мои сбережения.

Он потряс головой.

– Боже, звучит ужасно. Это выражение использовали нацисты по отношению к евреям – уничтожение.

– Евреи были невиновны. А эти люди виновны.

Левинсон достал три баночки из бумажного пакета.

– Тебе всё ещё нужен грим? – спросил он.

Эми кивнула и взяла его.

Она подвязала волосы, открыла зелёную и коричневую краски и начала наносить их тонкими слоями на своё лицо, смешивая обе, пока её кожа не приобрела цвет грязи. Краска быстро высохла, и Эми открыла белую.

– Я хочу смешаться с тьмой, – сказала она. – Но ещё я хочу, чтобы они увидели кое-что. Я хочу, чтобы они видели, как смерть идёт за ними.

Она смочила палец в белой краске и провела тонкую линию по контуру своих губ. От уголков рта с каждой стороны она провела вверх две белые линии, образовавшие призрачную улыбку.

Затем Эми подвела глаза и посмотрела в зеркало. Она потрясла головой. Чего-то не хватало.

И тогда она поняла, чего именно. Она макнула палец в белую краску и провела под каждым глазом ещё по прямой линии, словно бледная скатывающаяся слеза.

– Я готова, – сказала она и повернулась к Левинсону. Тот вздрогнул, и Эми знала, что её лицо отображало всё, что она хотела показать. Оно наводило ужас – лицо, которое было едино с ночью, словно сияющая звезда во тьме, готовая сжечь каждого на своём пути.

– Да, – сказал он. – Я думаю, ты готова.

Затем он улыбнулся:

– Я надеюсь, тебя не остановит полиция.

– Я скажу им, что немного припоздала к Хэллоуну, – сказала Эми и улыбнулась в ответ Левинсону. Это было лучшее, что она могла сделать.

Он проводил её к машине и уложил оружие и ножницы по металлу в багажник. Эми села за руль и посмотрела на Левинсона.

– Возможно, ещё увидимся. Спасибо, Дэвид. Я не знаю, что ещё сказать.

– Я тоже, Эми. Действительно. Это было что-то... невероятное.

– Мы никогда не говорили об этом, – спросила Эми, – но ты религиозен?

– Я знаю, где здесь храм, но я не был там с тех пор, как покинул город. Боюсь, я один из тех заблудших евреев.

Левинсон улыбнулся.

– Но то, что произошло за последнее время, поставило передо мной много вопросов. Быть может, я *вновь* обращусь к вере.

– В любом случае, – сказала она, – можешь оказать мне ещё одну услугу?

– Если смогу.

– Можешь помолиться за меня? В своём храме? Молись за мою душу, где бы она ни оказалась. И души остальных умерших. Невинных.

Она не сказала, имела ли она в виду тех, кто умер вместе с ней, или тех, кого она убила, но это не имело значения для Левинсона.

– Хорошо, сказал он. – Я обещаю. За всех.

Этого было достаточно. Они поняли друг друга.

– Спасибо. Прощай, Дэвид.

Дверь гаража открылась, машина выехала и устремилась в ночь, к своей цели, к концу всего.

Она ехала, не превышая скорости, поэтому ни один полицейский не остановил её по пути.

На окраине Хоби она бросила в почтовый ящик письмо для Левинсона, а затем, оставив огни большого города позади, чёрный «Аванти» устремился вперёд через просёлочные дороги и тёмные леса.

Ворон летел перед ней, паря в свете фар. Ей не нужно было, чтоб он вёл её, но она была рада, что он с ней.

– «Ты пророк, - вскричал я, - вещей! Птица ты - иль дух зловещий...» – нашептывала Эми, следуя за ним.

Доехав до грязной просёлочной дороги, Эми съехала с пути и припарковала «Аванти» среди деревьев в пятидесяти ярдах от небольшой поляны рядом с кустами ежевики. Она оборвала ветви и спрятала машину, взяла оружие и ножницы по металлу, повесила на боевой пояс полные магазины и вышла на пыльную дорогу.

Благодаря полнолунию Эми легко нашла путь. Свет луны проходил сквозь почти осыпавшиеся деревья, озаряя лесную землю и дорогу бледным светом. На грунтовой же дороге свет был ярче. Ночь была ветреной и заглушала звуки хруста листвы под ногами. К счастью, они не заметили её, пока она не оказалась рядом, вонзив ножи в их спины.

Эйс Людвиг злился. Он *знал*, что видел где-то этого парня, Гая. Если бы он мог только вспомнить, где...

Эйс не купился на всю эту хрень насчёт побега от правосудия. Этот чувак был слишком *чистым*, словно он сам придал себе потёртый вид, как в каком-то грёбаном фильме, или что-то типа того. И когда Эйс разговаривал с ним в машине по пути в лагерь, он на все вопросы отвечал правильно, но во всём этом было нечто странное. *Слова* были правильными, но казалось, что он сам не верит в то, что говорит.

Если этот парень – федерал, их могут поставить раком, даже несмотря на то, что Эйс оторвался от того, кто сел им на хвост на границе штата. Но если он и *есть* федерал, то где, чёрт возьми, Эйс мог видеть его раньше? После обеда Эйс проверил папку с фотографиями разоблачённых федералов, но не нашёл никого похожего на этого Гая Адамса.

Чёрт. Может, кто-то из сослуживцев? Нет, он слишком молод, чтобы быть ветераном Вьетнама, и ни хрена не соображал в оружии, из-за чего Эйс понял, что у него нет даже основных навыков. Блин, вполне возможно, что он и в драке-то ни разу не был. Слишком похож на молодого успешного профессионала.

И руки у него мягкие. Неважно, что он сказал Рипу – это не рабочий. Гай Адамс был клерком в конторе, у него была красивая жена, две машины в гараже, яхта, двое детишек в дорогом детском саду...

Эйс замер. Точно: детский сад.

Он вошёл в комнату, где хранились видеозаписи, начал рыться в кассетах, на которые Рип записал репортажи о взрыве, и вставлять их в

проигрыватель. Спустя двадцать минут он нашёл то, что искал, и отправился к Рипу.

Уже было темно, но из-за прожекторов на территории лагеря было светло, как днём. Возле стрельбища несколько человек расставляли клетки для охоты на птиц.

Прожекторы снаружи ограждения тоже были включены, освещая грязную дорогу, ведущую к воротам. Обычно они были выключены, но Рип не хотел, чтобы их в последнюю минуту накрыли федералы. Всякое могло случиться.

Эйс нашёл Рипа в молитвенном зале. Он беседовал с несколькими мужчинами за чашкой кофе. Эйс наклонился и прошептал ему на ухо:

– Где Адамс?

– Не знаю, – ответил Рип. – Не волнуйся, за ним присматривают.

– Хорошо. Я хочу показать тебе кое-что о нашем новом друге.

Он встал и повёл его в видеоархив. Паудер и Рей тоже пошли с ними.

– Зацени, – сказал Эйс и нажал на кнопку видеомagneфона.

Девушка-репортёр стояла на фоне дымящихся развалин Центра по уходу за детьми «Дружба». Была ночь, но взрыв произошёл совсем недавно. Журналистка говорила о том, как, вероятно, погибли все в здании, после чего она повернулась и сказала:

– Похоже, что это муж одной из жертв. Сэр? Сэр, вы не могли бы нам рассказать, как вы?..

Затем позади журналистки появился мужчина в тёмной куртке. Он был вместе с женщиной. Он посмотрел в камеру лишь на долю секунды и отвернулся так быстро, что его ярко освещённое лицо исказилось размытием и исчезло. Но Эйс нажал на кнопку перемотки, отмотав запись назад, затем остановил её на лице мужчины.

– Знакомо? – спросил он.

Никто не усомнился в том, что мужчина, смотревший в камеру – Гай Адамс.

Эйс продолжил воспроизведение.

– Полагаю, ему нечего сказать, – сказала журналистка, снова поворачиваясь к камере. – Это, как мы думаем, был Ричард Карлайл, муж владелицы Центра, которая предположительно погибла при взрыве.

Эйс выключил проигрыватель и посмотрел на Рипа. Его и без того красное лицо стало ещё краснее. Эйс видел, как напряглись мышцы его челюсти, когда он вскочил на ноги.

– Вот сука! Вшивая сука! Найти его, найти *сейчас же!*

Рип выбежал наружу, но в дверях увидел человека, известного им как Карлайл, и двух мужчин, заметивших, как он идёт к арсеналу. К голове Карлайла были приставлены пистолеты.

– Что? – нетерпеливо спросил Рип. – Что он натворил?

– Надеюсь, ничего, – сказал один из мужчин. – Он вошёл в арсенал, и мы застукали его, когда он копошился с бомбой.

– Блядь! – рявкнул Паудер Бёрнс и побежал в арсенал.

Рип подошёл к Карлайлу и посмотрел ему в глаза.

– Ричард Карлайл, верно?

Карлайл улыбнулся. За это Эйс накиннул ему очко. Для этого нужно быть смелым. А может, он просто тупой.

– Для друзей – Рик, – ответил он. – Можешь звать меня Ричард.

Рип ударил его тыльной стороной ладони наотмашь, да так, что тот пошатнулся. Он отступил на пару шагов, но не упал. За это Эйс прибавил ему ещё очко: удар-то был чертовски сильный.

– Скользкий ты *хрен*, – сказал Рип. – Предатель, грёбанный *кусок дерьма!*

Начали собираться остальные. Эйс заметил, как к ним пробивается Карл. Он выглядел обеспокоенным. Рип взглянул на мальчишку, затем на всех остальных.

– Прямо реальный подарок, народ – настоящий, мать его, *шпион!*

Карл неуверенно подошёл к Рипу. Эйс мог сказать, что парень не хотел говорить ни слова, но чувствовал, что должен это сделать.

– Пап... он, типа, мне жизнь спас...

– Он тебя спас, чтобы попасть *сюда*, дубина! Это всё подстава, и он заодно с *той сукой!*

Он бросил на Карлайла убийственный взгляд.

– Так, запирайте-ка этот кусок дерьма, любящего жидов и чёрных, в клетку, мы с ним немного побеседуем.

В этот миг в комнату вошёл Паудер Бёрнс. Он выглядел бледным и уставшим.

– Порядок, – сказал он. – Он просто вырвал пару проводов, пытался отсоединить таймер, или что-то ещё, но ничего не успел.

– У него не должно было хватить времени на *это дерьмо*, – недовольно проворчал Рип, косясь на двух мужчин, охранявших Карлайла. – Бомба в порядке?

– Да, я прикрутил всё обратно. Опасности нет.

– Выставить дополнительную охрану сегодня же, – приказал Рип. – не только у ворот, но и ещё четверых на периметр. Карл, ты один из них – пойдёшь на север. Паудер, распредели остальных. Всё, ведите его.

Указав на Карлайла, Рип пошёл к клетке, наполовину вкопанной в землю в лесу

* * *

Теперь Эми была единственной надеждой Рика. Если она не придёт – он умрёт. Хотя ему наверняка и без того конец. По крайней мере, он однажды снова будет с ней, когда всё это закончится. Он пытался разобрать бомбу, но понятия не имел о том, что делает. Наибольшей опасностью было то, что бомба могла взорваться, но если это и случилось бы – тоже неплохо.

Но ему не повезло. И теперь его тащат в клетку, которую ранее показывал ему Рип Уизерс. Рик задумался, может ли она быть камерой пыток. Едва ли Рик откажет себе в этом.

И это оказалось правдой. Кожаными ремнями его пристегнули к деревянному креслу. Ещё один ремень застегнули вокруг его головы так, чтобы ею можно было двигать, открывая горло или любую другую сторону головы.

В клетке их было четверо: Рик, Паудер, Уизерс и Эйс, присоединившийся к ним после распределения охранников. У каждого был пистолет в кобуре, но перед лицом Рика Уизерс держал нож.

Рик пытался улыбаться, но был напуган до чёртиков. Он надеялся, что не обмочится, что бы ни случилось, но боялся, что это всё-таки произойдёт. Разве это не естественная реакция организма на чрезвычайную боль или ужас? Он знал, что если умрёт, то потеряет всё – мочевой пузырь, кишки, и всё прочее – но ему уже будет всё равно. Пусть эти ублюдки сами разбираются с беспорядком.

– Видишь этот нож? – сказал Уизерс. Прежде чем Рик смог ответить, Уизерс вставил острие ему в ухо и резко дёрнул лезвие в сторону, рассекая плоть и хрящ.

Рик не мог сдержать крик, но стыд заставил его тут же сжать зубы. На коже выступил пот, и Рик чувствовал, как кровь стекает по мочке уха и капает на плечо.

– Крови будет немного, – сказал Уизерс. – Просто хочу, чтобы ты понял, что я серьёзен. Не скажешь то, что я хочу знать – я тебя изуродую, покалечу, убью. Ты хуже врага – ты шпион и предатель. Для меня ты – *кусочек мяса*. Ты сдохнешь, но ты можешь сделать это легко – *относительно* легко –

а можешь сделать это в тяжких муках. Итак, первое, что я хочу знать: с кем ты?

Это было просто.

– С партнёром.

Партнёры по жизни, партнёры после смерти.

– Не федералы? Не полиция?

– Они даже не знают о моём существовании. Как я и сказал, лишь я и мой партнёр.

– Ладно. И *кто* же эта сука?

Рик выдержал паузу.

– Твоя мамаша, – ухмыльнулся он.

Было глупо это говорить, и Рик знал, что за этим последует лишь боль. Но возможно, ему повезёт, и этот мудака-реднек позлится перед тем, как убьёт его. Но прежде всего Рик сказал это потому, что сам был зол. Он ненавидел этого человека и то, что он сделал.

Очевидно, Уизерсу уже приходилось допрашивать узников. Он не разозлился, не вышел из себя. Он оскалился, его ноздри раздулись, и он поднёс нож к другому уху, а затем разрезал и его.

На этот раз Рик был готов. Из его горла вырвался рык, но чёрт возьми, на этот раз это был *мужественный* рык. Ну и хер с этим ублюдком. Пусть режет, у Рика ещё хватит кожи.

Оба уха теперь были разрезаны, крови стало в два раза больше. Стереокровотечение.

– Мне не нравится, что ты умничаешь, *Ричард*, – сказал Уизерс. – Вообще не нравится. Это не забавляет ни меня, ни моих друзей. Я могу порезать твои уши так, что ты станешь похож на собаку. Могу разрезать грудь так, что у тебя будут сиськи висеть. Но могу и по-другому тебя женщиной сделать. Понимаешь, о чём я?

– Вроде понимаю, – ответил Рик, тяжело дыша.

– Хорошо. Теперь я хочу знать, кто эта женщина. Та, которая убила Джуниора на оружейной выставке, которая заставила Уилсона Барнса языком трепать.

– А знаешь, что ещё она сделала? – спросил Рик.

Он понял, что может рассказать ему правду, чтобы заставить его обделаться от страха, и важнее всего – потому, что Эми хотела бы, чтобы он об этом знал. А также это могло дать ему преимущество и спасти от большей пытки.

– Она убила ребят на сцене – всех до единого. У вас случайно за последнее время штурмовики в боях не погибали?

Уизерс выглядел чертовски серьёзным.

– Да. Мужчина на парковке и мать одного из наших – в своём же трейлере.

– Скажи мне, – улыбнулся Рик, – как они умерли?

– Одного зарезали. Старушке свернули шею и подожгли трейлер.

– Похоже на её работу, – сказал Рик, хохотнув. Он задумался, не сходит ли он с ума. – Она любит оставлять после себя беспорядок.

Уизерс схватил ремень и рванул голову Рика назад, открывая горло. Рик почувствовал, как к нему приставили лезвие ножа.

– Кто она? *Кто*, блядь, она такая?

– А ты не знаешь? – грубо сказал Рик, напрягая горло. – А должен бы. В конце концов, ты же её убил.

– Что?

От горла убрали нож, и ремень расстегнулся. Его голова опустилась, и он снова поднял взгляд на Уизерса, который теперь смущённо уставился на него.

– Что ты имеешь в виду, говоря, что я убил её?

– Моя жена. Эми... Эми Карлайл.

Уизерс ещё какое-то мгновение смотрел на него. Затем он ухмыльнулся уголком губ и издал скользкий смешок, способный напугать любого.

– Ты о чём? Она *мертва*.

– Верно. Но она *вернулась*.

На миг Рип Уизерс показался напуганным. Затем его на его лице возникло решительное выражение, и он приблизил нож к правому глазу Рика так, что между глазом и остриём оставалось меньше дюйма.

– Ты – грёбанный лжец. А лжецы лишаются того, что для них важно.

– Я *не* вру, – сказал Рик так яростно, как только мог. – Твой сын сам видел, как в неё стреляли, а она шла дальше. Она поджарила твоего гитариста, после чего просто ушла оттуда. Ты её не убьёшь, Уизерс.

Он улыбнулся, глядя на нож.

– Перефразируя ту запись, которую Раш Лимбоу всегда крутит смеха ради, «Она здесь, она феминистка, она *в твоём лице*». Только на этот раз никто не смеётся.

Уизерс тяжело сглотнул и медленно убрал нож от глаза Рика. Когда он говорил, его голос дрожал достаточно заметно для Рика:

– Мне плевать, кто она такая. Придёт сюда – умрёт. Попытается остановить нас – умрёт.

– Это будет непросто. Я же говорю, она и так мертва.

– *А ты присоединишься к ней!* – сказал Уизерс, встав на ноги. Сразу же после охоты тот, кто настреляет больше других, прикончит тебя, пидор! И к утру подо мхом появится ещё одна могила!

– К утру здесь будут горы трупов, Уизерс.

– Приставь кого-нибудь, чтобы охраняли этого уёбка, – сказал Рип Эйсу, развернулся на каблуках и вышел из клетки. Паудер и Рей последовали за ним. Он больше не мог ни секунды провести в одном помещении с этим либеральным ублюдком. Он боялся, что Карлайл заведёт его слишком далеко, и он убьёт его. Нет, он хотел, чтобы тот ещё пожил, подумал о смерти, о том, как его расстреляют перед людьми, которых он больше всего ненавидел на этом свете.

Что же, это чувство было охренительно взаимным. Рип ненавидел этих «белых воротничков», левых сторонников правительства – ненавидел так же, как они ненавидели его. А может, даже сильнее. Не было ни ответов, ни компромиссов, не было ни единого способа сосуществования двух абсолютно разных идеологий в этой стране. Конгресс сам себя рвал на части, а двухпартийная система была лишь грёбаной шуткой. Единственный ответ – война. Война и уничтожение, либо же изгнание проигравших, и Рип на проигрыш не был настроен.

– Что думаешь, Рип? – спросил Паудер. – О том, что он сказал.

Он развернулся, и его лицо оказалось прямо напротив лица Паудера.

– *Что я думаю?* Вот что: ладно, пусть Эми Карлайл восстаёт из мёртвых. Если она может держать в руках оружие, мы можем в неё стрелять, и мы буем стрелять снова, и снова, и снова, пока мы не разорвём эту манду на столько маленьких кусочков, что она уже *никогда* не соберётся воедино!

На секунду Рей опустил взгляд, собираясь с мыслями, затем снова поднял глаза.

– Но мы ведь уже это делали.

Рип стиснул зубы. Он не мог произнести ни слова. Он был зол, обеспокоен и напуган всем этим – шпион, женщина, завтрашний взрыв. Слишком много всего, о чём нужно думать и волноваться.

И он решил вообще не думать об этом. Лучше убить кого-нибудь вместо этого.

– Эй! – игриво крикнул он мужчинам, стоявшим у клеток на стрельбище. – Кто хочет подстрелить пару птичек?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Эми старалась держаться от ограждения лагеря на расстоянии не менее пятидесяти ярдов. Открытое пространство было залито светом, словно Стивен Спилберг ожидал приземление корабля пришельцев, и свет проникал в лес вокруг лагеря, позволяя ей видеть всё, оставаясь незамеченной.

Она решила, что лучше всего будет войти с противоположной от ворот стороны. У «Сыновей» не было повода думать, что кто-либо раскрыл их местонахождение, и если у этих ублюдков с охраной так же неважно, как и со всем остальным, то с проникновением проблем не будет.

Как только она окажется внутри, лучшей стратегией будет та, которой она придерживалась за пределами лагеря: убирать их по одному. Даже на оружейной выставке был большой риск – в неё выпустили столько пуль, что она боялась несколько раз упасть замертво. Если бы такое случилось, и если бы её заковали в цепи или засунули в тюремную камеру – это провал.

Сейчас она могла потерпеть поражение перед огневой мощью нескольких дюжин вооружённых мужчин. Лучше убирать их по одному, словно белоглазая чума, пока никого не останется.

Эми подумала о том, как справляется Рик. Его задача требовала больше храбрости. Она вспомнила, как Скрудж из «Рождественской песни»³⁷ возразил призраку: «Я смертен, и я склонен к падению».

Так всё и было. Эми хотела перестать думать о нём и переживать так сильно.

Она хотела перестать любить его так сильно.

Она снова и снова говорила себе, что они теперь на разных берегах мироздания, хоть и были рядом. Вот почему она не бросилась к нему в объятия, не вцепилась в него, словно не позволила бы никому – даже смерти – снова разлучить их. Это было бы нечестно по отношению к нему. Было нечестно даже то, что она позволила ему увидеть её. Она должна была остаться воспоминанием.

Но разве не обнадёживает живых знание о том, что после смерти что-то есть, что они снова могут быть вместе?

Эми. И Рик.

И Нэнси.

Эта мысль колючкой впиалась в её сердце. Если бы её пустили туда, куда после смерти попадают все мирные души, она могла бы смотреть вниз, видеть Рика вместе с Нэнси и чувствовать не только любовь к ним, но и удовлетворение от того, что человек, которого она любила, больше не один.

³⁷ «Рождественская песнь в прозе» – повесть британского писателя Чарльза Диккенса, вышедшая в 1843 году.

Разве не в этом смысл любви? Не в том, чтобы возлюбленный умер, и вы могли быть вместе, а в том, чтобы он жил счастливо и был любимым.

Она чувствовала не обиду, но печаль, и она боролась с этим, как могла. Уже совсем скоро ей не придётся бороться.

Обходя мощное освещение, Эми приблизилась к ограждению так, чтобы он попадал в поле зрения. Внезапно она заметила какое-то движение с другой стороны, и поначалу подумала, что это был олень. Но затем она замерла и присмотрелась внимательнее: безусловно, это был человек, и двигался он медленно и осторожно.

Значит, сегодня они выставили дополнительную охрану. Придётся быть осторожнее.

Услышав первый выстрел, она резко пригнулась, хотя стреляли не рядом с ней. Затем послышался ещё один, и ещё, и она поняла, что выстрелы доносятся с ярко освещённой площадки у зданий. Возможно, Левинсон вместе с другими полицейскими последовал за ней, и сейчас она слышала звуки перестрелки.

Но нет, между выстрелами были достаточно большие интервалы. Наверное, у них была тренировка или соревнование. Как бы то ни было, вооружены были не только охранники, и она стала ещё осторожнее.

Она наконец-то достигла места, где забор сворачивал на восток, и осторожно ступая по опавшим листьям, приблизилась к десятифутовому сетчатому заграждению. Колючая проволока наверху ярко блестела в лунном свете. Хоть Эми и подумывала о том, чтобы просто перелезть через неё, но запутаться в ней было очень легко. Её одежда, а то и её плоть, будут разорваны на кусочки. Поэтому она взяла кусачки и начала резать проволоку там, где кусты не мешали ей.

Острый инструмент разрешил препятствие, словно сухие ветки, и уже скоро Эми проделала дыру достаточно большую, чтобы через неё можно было пролезть. Кусачки она оставила снаружи: ей понадобится только её оружие.

Оказавшись за оградой, она сразу же прислушалась, но услышала только ветер и выстрелы, доносящиеся с юга. Она всмотрелась в деревья, но движения не заметила.

Эми могла пойти прямо на юг, к зданиям, через деревья посреди огороженной территории. Но она решила, что если идти по периметру, то можно выйти на охранников и убрать их по одному. Они будут следить за тем, что происходит за забором, но не в его пределах. Поэтому она начала продвигаться на юг вдоль ограды, оставаясь на расстоянии нескольких футов

от неё. Оружие висело у неё за спиной, а руки были свободны. Она пока не хотела привлекать к себе внимание, а с ножом всё будет тихо.

Пройдя двести ярдов, Эми увидела первого охранника. Это был высокий и крепкий мужчина с штурмовой винтовкой в руках, и он, ничего не подозревая, шёл через деревья прямо к ней. Как она предположила, он выискивал опасность за забором. Вытащив нож, Эми спряталась за деревом и ждала, пока он приблизится.

Это было слишком легко. Как только он прошёл мимо, его спина была открыта, и чтобы добраться до него, ей пришлось сделать всего один шаг. Обхватив левой рукой его голову так, что внутренняя сторона предплечья закрыла ему глаза, она дёрнула голову назад и полоснула по горлу ножом, который она держала в правой руке.

Она даже не почувствовала, как брызнула кровь. Она лишь ощутила конвульсии мужчины перед тем, как отпустить его, и он упал ничком на своё же оружие.

Эми легко перевернула его ногой. Его палец даже не находился на спусковом крючке.

Она вытерла нож о сухие листья, убрала его обратно в ножны и взяла оружие убитого. Она не знала, как это называется, но выглядела эта штука смертоносно, поэтому Эми решила начать стрельбы с неё, а когда патроны закончатся – просто выбросить её. Это решило бы проблему смены магазинов.

Эми оттащила труп в кусты и продолжила идти на юг, а выстрелы на другом конце лагеря всё не стихали. Отойдя примерно на пятьдесят футов от того места, где был убит охранник, она наступила на что-то непохожее на мягкую лесную почву.

Не успела она подумать о том, что это такое, как мир вокруг неё вспыхнул пламенем, и сильная боль разорвала её тело. Она чувствовала, как её ноги отделяются от тела, и казалось, будто огненные кулаки избивают её туловище, разрывая внутренности, как бумагу. Её истерзанное тело взмыло вверх, в ночное небо, она видела, как из неё фонтаном вырывается кровь, и её капли сверкали, как застывший напалм, а когда пламя утихло, в лунном свете они стали похожи на рубины. Она упала, тяжело рухнув на спину, и её разбитое лицо смотрело на луну сквозь скелетообразные ветви.

Её пульсирующий мозг знал, что это была мина. Она наступила на мину, и хоть Эми этого не услышала, но она взорвалась под ней. Взрывная волна вышибла из неё дух, а сам взрыв разнёс её тело на кусочки.

Затем её взгляд наткнулся на тёмную фигуру, затмившую луну – на Ворона. Казалось, что он смотрит вниз, на неё, хоть его глаза и были скрыты

в тени, и она поняла, что её миссия ещё не окончена. В этом у неё не возникло никаких сомнений. Она не подняла голову, чтобы посмотреть, может ли её тело подняться – она просто встала на ноги.

Её одежда клочьями висела на ней, но всё ещё прикрывала её плоть, собранную заново, будто не было той мины. Оружие, которое она несла на спине, отбросило от неё силой взрыва, но когда она его подобрала, оно выглядело пригодным к использованию. Она подумала, что оно могло выдержать и не такое, но винтовка, которую она держала в руках, приняла на себя всю силу ударной волны, и её согнуло так, что использовать её уже было нельзя. Эми радовалась тому, что её нож по-прежнему острый.

Над головой раздался шум крыльев, и она подняла голову, чтобы увидеть, как Ворон снова летит на юг, на звук выстрелов и свет. Эми начала идти.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Паудер Бёрнс встревоженно вскинул голову.

– Ты это слышал? – спросил он Рипа Уизерса, стоявшего рядом с ним и наблюдавшего за стрельбой.

– Что?

– Что-то на северной стороне – выстрел, или взрыв, или что-то ещё.

– А, да это эхо было, вот и всё, – сказал Рип.

Паудер задумался об этом. Звук донёсся сразу же после выстрела; может, Рип прав, и это *было* эхо. Но при этом в звуке слышался *хруст*, и чем усерднее Паудер пытался воспроизвести его в памяти, тем увереннее он был в том, что это не выстрел, а взрыв фугаса.

Чёрт возьми, такое иногда случалось, но это всегда был олень, который просто сделал неверный шаг. Однако это обеспокоило многих – впрочем, если учесть то, что на севере поставили охрану (обычно там никто не дежурил), всякое могло случиться, хоть им не один раз говорили, чтобы они не подходить к ограждению ближе, чем на десять футов.

Паудер попытался отвлечься, наблюдая за стрелками. В этом определённо была своя красота – птицу выпускают, она стрелой взмывает ввысь в свете прожекторов, а затем раздаётся выстрел, и она либо благополучно улетает, пока мужчины высмеивают недостаточную меткость своего товарища, либо же она превращается в сверхновую из крови и перьев (как и происходило в девяти случаях из десяти).

Теперь Эд Коннорс занял позицию и крикнул:

– Давай!

Голубь стремительно поднялся в небо, пару секунд полетал из стороны в сторону, а потом Эд одним выстрелом разнёс его на кусочки.

Наблюдая, как птица растворяется в воздухе, Паудер думал о том, что могли сделать его мины, и вдруг вспомнил, что Карл Уизерс тоже был там, обходил периметр рядом с этими минами. Карл Уизерс, единственный сын Рипа, один из лучших ребят, если не самый лучший из тех, кого знал Паудер.

И эта мысль встревожила его. Вдруг парень напоролся на мину? Мог и не напороться, но чёрт возьми, а вдруг?..

Проклятье, проверка здесь не помешает. Он справился бы за полчаса. Он возьмёт фонарик и будет всё время насвистывать «Песню Хорста Весселя», чтобы охранники знали, что это он. И на всякий случай стоит захватить пистолет.

Фил Райли чертовски хорошо знал, что это за звук, но он был ближе к его источнику, чем Паудер Бёрнс. Кто-то наступил на мину, и от этой мысли

волосы на животе Фила стали ещё курчавее. Осторожно шагая туда, откуда донёлся звук, он надеялся, что это не кто-то из братьев.

Фила не страшили мины. Он не знал их точного расположения, но знал, насколько близко он мог подойти к забору без риска разбросать вокруг свои яйца. Но кто-то из братьев оказался менее осторожен.

В конце концов, так и было на этой территории. Если ты был вне закона для жидовского правительства, то это делало тебя более безрассудным. Ты знаешь, что у тебя шансов умереть у тебя куда больше, чем шансов дожить до старости, и это заставляет тебя ценить свою жизнь немного меньше, чем другие.

Но это не про Фила. Если бы Филу пришлось умереть, то он хотел бы, чтобы на то была веская причина. Он хотел бы уйти, захватив с собой столько жидов и ниггеров, сколько смог бы. Он хотел, чтобы ублюдки заплатили сполна. Грёбанное сионистское правительство отняло у него все деньги как налог, и всё ради цветных ушлёпков, которые ни хера не делают – только наркоту друг другу толкают. Даже сейчас, в холодную ночь, эта мысль заставляла кипеть кровь Фила Райли. Он хотел бы сейчас убить негра – одного из этих якобы нищих уродов в лохмотьях.

Приближаясь к месту взрыва, он замедлился. А затем он разглядел в лунном свете небольшой кратер в почве, где, наверное, и взорвалась мина. Но тела нигде не было. И какого хрена всё *это* значит?

Фил поставил ружьё у дерева и осторожно пошёл к яме. Рисковать не стоит, хотя Паудер вряд ли устанавливал мины так близко. Фил встал на колени и начал разглядывать кратер, пытаясь найти следы крови или плоти, когда позади него послышался треск. Он повернулся и увидел, что путь к оружию преградил его худший кошмар.

Фигура была тёмной. При свете луны её кожа казалась чёрной, и с её худого тела свисали лохмотья. Всё лицо тоже было тёмным, за исключением глаз – светлых кругов с тёмными же зрачками – и нарисованной бледной улыбки. Она напоминала чокнутого на всю голову негра-певца. И её рука сжимала нож.

Фил не мог говорить. Губы шевелились, но он не мог произнести ни слова. Наконец-то его разум прояснился, он потянулся к ножу и выхватил его из ножен. Чёрный человек не двигался.

Фил вонзил в него свой нож и попытался закричать:

– Сдохни, ниггер!

Но слова его получились неуверенными и приглушенными. Впрочем, нож всё же вошёл в тело оборванного негра. Фил рванул его в сторону и отступил.

Негр не двигался. Он только улыбался, и теперь были видны белые зубы, обрамленные белыми губами. Затем он заговорил женским голосом:

– А обзывать нехорошо.

Женщина сделала резкое движение рукой вперёд и пронзила Фила ножом в том же месте, куда тот ранил её.

– *Красношей,* – сказала она и рванула нож в сторону – точно так же, как это сделал Фил.

На Фила это подействовало куда сильнее. Он попытался зажать рукой рану, чтобы из неё не выпадали кишки, но это ему не удавалось. Затем он плюхнулся на задницу, пытаясь запихнуть внутрь себя тёплые завитки, которые обвили вокруг его рук и предплечий, будто тёплые змеи. Но чёрт возьми, этого *не могло* случиться, он не хотел умирать вот так, ни за что, да ещё и от руки какого-то чёрного *урода*. Этого он не мог пережить.

И он умер.

Эми снова вытерла нож о листья. Это уже входило у неё в привычку. Может, ей стоит оставлять всё как есть, чтобы нож с каждым разом всё легче входил в новую жертву?

Она взяла оружие убитого - хорошая замена уничтоженной взрывом винтовке – и побежала по листве.

Не успела она пройти и двадцать ярдов, как увидела ещё одну фигуру, движущуюся к ней с юга. «Славно», подумала она. «Ещё один. Поставить в ряд и вышибать по одному».

Эми скользнула за тоненькое дерево и замерла в ожидании. Фигура подошла ближе, и когда Эми взглянула на неё из-за дерева, то увидела лицо.

Это был мальчишка лет семнадцати-восемнадцати, не старше. В лунном свете его кожа казалась гладкой, а в широко распахнутых глазах читался испуг. В его руках оружие казалось слишком громоздким. Ростом он не превосходил Эми, и судя по всему, весил меньше, чем она.

Он казался невинным. Юным и невинным. Иначе и не назовёшь. А что она обещала Левинсону? Больше ни один невинный не умрёт.

Разве не с этого всё началось? Жестокое убийство невинных вернуло её к жизни, и смерть ещё одного заблудшего ребёнка не поможет всё исправить. Это лишь сделает всё ещё хуже, и зло *продолжится*

Нет. Однажды оно должно быть остановлено.

Но что она могла сделать? Он был вооружён, и если он выстрелит, остальные могут переполошиться. Её план медленно убрать их всех работал безупречно, и не было причины его менять сейчас.

Она не даст ему выстрелить и при этом не ранит его.

«Посмотрим, какой он невинный», подумала Эми, убрав своё оружие. Шатающейся походкой она вышла из укрытия в нескольких ярдах от парня, опустив голову, чтобы он не увидел её раскрашенное лицо, и простонала:

– Помогите... прошу, помогите мне...

Он *был* невинным и сразу же подбежал к ней, опустив ружьё. Когда он подошёл достаточно близко, она выхватила его из рук мальчишки, отбросила подальше и поднесла к его горлу нож.

– Я не хочу делать тебе больно, – сказала она. – Но сделаю. Я уже двоих убила.

Он запаниковал и попятился назад, затем развернулся и побежал. Она погналась за ним, наскочила со спины и повалила на мягкий лесной ковёр. Он дрожал под ней, пытался перевернуться, поворачивая голову, и его лицо оказалось рядом с её лицом – щека к щеке, плоть к плоти...

И тогда картины, которые были ярче, чем наихудший сон, заполнили её разум. Она узнала его имя, узнала его отца, увидела его душу и то, что сделало его таким...

Яростное красное лицо нависшего над ним мужчины, кулаки, ладони, пальцы, твёрдые как палки. *Будь мужиком, мать твою, будь мужиком, не давай черножопым тебя гонять!*

Руки, большие руки обрушивались, словно гром и молнии, отталкивая его. *Папа, перестань, хватит, не бей её!*

Женщина плакала, слёзы текли по синякам под глазами, по щекам, по окровавленной губе. *Я видел, как ты пялилась на того мерзкого чёрного жеребца, на эту сраную гориллу, сука, шалава, ниггерская подстилка!*

Он играет во дворе, и папа выходит и кричит: *Проваливай с моего двора, грёбанный жидёныш!*

Он говорит: *Он мой друг.*

Руки папы. *Жиды тебе не друзья, паразиты правят этой херовой страной, ниггеры, сраные ниггеры и жиды, в этой школе их полно!*

Жиды, хреновы жиды, это всё они виноваты, и педики, и ниггеры, и латиносы, китаёзы, и прочие узкоглазые...

...и те, и эти...

Будь мужиком, будь мужиком, я научу тебя, как быть мужиком!

Папины руки, папины руки, папины руки.

А потом был покой, спокойное место, мамины руки и её голос – мягкий, как поцелуй. Она плачет и говорит:

– *Он не твой, не твой, только никогда ему не говори, но он не твой...*

Имя, имя настоящего отца, имя, которое мама велела ему забыть, но он не мог...

Эми всё это испытала – всю горечь жизни этого мальчишки, его тайн, ненависти и яда, который ему скармливали каждый день, пока он не сдался, пока не позволил отраве убить его душу. Так было легче.

Она откатилась от мальчишки, чтобы ещё один контакт не отравил её ещё сильнее. Лёжа на боку, он медленно подтянул колени к груди, сторбился и заплакал так, что его отец не удержался бы от насмешки.

– Всё хорошо, – сказала она. – Всё хорошо. Я не причиню тебе боли.

Она отвела его к дереву, ствол которого в толщину достигал примерно фута, и привязала его тряпками и кожаными ремнями от оружия так осторожно, как только могла. Казалось, будто он обнимает его. В его рот Эми засунула тряпку, свёрнутую в шарик, и обвязала вокруг головы ещё одну полоску ткани, убедившись, что он сможет дышать через нос.

– Когда всё закончится, – пообещала она, – я вернусь за тобой.

И она снова пошла на юг.

Она бежала по мёртвым листьям, но внезапно перед ней появился Ворон. Он спустился вниз и встал перед ней, словно преграждая путь. Она остановилась, и Ворон медленно прошёлся по кругу. Она поняла, что он имеет в виду, сняла с себя оружие и положила его на землю, после чего достала нож и села на корточки перед птицей, а та снова упорхнула в небо.

Эми использовала нож как щуп, медленно втыкая его в почву, пока не услышала *щелчок*, и нож наткнулся на что-то более плотное. Это была ещё одна мина, и она продолжала проверять землю, пока не выяснила, где находятся её края, после чего принялась её выкапывать. Она не была уверена, что знает, что нужно делать, но представила, что её можно швырнуть как фрисби в толпу «Сыновей свободной Америки», и это едва не заставило её рассмеяться.

Она выпрямилась, держа мину одной рукой за ручку, а другой поддерживая снизу, но внезапно услышала голос позади неё:

– Стоять и не двигаться... А теперь медленно повернись.

Она сделала так, как ей приказали, и была вознаграждена зрелищем широко открытых глаз за очками в проволочной оправе. И глаза, и очки принадлежали долговязому мужчине с шрамами на лице, его жирные кудрявые волосы выбивались из-под военной кепки. Эми подумала, что он похож на персонажа Тома Кортни в фильме *«Доктор Живаго»*³⁸.

– Здравствуйте, товарищ Стрельников, – сказала она, удерживая перед собой мину таким образом, что нажимная пластина была повернута к нему. – Или лучше называть тебя Пашей?

³⁸ Фильм 1965 года, экранизация одноимённого романа Бориса Пастернака. Эми называет Паудера именем одного из персонажей.

Он начал пятиться назад, но она шла за ним, медленно подходя ближе, чем на десять футов.

– Пстой! – сказал он. – Полегче! Если эта штука рванёт, то мы оба погибнем!

– Уверен? – спросила Эми светлым тоном, который не сочетался с ситуацией. Ей не хотелось снова подрываться на mine, но её это не пугало по-настоящему, и если ей удастся обезоружить этого тощего придурка, то рискнуть стоит.

– Да, да... – лепетал мужчина. – Да, *охренеть* как уверен. Я в своих устройствах разбираюсь, дамочка, ясно?

– В *своих* устройствах?..

Эми внезапно осенило.

– Ты установил это? – спросила она, подойдя ближе.

Мужчина попытался отбежать, но наткнулся на дерево, и это заставило его подпрыгнуть на месте.

– Да, – сказал он, словно ему не хватало воздуха. – Да, она моя...

Он отчаянно пытался найти способ убежать.

– Ты – подрывник, – медленно произнесла Эми. – Ты заложил взрывчатку в детский центр.

Мужчина не ответил – он был слишком занят попытками найти выход. И до неё дошло.

– Паудер... *оружейный порох*... – она внимательнее всмотрелась в шрамы на его испуганном лице. – Ты – Паудер Бёрнс.

Он не подтверждал и не отрицал это – просто попытался обойти дерево.

– Нет, – сказала Эми, подойдя к нему в упор и заставив застыть на месте. Его пистолет бесполезно болтался сбоку. – Не уходи. Я знаю тех, кто хочет с тобой встретиться, Паудер. Они хотят оказать тебе тёплый приём...

Она прижалась к нему, по-прежнему держа перед собой мину, и уже в третий раз в её жизни, смерти и новой жизни мир взорвался.

На этот раз она увидела результат взрыва на другом человеке. Грудь Паудера Бёрнса вырвало, и осталась лишь пустая арка, образованная его плечами, с которых красными вымпелами свисали разорванные мышцы. На мгновение Эми взглянула на голову, увенчавшую эту арку – его лицо сорвало шрапнелью, которая втиснула очки в глаза, а потом глубоко в мозг. Затем лицо вместе с плечами упало на землю, издав влажный шлепок. Эми упала вместе с ним, снова уничтоженная, разорванная на части.

И снова она чудесным образом исцелилась. К её удивлению, на этот раз повреждения были гораздо меньше, чем в прошлый раз. Взрыв был

направлен от неё в сторону Бёрнса, а она пострадала от отдачи – достаточно сильной, чтобы выбить кратер в земле и убить любое живое существо. Но Эми напомнила себе, что в том, что ты уже мёртв, есть свои преимущества.

Она подобрала своё оружие и начала идти, продвигаясь вглубь леса. С неё хватит мин, и звук последней, не приглушённый почвой, наверняка услышали в лагере. Теперь они знали: кто-то проник внутрь и начал убивать.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Дэвид Левинсон был не на дежурстве, но расслабиться не мог. Он проверял полицейские частоты, ожидая любых новостей, которые могли быть связаны с Эми Карлайл или с ополчением. Лесной пожар, необъяснимая стрельба, взрывы, что угодно – он был бы на месте через минуту.

Но в Хоби и в окрестностях этой ночью было тихо. Отсутствие чего-то необычного сводило его с ума. Он хотел помочь Эми Карлайл покончить с этим. Он был её соучастником, не раз помогал ей нарушать закон, и даже был причастен к гибели невинных, и он знал, что унесёт этот грех с собой в могилу, где ему придётся отвечать... перед чем-то.

Раньше, до этих событий, Левинсон полагал, что покойники есть покойники. В его мировоззрении существовала преисподняя – место под землёй, где тела гнили и исчезали спустя некоторое время. Но теперь он знал, что существует кое-что иное, какое-то другое место, откуда Эми вернулась, чтобы сделать то, что должна.

Он хотел помочь ей, потому что хотел правосудия. Но была и другая причина. Как бы абсурдно, невозможно и даже кошунственно это ни было – он был немного влюблён в эту женщину.

«Господи Иисусе, Левинсон», сказал он себе. «Говоришь о том, чтобы приударить за недоступным». С тем же успехом он мог влюбиться в Мэрилин Монро. Эта женщина была не просто недостижима для него – она была абсолютно другим существом.

Возможно, именно это его и очаровало. Это было невозможно – а значит, безопасно. Никаких обязательств. Но всё же она сейчас была на его уровне, и он хотел чего-то ещё кроме того, чтобы просто сидеть здесь и ждать, когда придётся помогать убираться после фейерверков. «Или же», мрачно подумал он, «ничего вообще не услышать».

Он подумывал налить себе виски, но решил этого не делать – если он что-то услышит по радио, ему придётся действовать быстро. Вместо этого он вставил видеокассету в магнитофон. Это была копия записи, сделанной одним из посетителей оружейной выставки, из которой вырезали короткий отрывок с Эми. Он смотрел это прежде всего для того, чтобы увидеть её – хотя бы недолго и со спины.

Да, она там была. Он мог узнать её по манере двигаться. Она появилась на экране на пару секунд, после чего камера отвернулась. Он отмотал назад и снова посмотрел этот отрывок, после чего позволил записи воспроизводиться дальше, думая о ней, едва замечая, что происходит на экране – пока Рик Карлайл не пересёк экран справа налево и исчез из поля зрения.

Левинсон схватил пульт и отмотал назад. Да, это был Карлайл. Никаких сомнений. Какого чёрта *он* там делал?

Затем его осенила мысль: там могло быть *два* мстителя – один мёртвый и один живой.

Он нашёл номер Карлайла и набрал его. Если он просто интересовался оружием (в чём Левинсон сомневался) – всё в порядке. Если же нет, или он начнёт отрицать, что он там был... Что же, Левинсон будет разбираться по ходу дела.

Ответила женщина, и когда Левинсон представился как *офицер полиции* Левинсон, он услышал всхлип. Прежде чем он успел сказать что-либо ещё, женщина спросила:

– С ним всё хорошо? Вы нашли Рика?

«Вот дерьмо», подумал Левинсон, но сказал:

– Простите, мэм, но кто вы?

– Я Нэнси, его жена. Вы не знаете, где он?

– Нет, мэм, но думаю, нам стоит поговорить. К вам можно подъехать?

Убедив её в том, что он не знает, где был Рик и как его дела, он получил её согласие. Он сел в свой «Блейзер» и направился по указанному женщиной адресу. С собой он захватил свой табельный револьвер и «Винчестер 1300 Defender» - семизарядное помповое ружьё, которое он спрятал под сидением. Он не думал, что ружьё пригодится на встрече с новой миссис Карлайл, но только Богу известно, во что мог вмешаться *мистер* Карлайл.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Когда взорвалась вторая мина – та самая, что убила Паудера Бёрнса – Том Денверс не попал в голубя. Эйс Людвиг сразу же снял птицу двумя выстрелами из пистолета, когда она почти исчезла среди деревьев. Люди дразнили Денверс и поздравляли Эйса. Рип Уизерс думал о том, чтобы отчитать его, поскольку никто не должен был стрелять в чужую мишень. И тут послышался звук. Он был гораздо громче, чем те взрывы, что они слышали прежде.

– Что за хрень? – сказал Рип, оглядываясь вокруг в поисках Паудера Бёрнса и думая, что Паудер мог быть прав, и в первый раз они услышали именно *мину*. Но Паудера нигде не было видно. Блядь, ещё и *Карл* был там на дежурстве.

– *Эйс*, – рявкнул он, – возьми людей и узнай, что там происходит. Только сами не подорвитесь!

Эйс кивнул и позвал полдюжины мужчин – лучших среди «Сыновей».

Эйс не возмущался из-за того, что его оторвали от стрельбы. Он уже и так отхватил свои десять из десяти – такого результата больше ни у кого не было, и вряд ли кто-то его переплюнет. Нет, всё шло к тому, что именно Эйс разнесёт того ублюдка-либерала, что сидит в клетке. Эйс был уверен, что это будет захватывающее.

Рип просто надеялся, что на одну из мин Паудера наступил не Карл. Он хотел сам возглавить отряд, но боялся того, что мог там найти. Если с Карлом что-то случится, Рип разорвёт Паудера на куски.

Затем он вспомнил, что должно случиться завтра, и решил, что разорвёт Паудера чуть позже. Даже лучше – он мог бы оставить его с кляпом во рту, связанным по рукам и ногам, внутри микроавтобуса, чтобы он сам почувствовал результат своей работы.

«Да хрен с ним», подумал Рип. Это вообще мог быть не Карл. Как и всем остальным, ему сотню раз говорили не подходить к ограждению ближе чем на десять футов. Может, это снова был олень – даже в первый раз, если это действительно была мина. Все были слишком напряжены, зная о том, что намечалось на завтра.

Это был всего лишь олень, и с Карлом всё было нормально, и ничего он не сделает с Паудером, а завтра вечером они все будут смеяться, хлопать друг друга по спине и плясать на сотнях могил сионистов-оккупантов.

Она слышала, как они идут между деревьями. Им стоило бы больше тренироваться, если они должны быть незаметными.

Они шли строем, и судя по звуку, их было пятеро или шестеро. Эми метнулась через деревья, вытаскивая из ножен клинок, перебежала туда, где должен был проходить мужчина с правого фланга, и заняла позицию за деревом. Она услышала легкое хлопанье крыльев над головой и представила, как Ворон садится на ближайшую ветку – её спутник, её помощник, её воплощение.

Когда человек прошёл мимо неё, она вышла из укрытия, обхватила рукой его голову и полоснула ножом по горлу. Но в отличие от других её жертв, этот мужчина держал палец на спусковом крючке. Он судорожно нажал на него, посылая вперёд автоматную очередь, сбивая с деревьев кору и заполняя лес рычанием взрывающегося пороха.

Правительство, которое Эйс Людвиг так ненавидел, хорошо его обучило. Услышав первый же выстрел, он сразу упал на землю, крикнув отряду: «*Ложись!*!». Выстрелы доносились с правого фланга, где шёл Таннахилл. Затем стрельба прекратилась, и в лунном свете Эйс увидел, как падает Таннахилл, а от него за деревья ускользает призрачная фигура.

– Огонь три! – крикнул он Энди Бретту. Это означало, что Бретт должен выстрелить трижды и тем самым предупредить остальных. Затем Эйс поднялся и погнался за тем, кто убил Таннахилла. Позади себя он услышал раздражающий салют.

– *Один* из вас, мать вашу! – крикнул он, обернувшись, после чего снова помчался вслед за нарушителем.

Он видел, как между деревьев мелькает фигура, но чётко разглядеть её не мог, поэтому решил ускориться. Он приблизился и наконец-то получил нормальный обзор. Эйс ударил прикладом по дереву и принялся ждать движения.

И дождался – хоть оно и было выше, чем он ожидал. На мгновение ему показалось, что нападавший забрался на дерево, но даже не успев сформировать эту мысль в голове, сделал несколько выстрелов в чёрное размытое пятно. Эйс услышал, как пули ударили по дереву, и его сердце подпрыгнуло от более мягкого звука, с которым они вошли во что-то сырое и мягкое.

Он прекратил стрельбу. Внезапно тишину нарушил крик – человеческий крик, который, казалось, доносился из-за дерева, где он заметил движение. Затем он услышал, как что-то падает с хлопающим звуком. Когда оно упало на мёртвые листья, он подумал, что если это человек, то слишком уж маленький.

Луна светила достаточно ярко, и когда он подошёл к умирающему существу, то увидел, что именно подстрелил.

– Дерьмо, – сказал он. – Грёбанный *ворон*.

Эйс увидел, что птица была ранена дважды. Первая пуля почти оторвала крыло, и оно висело на тоненькой косточке. Вторая попала между грудью и животом, оставив огромную красную дыру. Он думал, что может видеть бьющееся сердце, которое казалось чёрным при свете луны.

– Иди на хер, – прорычал он и наступил на голову птицы, вдавливая её в ковёр из сухих листьев.

– Эйс?

Это был Энди Бретт. Он осторожно подходил к нему сзади.

– Что это было?

– Птица-ниггер. Чёртов ворон. Но теперь он мёртв. Что с Таннахиллом?

Бретт покачал головой:

– Кто-то перерезал ему глотку. Он мёртв.

– *Блядь!*

Теперь подошли остальные. Эйс пересчитал: включая Бретта, их было четверо. Значит, погиб только Таннахилл. Но где охранники?

– Здесь кто-то есть, – сказал Эйс, оглядываясь вокруг. – Кто-то убивает наших людей, и они направляются к лагерю..

Он повёл их на юг – к зданиям и ярким прожекторам.

Услышав выстрелы, Эми подумала, что в неё попали. Ужасная боль в правой руке заставила её выронить оружие, отнятое у одного из убитых, а в область желудка словно кто-то ударил со всей силы. Она упала на колени, и её настигла настолько сильная боль, что она желала умереть. Но худшее было только впереди.

Внезапно давление в черепе усилилось, словно её мозг расширялся, упираясь в кость, и ей стало бы легче лишь в том случае, если бы её голова взорвалась. Давление росло. Ей казалось, что глаза сейчас выскочат из орбит, в ушах пульсировала кровь, пытаясь найти выход наружу.

Затем голова Эми взорвалась, и она погрузилась в темноту.

Когда она проснулась, она не могла даже представить, сколько времени прошло. Убийственная боль в голове стала ноющей, ей казалось, что её сильно стошнило, а рука всё ещё была воспалённой и онемевшей.

Было в этом что-то ещё, какое-то изменение, которое она не могла описать. Она чувствовала себя иначе – возможно, слабее. Да, именно так.

Она устала, очень устала. Ей нужно попытаться покончить с этим, чтобы она наконец-то смогла отдохнуть.

Она услышала, как к ней что-то приближается с севера, и встала на ноги. Ружьё мертвеца валялось на земле, и она подняла его, но удивилась тому, каким тяжёлым оно теперь казалось. И она побежала.

Она устала *ещё* сильнее. Она спотыкалась о корни, путалась в ветках. Весь лес был словно заодно с её преследователями, решив замедлить её бег.

Эми чертыхнулась и сделала рывок. Сквозь деревья пробивался свет от прожекторов из лагеря, и она перехватила ружьё таким образом, что мушка указывала вперёд, на всех «Сыновей свободной Америки», которые скоро упокоятся в американской земле. Всё шло к простой перестрелке – она против них. Но её выстрелы будут убивать, а их пули всего лишь пролетят через неё. Они могут ранить её, но она уже испытала достаточно боли за вечность в аду. Она могла вынести больше.

Теперь она могла видеть здания, видеть какое-то движение, идущих мужчин, разыскивающих её укрытие. Позади неё чьи-то шаги крушили сухие листья, её преследователь был всё ближе.

Пора. Она выскочила из лесного укрытия, прицелилась в людей, идущих к ней, и нажала на курок, сразив двоих из них. Но они быстро скинули оружие и ответили огнём на огонь. Что-то неожиданно ударило её по руке, и её оружие упало на землю. Какое-то мгновение она стояла на месте с пустыми руками, едва понимая, что произошло, пока ещё больше пуль пролетало мимо неё.

Затем выстрелы утихли, хоть она и не знала, почему. Она знала лишь то, что в её руке был огонь, и по остаткам рукава текла кровь. Что-то сзади шевельнулось, но ей не хватало сил, чтобы обернуться и увидеть, что это было.

Затем её голова резко превратилась в шар боли, и всё вокруг замелькало. Падая на землю, она вспомнила слова:

Я смертен, и я склонен к падению...

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Когда Левинсон приехал к дому, который Нэнси Карлайл делила с Риком, она была на грани паники. Успокоив её, он выслушал всё об одержимости Рика поисками убийц Эми, и о том, что позвонив домой в последний раз, два дня назад, он сообщил, что вступил в контакт с «Сыновьями свободной Америки».

– Всё хорошо, миссис Карлайл, – сказал Левинсон. – Думаю, вам лучше отправиться в управление полиции и дать нам показания. Нужно немедленно начать поиски вашего мужа.

– Вы считаете, что он в опасности? – дрожащим голосом спросила она.

– Вполне возможно, да. Чем быстрее мы его найдём, тем лучше.

Левинсон понял: именно так можно всё сделать. Он поднимет всю полицию, позвонит федералам, и найдёт не только Рика Карлайла, но и тех ублюдков, которых он искал и которым сейчас должна противостоять Эми. Даже если полиция сможет лишь убрать за Эми – это было то небольшое, что Левинсон смог бы сделать, не сидя в ожидании.

Левинсон, Нэнси Карлайл и её дочь Карен поехали в полицейский участок на его «блейзере». Проехав несколько кварталов, они остановились у дома друзей Карлайлов, чтобы оставить девочку. Левинсон смотрел, как у двери друзей Нэнси целует Карен на прощание. Он почувствовал тупую боль от мысли, что его жизнь могла быть другой.

По пути они проехали мимо пустой площадки, где когда-то был детский центр. Как обычно, под уличными фонарями, стоявшими по углам, она выглядела пустой и бесплодной. Левинсон повернулся и посмотрел на толстый слой пыли, покрывавший площадку, а затем не раздумывая, резко затормозил.

Нэнси испуганно спросила:

– Что там? Что случилось?

Левинсон думал, что сказал ей: «*Смотри*». Но он лишь показывал на разбросанный щебень, пока Нэнси тоже не заметила.

Пыль двигалась, хотя ветер утих и больше не трепал редкую сухую листву, которая до сих пор не осыпалась с деревьев. Бледная пыль и пепел – то, что когда-то было Центром по уходу за детьми «Дружба» и людьми, которые в нём погибли – собирались во что-то похожее на волны, которые сливались в несколько холмов. Они росли и вытягивались в закругленные цилиндры, увенчанные холмиками поменьше. Левинсон видел, что они принимали очертания птиц.

Их было десять. Левинсон и Нэнси наблюдали, как их цвет менялся с пепельно-серого на глубокий чёрный – они не заметили бы их в ночной тьме, если бы не блеск перьев при свете фонарей.

Птицы расправили крылья, и когда новорождённые существа впервые пошевелились, даже через закрытые окна Левинсон услышал звук, похожий на треск разрываемой бумаги. Они разом поднялись в воздух, рассекая воздух широкими крыльями, и полетели на север.

Не сказав ни слова, Левинсон поехал за ними, и Нэнси Карлайл не возражала.

– Просыпайся, хренова сука!

Пощёчина привела Эми Карлайл в чувства. Ей было холодно – даже холоднее, чем в ночь её воскрешения. Боль в руке была невыносимой, и попытавшись пошевелить ею, чтобы принять более удобное положение, она поняла, что её руки связаны за спиной.

Она несколько раз моргнула и увидела, что её привязали к стулу. Трое незнакомых мужчин стояли перед ней. Тот, который ударил её, тяжело дышал, стиснув зубы и сжав кулаки. На его ремне висела кобура с пистолетом сорок пятого калибра, а на левом бедре – нож в футляре.

Как и он, двое остальных носили камуфляжную одежду. У одного из них была в руках штурмовая винтовка. Под тёмными усами была видна тонкая ухмылка. Третий мужчина был гладко выбрит и немного напоминал первого. Его лицо ничего не выражало, и Эми заподозрила, что он умственно отсталый.

– Проснулась, да? – сказал первый мужчина. – Оглянись, сука. Видишь кого-нибудь знакомого?

Эми повернула голову. Рядом с ней, точно так же связанный, сидел Рик. Не успев даже осознать то, что делает, она произнесла его имя.

– Рик... О Боже.

– Рик, значит? – сказал первый. – Что же, Рикки, похоже, что ты знаешь нашу маленькую подружку. Может, познакомишь нас?

Рик ужасно выглядел. Оба уха были разрезаны, и его шея была в засохшей крови. На лице было несколько синяков, в том числе и под глазом. Но он улыбался ей.

– Вы её и так знаете, – сказал он. – Но ради формальности скажу: это Эйс Людвиг, Рей Уизерс и его очаровательный братец Рип.

Рип Уизерс. Первое имя, названное Уильямом Стендишем. И вот он прямо перед ней, а она ничего не может с ним сделать.

– А как зовут эту манду? – спросил Рип Уизерс.

Рик продолжал улыбаться, но теперь он обращался к Рипу.

– Я же сказал, что вы её знаете. Вы её убили. Это моя жена, Эми.

Рип Уизерс посмотрел на Рика, словно тот был сумасшедшим, но затем его лицо прояснилось.

– Я понял, – сказал он. – Теперь понимаю. Твоё тело не нашли, но не потому, что тебя на куски разнесло, а потому, что тебя там вообще не было. Наверное, ты сбежала до того, как дерьмо шмякнулось на вентилятор, и с тех пор дохлой прикидывалась, да?

– Нет, – сказала Эми. – Я умерла. И вернулась. За тобой.

Она дёрнулась, но верёвки удержали её, и в руках вспыхнула пульсирующая боль. Ей казалось, что вся сила её покинула, и она была вовсе не тем созданием, которое вернул Ворон.

– Хорошо побегала, дамочка, – сказал Рип. – Но добегалась. Теперь скажи, где, чёрт возьми, мой сын?

– Кто?

– Мозги мне не пудри, блядь! Мой мальчик был там на дежурстве! Мой сын, Карл! Ты сделала ему больно? – Уизерс вытащил нож и взмахнул им перед ней. – Говори, или клянусь перед Яхве – отрежу тебе сиськи и заставлю Рика сожрать их!

– Твой сын жив. Я связала его.

– Теперь ты знаешь, что умрёшь, – сказал Уизерс. – Но если ты его поранила – умирать будешь медленно.

Он повернулся к мужчине с винтовкой.

– Эйс, я не хочу, чтобы среди деревьев бегал целый отряд – вдруг она парочку друзей притащила? Ты в лесу тише любого из нас. Сходи, найди Карла, хорошо?

– А если найду её друзей? – спросил Эйс.

– Так возьми и убей их.

– *Ладно*. Хотелось бы завалить сегодня ещё кого-нибудь кроме сраной вороны, – сказал он и выскользнул через дверь.

«Вот, значит, как», подумала Эми. Ворон мёртв. Именно поэтому её сила исчезла, из-за этого она была ранена в руку и потеряла сознание.

И что дальше? Она во второй раз умрёт от руки этого психа? Если так, то она сделает так, чтобы он точно не забыл её, и если уж ей не удалось его убить, то пускай хотя бы живёт с болью.

– Ладно, шалава, – сказал Уизерс. – Теперь скажи, кто ещё знает, что ты здесь.

– Генерал Кастер, Шестой Флот, Терминатор, Супермен...

Она хотела добавить имена Нэнси Дрю и Джеки Чана, но Уизерс ударил её тыльной стороной ладони, от чего её голова дёрнулась, и раненая рука заболела ещё сильнее.

– Никак не запомнишь, что со мной, блядь, шутки плохи? – сказал он, размахивая ножом у неё перед носом. – Обещаю, будет невыносимо больно, сука.

– Знаешь, – сказала Эми, яростно глядя в глаза Уизерсу, – твой сын куда приятнее, чем ты. Тебя это никогда не удивляло?

Он прищурился.

– О чём ты говоришь?

– Он точно твой сын? В смысле, то, как ты обращался с женой – разве ты не думал, что она искала... *утешения* у кого-то другого? Кого-то милее и нежнее, чем ты. У кого-то, кто никогда не пропускал семейные собрания, пикники, выходные.

– Заткнись, – сказал Рип. – Просто закрой свой рот...

Но Эми знала, что он хочет узнать больше, и она продолжала говорить с Рипом Уизерсом – но при этом она обратила свой взор на его брата Рея, используя информацию, полученную благодаря психической связи с мальчиком в лесу.

– Лично я считаю, что Карл внешне и по поступкам больше похож на своего *настоящего* отца, чем на тебя, Рип. А что думаешь *ты*, Рей? Гордишься своим мальчуганом?

Рей Уизерс выглядел смущённым и напуганным, он был готов расплакаться, и по его реакции Эми поняла, что мама Карла рассказала мальчику правду о настоящем отце. Рип по очереди смотрел то на Эми, то на Рея, и когда его шокированный взгляд остановился на Рее, Эми знала, что доза боли, впрыснутая ею в его душу, будет грызть его всю оставшуюся жизнь.

– Рей, – сказал Рип, и его голос был одновременно злым и напуганным – он вот-вот потеряет контроль над собой. – Скажи этой шлюхе, что это всё дерьмо собачье...

Его слова звучали как мольба, но они не вызывали жалости у Эми.

– Ты знаешь, что это правда, Рип... вот почему Карл никогда не был таким же жёстким, как ты. Вот почему он не думает и не действует так же быстро, и никогда не будет. Потому что он даже не твой. Он от Рея. Сын твоего тупого брата. Но братец не был настолько туп, чтобы отказаться от предложенной ему милой любви.

– Рей, – снова сказал Рип. – Скажи мне, что она врёт... Просто скажи мне это, и всё будет хорошо.

Он схватил брата за руку и повернул к себе, чтобы заглянуть в полные слёз глаза, чтобы увидеть его дрожащее лицо. Рей покачал головой, будто не знал, что говорить или делать, и Эми подумала, что так и есть.

– Рей, – продолжал Рип, и теперь он был ещё опаснее. – Ты трахал Элизабет? Скажи, что нет... Скажи мне *правду*, Рей!

– Ничего он не может сказать, – мягким тоном произнесла Эми, чувствуя себя змейёй в траве. – Что ты хочешь?

– Я... Я... – говорил Рей, и Эми стало его жаль – но не настолько, чтобы попытаться остановить то, что она начала, даже если бы ей пришлось это сделать. – Я...

– Ты *что*? – требующим тоном сказал Рип, и Рей ответил двумя словами, которые говорили обо всём.

– Мне жаль...

Рип уставился на него, и казалось, что смотрит он на него довольно долго. Затем покой нарушился, и Рип выбросил правую руку – ту, в которой держал нож – вперёд, прямо в живот Рея, обхватив его левой рукой.

Рей задыхался, широко распахнув влажные глаза, и начав прерывисто дышать, он с недоверием посмотрел на своего брата-рогоносца и осторожно положил руки на плечи Рипа.

– Прос... ти... – сказал он, как ребёнок. – Я...

Никто не узнал, что он хотел сказать. Его большое тело обмякло на руках у брата, и Рип опустил его на пол, позволив ножу выскользнуть.

– По больному ударила? – спокойно спросила Эми. Хотя силы у неё были, как у смертной, но у неё внутри горело пламя воздаяния, и она упивалась болью, причинённой пленившему её человеку, убийце её детей. Что же касается бедного глупого Рея, то она воспринимала его как тупое, но смертельное оружие, используемое маньяками. Бешеный пёс, достойный жалости, но заслуживший смерть.

Рип Уизерс медленно поднялся, и его лицо было таким, какое можно увидеть только в кошмарах.

– Ты... *грёбаная...* СУКА! – прошипел он сквозь зубы. Он держал перед собой окровавленный нож, и казалось, что он готов в любую секунду воткнуть его прямо в её лицо. Если она хочет продолжать жить своей странной полужизнью, то придётся отвечать быстро.

– Ты как раз такой, как я и ожидала, – презрительно сказала она, не показывая страх – она его больше не чувствовала. – Ты не солдат, ты садист. Тебе должно быть стыдно называть это ополчением, ведь вы всего лишь кучка придурков. Взгляни на себя. Ни в тебе, ни в твоей операции ничего

военного нет. Ты теперь наверняка и нас зарежешь, не так ли? Или сначала помучаешь, чтобы настроение себе поднять?

Она насмешливо рассмеялась, затем произнесла, делая ударение на каждом слове:

– Ты... больной... мудака.

Её речь произвела нужное впечатление. Лицо Рипа Уизерса выглядело не менее ненавидящим, но часть безумия с него исчезла.

– Мы не больные, – сказал он. – И мы не садисты – мы патриоты!

– Тогда почему ты убил своего брата? – уныло спросила Эми.

– Он был *предателем!* – Рип пытался держать себя в руках. – Он предал *меня*, и рано или поздно предал бы «*Сыновей*». Он должен был умереть. Как и ты.

Он стоял прямо, снова став воином – или, как подумала Эми, пытаюсь заставить их считать его таковым.

– Вы думаете, что бы сумасшедшие, но это не так – это *вы* больны, защищая правительство сионистов-оккупантов, которые хотят только растоптать вас, и каждого гражданина-не-еврея, пока вы не выродитесь в одну из грязнокровных рас, которых они используют как солдат в борьбе против нас. Время для открытой войны стремительно приближается – первый настоящий взрыв раздастся завтра.

– Как? – спросила Эми.

Рик ответил на вопрос – очевидно, он устал от речей Рипа Уизерса.

– У них в бункере бомба, которая завтра утром взорвёт половину Хоби.

– Верно, – сказал Уизерс. – И эпицентром будет здание правительства сионистов-оккупантов. Жаль, что вы не увидите этого. Но вы двое – их солдат, которые больше никогда не направят своё оружие на истинных патриотов. Сейчас вы умрёте, и умрёте так, как любой шпион – вас расстреляют.

– А как же конкурс? – спросил Рик. – Я думал, что победитель должен первый в меня палить.

– Условия изменились, – сказал Уизерс. – *Все* будут в вас стрелять – в обоих.

Он открыл дверь клетки и крикнул:

– Расстрельная команда, готовься! Джексон и Андерс, отвести пленников на стрельбище!

Двое ополченцев появились в дверном проёме с оружием в руках. Увидев на полу труп Рея Уизерса, они неуверенно посмотрели на Рипа, но тот ответил твёрдым взглядом.

– Ещё один изменник, – сказал он тоном, не позволяющим задавать вопросы. – Увести заключённых.

Двое мужчин расстегнули кожаные ремни, удерживавшие Эми и Рика на стульях, но руки оставили связанными за спиной. Затем они взяли их за правые руки, но Эми вздрогнула, и её охранник взял её за левое, неповреждённое плечо. Уизерс повёл их вперёд.

Всё открытое пространство было по-прежнему ярко освещено. Эми увидела, что тела двоих мужчин, которых она застрелила, были упакованы в мешки для трупов. Они лежали у одного из зданий, и вокруг них стояло несколько человек. Остальные сидели на скамейках для стрельбы, положив оружие на колени, или возвращались из барачков, куда они ходили за винтовками для расстрела. Когда появились Эми и Рик, их встретили с тем же выражением нескрываемой ненависти на лице.

«Неудивительно», подумала она. Они были шпионами, и она убила нескольких их товарищей. В их головы даже не приходила мысль о том, что они убили детей, которых она любила; и если то, что сказал Рик, было правдой, они убили бы ещё десятки, а то и сотни человек завтра утром.

«Боже», подумала Эми, «когда же это закончится?» Если бы она только могла закончить то, что должна, если бы она просто перестреляла их всех – это и стало бы концом.

Да, пока следующая группировка не зайдёт слишком далеко, пока очередное ополчение не станет террористами во имя любой идеи, которую они почитают. Эми знала, что не может покончить со всем безумием на свете, но по крайней мере, она могла остановить безумие, убившее её детей.

Она могла бы, если бы Ворон не погиб.

Ей было интересно, есть ли другой способ. Когда умирает само воплощение смерти, как может мертвец восстановить справедливость? И если он не может – что происходит с тем, кто не справился?

Кажется, она скоро это узнает.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Рип Уизерс привёл Эми, Рика и стражу к стрельбищу, но они не пошли к самому краю, где стояли мишени. Вместо этого Рип остановился всего лишь в двадцати ярдах от начала и повернулся к ним.

– Итак, – сказал он, – мы не будем привязывать вас к столбам. Можете стоять здесь и принимать пули. Упадёте до того, как мы начнём стрелять – просто пристрелим вас на земле. Ваши шансы на чистую смерть будут выше, если будете стоять на ногах. Вот и всё. Разве что я знаю, что вы оба будете гореть в аду, а я буду с нетерпением ждать тот день, когда смогу увидеть это с небес.

Уизерс повернулся к ним спиной и пошёл к остальным в сопровождении двух охранников.

– Выстроиться в шеренгу для исполнения расстрела! – выкрикнул он, и люди поспешили подчиниться.

Рик повернулся к Эми и улыбнулся:

– Думаю, на этом всё.

– Пока, – сказала она. – Понятия не имею, что будет потом.

– Может, мы оба вернёмся.

– Нет, – сказала она, глядя на мужчин, строящихся в два ряда. Передний ряд встал на колени, задний стоял; всего их было двадцать. – Не думаю, что снова вернусь. Тот факт, что я получила *один* шанс всё исправить, и так был чудом.

– Ты права, – задумчиво сказал Рик. – Это *было* чудо. Но возможно, чудеса ещё не закончились, Эми. Поверь.

Он улыбнулся ей, пока стрелки готовили своё оружие.

– Я люблю тебя, Эми. И никогда не переставал любить. Я рад, что сейчас я с тобой. Тысячу раз хотел оказаться с тобой рядом тогда.

– Не надо. Никогда не желай умереть. Жизнь слишком драгоценна.

– Не тогда, когда нет человека, делающего её такой.

Она повернулась к своим палачам, глядя на них. Она не скажет ему, что любила его. Она не могла. Он всё ещё был мужем Нэнси, несмотря на искажённую реальность, созданную Вороном. И она не могла сказать что-то большее, чем «Я рада, что я сейчас с тобой».

И всё же она испытывала тупую ярость от того, что всё должно закончиться вот так, что эти люди победят и уже завтра устроят ещё больший хаос, спустят с поводка псов войны – грязной, мерзкой войны, которую ведут в ярости, и в которой сражаются трусы.

Рип Уизерс подошёл к стрелкам и рявкнул:

– Приготовиться к стрельбе!

Эми посмотрела на тёмное небо, до которого не могли дотянуться их прожекторы, и желала, молилась, надеялась, *требовала*, чтобы с него что-то спустилось – одна огромная чёрная птица из тьмы, способная поглотить их всех, один великий Ворон, который навсегда всё исправит. Не все неправильные вещи, но всё содеянное этими людьми, находящимися на этом небольшом огороженном клочке земли.

О да, сейчас было подходящее время для правосудия. Сейчас было подходящее время для Ворона.

Её молитвы были услышаны. Она услышала их прежде чем смогла увидеть. Сначала это было похоже на отдалённые крики играющих детей. Она увидела, как ополченцы замерли, все как один, прижав приклады к плечам, медленно опуская стволы, пока звук нарастал.

«Да», подумала она, «это и *есть* крики детей». Пронзительный смех Бренды Тран, дразнящий свист Пита Гриссома, приглушённый смешок ДеМарол Уайт, который она издавала, прихлопнув рот ладошкой во время приступа веселья. Но становясь громче, они менялись, превращаясь в пронзительные птичьи крики, в хрипкое карканье стаи воронов, которое становилось всё более громким и требующим, настаивающим на том, чтобы их слышали.

Она наконец-то их увидела, и они были похожи на чёрные жемчужины на фоне топазовой луны. Они летели, выстроившись в линию, в отличие от дельтаобразного построения летящих гусей. Но их единство было неоспоримо, и для Эми их цель была очевидна.

Они спустились, соблюдая строй, в котором летели, прямо между Эми с Риком и шеренгой ополченцев. Приземлившись, каждый из них стоял прямо перед двумя шеренгами стрелков.

Эми насчитала десять птиц. Десять воронов – по одному на каждого умершего ребёнка. Её сердце подскочило в восхищении, но по коже ещё скользил холодный страх.

Затем она, Рик и самопровозглашённые солдаты смотрели, как вороны начали расти и менять форму – там удлинились, здесь стали шире – пока Эми не бросило в дрожь от ужаса: она увидела своих детей – тех, кто едва научился ходить, и даже младенцев. Все они стояли между ней и солдатами.

Она представила, как они падают под пулями так же, как пали от взрыва бомбы, и побежала к ним, чтобы закрыть маленькие тела своим. Но они оставались детьми всего лишь мгновение – достаточно долго, чтобы Эми подбежала к ним и увидела их лица.

Это были лица, наполненные потерей, детские личики, отягощённые взрослым осознанием того, что они никогда не вырастут, не состарятся,

никогда не увидят, как их дети бегают и играют. Это были лица трагедии с нежными детскими чертами, и это было самым ужасным.

Но эти лица менялись на глазах у Эми и убийц, становились взрослее и поднимались выше, пока их тела росли. Они выросли у неё на глазах, за секунды проживая годы, которые им больше не суждено было прожить, пока не превратились в десятерых молодых мужчин и женщин – взрослых, обладающих всей силой, которую могло им дать любящее воспитание. Десять сильных тел – обнажённых, но не чувственных, десять созданий, но не этой жизни, а некой жизни за гранью смерти, некоего тёмного, пернатого правосудия, которое отказалось позволить всему этому закончиться двумя связанными телами, лежащими в собственной крови на холодном поле бесславия.

Они не смотрели на Эми. Они прошли мимо неё целеустремлёнными и тихими шагами, направляясь к двум шеренгам солдат. Они шли, высоко подняв головы, сжав кулаки, и их глаза, ожившие лишь ради этой ночи, были полны праведного гнева.

– Огонь! – закричал Рип Уизерс, но его голос надломился от страха. – Стреляй! Стреляй в них!

Стрелки прицелились и открыли огонь по приближающимся фигурам. Пули прорывались сквозь плоть, но не причиняли вреда, и за считанные секунды мужчины и женщины приблизились к своим убийцам. Охрана с вышки у ворот спустилась, чтобы помочь уничтожить вторгшихся людей, но их оружие возымело не больший эффект, чем винтовки их товарищей.

Оружие было вырвано из испуганных, ослабевших рук и отброшено. Солдаты упали на колени, когда сверхъестественно сильные кулаки обрушились на них. Кто-то пытался убежать, но их преследователи, быстрые как ветер, тянули их вниз и обхватывали пальцами их глотки.

Рип Уизерс стоял посреди этой атаки, замерев от потрясения и не веря в происходящее, пока молодой человек с азиатскими чертами лица и золотистой кожей не схватил его за горло и начал душить. В разъярённом лице юноши Эми узнала добрые глаза Чарли Трана, вернувшегося из мёртвых, чтобы отомстить там, где она не смогла.

– *Нет!* – закричала Эми, и удивилась тому, что лица всех мужчин и женщин повернулись к ней. Их кулаки, готовые наносить смертельные удары, замерли в воздухе. Их пальцы, вгрызающиеся в плоть на толстых шеях, расслабились, позволяя воздуху войти в горло, а крови – снова поступать в умирающий мозг.

– Остановитесь! – сказала Эми. – Вы не можете это сделать, это *моя* битва. Вы не можете запятнать свои души... смертями этих глупцов! Это я вернулась ради правосудия, не вы. Их смерть должна быть на *моей* совести.

Она посмотрела на каждого из них умоляющим взглядом.

– Я вернулась сюда не ради того, чтобы увидеть, что вы стали убийцами – я вернулась ради *любви* к вам. Прошу, не делайте этого. Дайте мне свою силу. Позвольте мне снова стать вашим правосудием...

Десять детей, повзрослевших так, как никогда не случилось бы в реальности, один за другим выпрямились, позволив своим противникам упасть на землю, кашляя и задыхаясь, встряхивая избитыми головами, залечивая свои раны. Никто из них не казался готовым снова сражаться после нападения непобедимых живых мертвецов.

Десять фигур напрочь забыли о людях на земле. Вместо этого они медленно подошли к Эми, и она увидела, как на лицах каждого из них блестели глаза ребёнка.

Дойдя до Эми, они окружили её, положив руки на плечи стоящих рядом, и их головы были так близко к ней, что она могла почувствовать запах их дыхания – сладкое и неземное, похожее на чистейший запах ладана.

Она почувствовала любовь – такую всеохватывающую и глубокую, что у неё закружилась голова. И она снова подумала о Скрудже, когда тот возродился и сказал, что у него «закружилась голова, как у пьянчуги». То же самое было и с ней – возрождённая, с затуманенной головой, радостная, полная любви и счастья от присутствия тех, кого уже не ожидала увидеть ни в этой жизни, ни в следующей. Ей казалось, что лучшего состояния и быть не может. Она чувствовала себя окутанной любовью.

Затем молодые люди начали исчезать, и сначала Эми подумала, что они просто растворятся в воздухе. Но вместо этого она увидела, что они превращаются в пыль – бледную пыль, падавшую на землю, словно снег, и собирающуюся в тихие круглые холмики у её ног. Её дети. Её милые дети.

*Дева с пламенем в очах
Или трубочист – всё прах³⁹.*

Она не знала, откуда эти слова, но ей они казались их реквиемом.

Но никто не сказал «Аминь». Вместо этого откуда-то сверху послышался крик, и посмотрев туда, откуда он донёсся, Эми увидела на круглой крыше здания, наполовину погружённого в землю, Ворона.

Ворон. Живой. И если это правда, то...

³⁹ Цитата из пьесы Шекспира «Цимбелин» (акт 4, сцена 2); пер. Н. Мелковой.

Она напрягла запястья, стянутые кожаными узами, и почувствовала, как они рвутся, будто бумага. Она снова была сильна. Её любовь к детям, и их любовь к ней, снова наполнила её мощью, и Ворон воскрес.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

Не теряя времени, Эми освободила Рика, после чего схватила ближайшее оружие – штурмовую винтовку, в которой было достаточно огневой мощи, чтобы разом смести всех сломанных и избитых мужчин, медленно поднимавшихся с земли. Рик тоже подобрал пистолет и держал на мушке побеждённых солдат, собирая любое оружие, до которого мог дотянуться.

Эми присоединилась к нему, и когда они всё собрали, она услышала звук двигателя за воротами. Спустя ещё несколько секунд она увидела свет фар автомобиля, приближающегося к лагерю по единственной дороге.

– Следи за ними, – сказала она Рику, жестом указав на жалкие остатки «Сыновей свободной Америки».

Эми прибежала к воротам именно в тот момент, когда Дэвид Левинсон выбирался из своего «Блейзера» с помповым ружьём в руках, приготовившись к бою.

Увидев вооружённую Эми, он опустил ружьё и раскрыл рот от удивления.

– Какого чёрта? – спросил он, когда Эми открыла для него ворота.

– Ты как сюда добрался?

– Мы следовали за воронами. Но что...

– Мы?

Эми получила ответ на свой вопрос, когда пассажирская дверца открылась, и Нэнси неуверенно вышла из машины. Их взгляды встретились, и сначала она увидела на лице подруги удивление, радость, а затем шок. Нэнси побелела, и казалось, пошатнулась.

Затем ночную тишину разорвали звуки выстрелов. Сперва Эми подумала, что выстрелили в Нэнси, но потом она поняла, что пуля попала *в неё* – вошла в спину и вышла через живот. Она едва почувствовала боль.

Она развернулась, услышав очередной выстрел, и увидела мальчишку, Карла Уизерса, который бежал из леса без оружия. Он оглядывался назад и кричал, чтобы перестали стрелять.

Но его никто не слушал. Следующий выстрел поразил Карла. Эми увидела брызги крови из раны на левой ноге, и мальчик упал. Ещё одна пуля врезалась в грязь рядом с ним, и тогда все побежали.

Эми бросилась к деревьям, откуда раздавались выстрелы, и услышала позади топот Левинсона. Слева от неё Рик бежал к мальчику, вслепую отстреливаясь в сторону леса. Он упал на колени, прикрыл Карла своим телом и попытался поднять его.

Ещё один выстрел потряс ночь. Рик замер и упал на мальчика. Эми закричала от ярости и открыла огонь в сторону леса, но что-то большое и чёрное оказалось в поле её зрения, и она прекратила стрельбу. Ворон стрелой летел за деревьями, хрипло крича, и Эми увидела Эйса Людвига, который, пошатываясь, шёл к открытой местности, преследуемый Вороном.

Эми и Левинсон выстрелили одновременно. Эми попала Эйсу в живот, а выстрел из дробовика Дэвида – в шею. Оба попадания были смертельны, но выстрел Левинсона был гораздо зрелищнее – он разорвал шею и позвоночник Эйса Людвига, оторвав ему голову.

Эми немедленно навела винтовку на остальных ополченцев, но они не двигались. Только Рип Уизерс медленно шёл к лежащим Карлу и Рику. Теперь Эми бежала к Рику, не сводя оружия с разгромленного отряда безумцев.

Карл выбрался из-под Рика, не обращая внимания на раненую ногу – его больше беспокоил человек, который пытался его спасти ещё раз. И тогда Эми всё поняла: мальчишка вырвался и сбежал, увидел, что произошло, и покинул укрытие, пытаясь уговорить Эйса не стрелять, потому что всё было кончено. Но Эйс не слушал – или, вероятнее всего, он думал, что Карл Уизерс...

– *Предатель!* – кричал Рип Уизерс, продвигаясь к мальчику и Рику. – *Предатель, сволочь!*

Он кричал, и в его глазах блестели слёзы.

– Довольно, – сказал Левинсон, взяв Уизерса на мушку дробовика. Тот остановился, тяжело дыша. Его сын, его армия, его мечта – всё исчезло.

Нэнси и Эми оказались рядом с Риком почти одновременно. Говорить он не мог. Кровь текла из его рта, и Эми знала, что жить ему оставалось очень мало. Она кивнула Нэнси, и она, словно получив разрешение, встала на колени возле Рика. Эми продолжала стоять, глядя на них.

Нэнси обняла мужа, забыв о крови, сочившейся из открытой раны на его спине. Рик слегка повернул голову, чтобы посмотреть на неё. Уголки его губ приподнялись в едва уловимой улыбке, и Нэнси, из глаз которой текли слёзы, поцеловала его в лоб, а затем в окровавленные губы.

Его голова медленно повернулась так, что он смотрел на Эми, но сделал ли он это намеренно, или же это был всего лишь дар гравитации, она не знала.

Как бы то ни было, улыбка исчезла с его лица, и в следующий же миг жизнь покинула его. Его безжизненные глаза смотрели в глаза Эми, и она ничего не могла в них прочесть – ни любви, ни обещания того, что они

снова встретятся. Просто глаза мертвеца – такие же молчаливые и загадочные, как и у всех мертвецов.

Нэнси вся тряслась от своей потери, и она посмотрела на Эми, не зная, ни что произошло, ни как или почему это случилось – она знала лишь то, что она никогда этого по-настоящему не поймёт. И всё же она спросила:

– Что... случилось? Что... ты... сделала?

– Я вернулась, – сказала Эми, – чтобы всё исправить.

Она посмотрела на лицо Рика, а затем на мальчика, который доказал, что ещё достоин искупления, на сына её убийцы, которого Рик пытался спасти ценой собственной жизни.

– Но это сделал Рик, – покачала головой Эми. – Всё, что я теперь могу сделать – покончить с этим.

Она посмотрела на Левинсона, который выхватил штурмовую винтовку из кучи оружия и стоял, направив её вместе с дробовиком на толпу.

– Дэвид, – позвала она, и он взглянул на неё. – Уведи отсюда Нэнси и мальчика. И приведи подмогу.

– А что тогда с... – он жестом указал на людей, которые сидели на земле или стояли, сгорбившись от поражения. Впрочем, в их глазах всё так же пылал гнев.

Она подошла к нему ближе, чтобы не услышали остальные.

– Закроем их в том бункере, – сказала она, указывая на здание, наполовину погружённое в землю.

– А что в нём?

– Беспокоиться не о чем. Я останусь с ними.

Она сделала шаг в сторону мужчин и громко объявила:

– Слушайте! Сейчас мы собираемся вас взять под стражу. Потом офицер Левинсон приведёт ещё...

Может, из-за мысли о взятии под стражу, а может, из-за того, что они были повержены евреем, один мужчина бросился бежать к сложенному оружию. Эми предвидела подобный шаг и выстрелила ему в грудь ещё до того, как он успел пробежать хотя бы половину дистанции. Он беззвучно рухнул на землю.

– Это не то, что любой из вас хотел бы сделать ещё раз, – спокойно сказала Эми. – Теперь шевелитесь. Мы идём к тому бункеру.

– Мэм, – сказал Карл Уизерс, которому Нэнси помогала встать на ноги. – Там ведь оружие, и...

– Я знаю, что там. Больше никаких проблем не возникнет. Я составлю компанию этим джентльменам, пока не придут представители властей.

Она дулом винтовки указала в сторону бункера, и мужчины начали идти.

– Любой, кто попытается сбежать, умрёт, не успев сделать и пяти шагов. Так что двигайтесь осторожно.

Эми заметила, что они перешёптываются, и она была уверена, что в их недалёкие умы пришла идея попасть в арсенал и там обыграть сучку с винтовкой. Впрочем, они подумали также о её храбрости, и никто не пытался сбежать. Риск мгновенно умереть – сильный аргумент.

Тем временем, пока Эми и Левинсон уводили ополченцев в бункер, Нэнси помогла Карлу доковылять до машины. Эми пошла по ступенькам впереди мужчин.

Здание внутри было гораздо больше, чем казалось снаружи. Различные виды огнестрельного оружия хранились в пирамидах возле одной стены, а возле другой стояли ящики с боеприпасами. Ещё дальше стояли деревянные ящики с надписью «ГРАНАТЫ», а рядом с ними находились контейнеры, заполненные динамитными шашками. Также там было несколько стеклянных банок с какой-то серой замазкой и пакеты с чем-то завернутым в бумагу.

Но то, что искала Эми, находилось на столе у входа, возле оружейных пирамид. Она убедилась, что никто из ополченцев не прошёл возле него, пока она сопровождала их к стене, под которой хранились патроны.

«Пусть хоть все патроны забирают», подумала она. «всё равно без оружия от них толку нет».

– Двигаемся, господа... вот так. Можете присесть на ящики, если хотите. Уверена, вы все подустали. Только в сторону оружия не дёргайтесь, пожалуйста.

– Эми, – тихо сказал Левинсон, – ты останешься с ними?

– Именно.

Она продолжала смотреть на мужчин. Они выглядели нервными и опасными. Рип Уизерс стоял, как и большинство остальных, чьи ноги не были повреждены во время атаки.

– Но никто из нас отсюда не выйдет.

Она посмотрела на него и заметила, что он смотрит на неё с беспокойством, возможно, даже немного с опасением.

– Но ты не волнуйся, они ничего не почувствуют.

Она показала на ключ, висевший на гвозде над дверью.

– Готова поспорить, что это от бункера. Запри его на замок снаружи. Сейчас же. И уведи отсюда Нэнси с парнем как можно быстрее. Спасибо, Дэвид. Ты *мени*⁴⁰.

Последние слова она произнесла с улыбкой. Левинсон попытался улыбнуться в ответ, но что-то словно засело в его горле и мешало это сделать.

– Она ещё и на идиш говорит, – хрипло произнёс он. – Девушка моей мечты. Жаль, что встреча наша была именно такой...

Он развернулся, схватил ключ и выбежал по ступенькам вверх, захлопнув за собой дверь. Эми услышала, как повернулся ключ в замке, и наконец-то увидела то, чего давно ждала.

Ей пришлось подождать ещё столько, сколько можно было. Она представила, как Левинсон бежит к воротам, помогает Нэнси усадить мальчика в машину, если она сама этого ещё не сделала. Какое-то мгновение он будет нащупывать ключи, затем заведёт двигатель грузовика, панически боясь того, что он не заработает. Но он заведётся. Потом он осторожно развернётся, пытаясь не застрять, и поедет по грязной дороге так быстро, как только можно, ожидая в любую секунду услышать что-то позади.

Да. Времени должно было хватить. Теперь он был в безопасности.

*Лехаим*⁴¹, Дэвид Левинсон. За жизнь.

А теперь и за смерть. Мужчины зашевелились. До этого времени они могли лишь залечивать сломанные руки, вывихнутые лодыжки и сломанные носы. Они попытались бы одолеть её, и это неизбежно – даже несмотря на то, что кто-то пал бы от её руки. Затем они бы выломали дверь и сбежали, пока жид не привёл федералов. Так они жили и так думали. Поэтому она их развлекает.

Двигаясь так решительно, что они могли только стоять и наблюдать, она прошла мимо пленных, не сводя с них взгляд и оружие. Она остановилась у ящика с гранатами, схватилась за деревянную крышку и дёрнула её вверх. Гвозди со скрипом вырвались из дерева, и мужчины удивлённо смотрели, как она сделала то, для чего им понадобился бы лом.

Гранаты были уложены в опилки, как яйца в гнездо, и Эми вытащила одну.левой рукой она зажала рычаг, продела указательный палец правой руки в кольцо чеки и выдернула её. Теперь она была живой. Нужно всего лишь отпустить, и уже никто не поймаёт.

⁴⁰ В переводе с идиш «хороший человек».

⁴¹ Традиционный тост на идиш.

– Итак, – сказала она, снова повернувшись к мужчинам, широко распахнувшим глаза, – если вас интересует, каким образом я собираюсь поддерживать дисциплину...

Она держала гранату в левой руке, а винтовку – в правой.

– Смотрите. И даже не пытайтесь бежать к двери. Она закрыта.

Она снова медленно прошла через комнату и остановилась у стола с ящиком.

– Меня тошнит от этого, – сказала она, чувствуя невыразимую усталость.

Ей казалось, что она очень долго спала. Она хотела спать в объятиях Рика, а потом проснуться и увидеть своих детей, но она не знала, может ли подобное случиться. Но надеялась на это.

– Я умерла из-за вас, – сказала она мужчинам, собравшимся в комнате с круглой крышей. – И я здесь из-за вас. Я пришла вершить правосудие. Но молюсь о милосердии для ваших душ.

Она посмотрела на гранату в своей руке.

– Потому что если прокляты вы, то и я тоже проклята.

Эми заглянула в большой деревянный ящик, в котором лежала последняя бомба Паудера Бёрнса. Затем она отпустила рычаг гранаты и впихнула её в разноцветное переплетение проводов и рычажков, окружавших основу бомбы – заряд взрывчатки С-4 весом в шестьдесят восемь килограммов.

Времени хватило лишь на то, чтобы мужчины закричали, и Эми закрыла глаза, надеясь на то, что останется лишь темнота.

Левинсон увидел вспышку раньше, чем услышал звук взрыва, и лишь потом почувствовал тряску.

Звучало всё так, словно целый лес взорвался за его спиной, и ощущения были такие, будто земля была гигантским одеялом, которое кто-то внезапно решил встряхнуть. Он нажал на тормоза, пока тряска не утихла, но даже на расстоянии полмили обломки градом стучали по крыше «блейзера». Он думал, могло ли вообще что-либо уцелеть на территории за забором.

Дрожь Нэнси Карлайл утихла, и она сказала:

– Эми... Она...

– Да, её нет. Их всех больше нет, – он посмотрел на мальчишку. – Всех твоих друзей.

В глазах парня блестели слёзы.

– Они не были моими друзьями... *никто* не был...

Этому парню предстоит долгий путь. Левинсон надеялся, что он с этим справится.

Пока они ехали в главную больницу в Хоби, проезжая мимо полицейских машин, направляющихся в противоположную сторону, Левинсон пересказал Нэнси всю историю, насколько он её знал. Когда он закончил, она некоторое время молчала, а потом сказала:

– Я не верю. Эми не могла быть мертва. Они с Риком... они как-то всё это спланировали.

Её голос наполнился печалью и чувством униженности.

– Я не думаю... что Рик вообще любил меня.

– Я сказал тебе правду, – ответил Левинсон. – И думаю, что он любил тебя. Но и Эми он тоже любил.

– Теперь они *вместе*, – сказала Нэнси, и он услышал в голосе женщины скорбь, гнев и то, что, как он надеялся, могло быть любовью.

Он не ответил, но подумал: «Я надеюсь на это. Бог, Ворон, или кто бы ни принимал эти решения – пожалуйста, пусть так и будет».

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЁРТАЯ

На следующее утро, как раз на рассвете, Дэвид Левинсон сел в свой «Блейзер», припаркованный у полицейского участка. Карл Уизерс был в полной безопасности в больнице, Нэнси Карлайл дали успокоительное, и она уснула, а Левинсон рассказал начальству и нескольким агентам ФБР почти всё, что знал.

Это заняло несколько часов. Он сказал им, что по его сведениям, Эми Карлайл выжила после взрыва, возможно, вела бродячий образ жизни, потеряв память, и всё вспомнила после того, как связалась со своим мужем, который уже был женат во второй раз. Вдвоём, без ведома новой жены Рика Карлайла, они начали охоту на подрывников, и погибли во время взрыва в лагере террористов.

В этой истории, наверное, было больше дыр, чем в нарезанном швейцарском сыре, но в основном сомнений не вызывало ничто: та же банда, которая взорвала Центр по уходу за детьми, а затем убившая Уилсона Барнса, Уильяма Стендиша и его мать, подорвалась на своей очередной бомбе.

Согласно отчёту Левинсона, Эми или Рик Карлайл могли быть ответственны за убийство Санни Армitedжа и Джуниора Фили. Впрочем, гибель людей от удара током в О-Клэр, скорее всего, были мстью лидеров террористов тем, кого они подозревали в измене – в данном случае это Чип Портер, хотя только Богу известно, почему.

Таким образом, они были ответственны не только за смерть тех, кого по глупости считали своим врагом, но убили и тех, кто им сочувствовал и поддерживал их дело. Федералам эта идея очень понравилась, и Левинсон заподозрил, что она будет основной, несмотря на любые доказательства обратного.

Что же, он сделал всё возможное, чтобы память Эми Карлайл оставалась священной, насколько это возможно. Он завёл машину и поехал домой, думая, что мог бы попросить Троттера помочь забрать «Аванти». Троттер спрашивать не будет.

Место, где когда-то находился Центр по уходу за детьми «Дружба», было не по пути, но Левинсон хотел приехать просто так, чтобы посмотреть, не изменилось ли что-нибудь. И он не разочаровался.

Солнце уже всходило, когда он остановил «Блейзер» у тротуара и вышел. Было холодно, но один вид лучей солнца, поднимающегося из-за горизонта, заставил Левинсона почувствовать тепло.

Физически место не изменилось. Или всё же?..

Появилось что-то новое, чего раньше не было, что-то добавилось, и спустя мгновение он понял.

Это были три ростка. Они пробились сквозь пепел и пыль – маленькие деревья, выросшие из семян, случайно занесённых сюда ветром. Меньше фута в высоту, они образовывали нечёткий треугольник, находясь друг от друга в нескольких футах.

Подходя ближе, Левинсон увидел что-то, что он не мог объяснить. В ноябре, когда зима уже близко, и когда температура всё ниже, ростки выбросили зелёные почки. Между ними, в пыли, выросли и расцвели несколько маленьких цветочков.

Их было десять, их нежные лепестки были разного цвета. Они выросли на пепле – красота, родившаяся из разрушения. Десять цветков.

Десять потерянных детей.

Три дерева.

Джуди Крофт. Эми Карлайл.

И её муж?

Пожертвовав собой, Рик Карлайл сделал столько же, сколько и они. Он заслужил своё место. Заслужил своё дерево.

«Боже, послушай себя», подумал Левинсон. «Знаки в деревьях и цветах. Чёрт, это просто совпадение, вот и всё».

Но цветы и почки в ноябре? В Миннесоте?

Он покачал головой. Может, теперь виновных нашли, и когда закончится вся официальная возня, кто-то займётся тем, что уже начала природа, и превратит это в сад – *мемориальный* сад, с небольшой игровой площадкой, чтобы здесь снова звучал детский смех.

Он посмотрел на светящееся небо, надеясь увидеть, как ворон драматично вылетает из рассвета. Но вместо этого на землю спустилась пара воробьёв, села на тротуар и начала клевать крошки.

Левинсон хохотнул и покачал головой, думая о своих ожиданиях. Всегда ожидает большего. Разве на одну жизнь ему не хватило чудес?

Он следил за воробьями, пока те не улетели. А потом, сдержав своё обещание, которое он дал Эми Карлайл, Дэвид пошёл в храм – впервые за много лет. Там он прочитал Кадиш – не только за неё, но и за тех, кто умер с ней, и тех, кто умер от её руки.

Творящий мир свысока,

Сотвори мир для нас.

БЛАГОДАРНОСТИ

Идея и организация проекта – Александр «Ах1-69» Гладских и Максим Голованов

Поиск людей к главам 1-16 – Максим Голованов

Редактор – Сергей Литвин

Обложка книги - Никита Ворожцов

Переводчики:

Сергей Литвин – главы 1,6-31,34-44

*Татьяна *Мерсу* Есипова – главы 2-3*

Маша Синегуб – глава 4

Елена Супруненко – глава 5

Марина Арсенина – глава 32

Елизавета Фэйм – глава 33

Александр «Ах1-69» Гладских – главы 36,44

Дата начала проекта – 31.03.2014

Дата окончания – 29.10.2015